

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2024

4(62)

Ψλ

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

4 (62) 2024
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

4 (62) 2024
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедра теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ», Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. О. Жанибекова, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Foreign Languages Chair; National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, O. Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Dosent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Иштван Ленарт (Москва, Россия) Комплексная методика изучения взаимных представлений русских и вьетнамцев в языке и культуре.....	8
Баландина Е.С. (Челябинск, Россия) Репрезентация образа «ПРОСТРАНСТВО»: лексикографический и корпусный анализ.....	20
Казаченко О.В. (Москва, Россия) Комплексный анализ ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ: психолингвистический аспект.....	34
Курмакаева Н.П. (Донецк, Россия) Ценностные приоритеты в дискурсивных практиках Донбасса в период военного конфликта.....	52
Григорьев А.А. (Москва, Россия) Связь между возрастом усвоения слов детьми и показателями категориальных норм (на материале русского языка).....	62
Сугоняев К.В. (Москва, Россия), Пашнева С.А. (Курск, Россия) Проверка валидности субъективных оценок возраста усвоения слов методом тестирования: репликация и уточнение	74

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ма Лина (Москва, Россия) Сопоставительный анализ понятия «родной язык» в языковом сознании китайцев и русских (на материале корпусов китайского и русского языков).....	92
Шереметова А.С. (Омск, Россия) Стабильность и изменчивость семантических и синтаксических связей русского глагола БЕГАТЬ в языковом сознании носителей языка разного временного периода.....	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шапошникова И.В. (Новосибирск, Россия) Круглый стол «Русская языковая личность в межнациональном общении».....	118
Милованова М.С. (Москва, Россия) Аксиология и когнитивная лингвистика.....	144

РЕЦЕНЗИИ

Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: «Канцлер», 2024. 510 с. (Орлова О.С.).....	148
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ

Приглашение на XXI Международный Симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке».....	150
Правила оформления и предоставления рукописи в журнал.....	152

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Lenart I. (<i>Moscow, Russia</i>) Complex linguocultural methodology for investigation of Russian-Vietnamese mutual perceptions in language and culture.....	8
Balandina E.S. (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) Representation of the concept “SPACE”: lexicographical and corpus analysis.....	20
Kazachenko O.V. (<i>Moscow, Russia</i>) A comprehensive analysis of the value JUSTICE: a psycholinguistic aspect.....	34
Kurmakaeva N.P. (<i>Donetsk, Russia</i>) Value priorities in the linguistic perception and discursive practices of Donbas during the military conflict.....	52
Grigoriev A.A. (<i>Moscow, Russia</i>) Relationship between a child’s age of word acquisition and indicators of category norms: based on the material of the Russian language.....	62
Sugonyaev K.V. (<i>Moscow, Russia</i>), Pashneva S.A. (<i>Kursk, Russia</i>) Validation of adult age-of-acquisition ratings of Russian words by vocabulary testing: replication and elaboration.....	74

YOUNG SCHOLARS’ STUDIES

Ma Lina (<i>Moscow, Russia</i>) A comparative analysis of the concept “mother tongue” in the consciousness of the Chinese and Russians: A case study of the Chinese and Russian language corpora.....	92
Sheremetova A.S. (<i>Omsk, Russia</i>) Stability and variability of semantic and syntactic connections of the verb BEGAT’ in the linguistic consciousness of native Russian speakers of different time periods.....	102

SCIENTIFIC LIFE

Shaposhnikova I.V. (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Round table discussion “The Russian language personality in international communication”.....	118
Milovanova M.S. (<i>Moscow, Russia</i>) Axiology and cognitive linguistics.....	144

REVIEW

Logical Analysis of Language. Language and the World. On the Centenary of the Birth of Nina Davidovna Arutyunova / Ed. M. L. Kovshova. Moscow: "Kanzler", 2024. 510 p. (Orlova O.S.).....	148
--	-----

INFORMATION

Invitation to the XXI International Symposium on psycholinguistics and communication theory "Theory of speech activity – a new paradigm in the science of language".....	150
Manuscript Submission Requirements.....	152

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

ББК 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-8-19

Обзорная статья

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКИХ И ВЬЕТНАМЦЕВ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Марковина Ирина Юрьевна

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский университет,
Москва, Россия

Матюшин Алексей Аркадьевич

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский университет,
Москва, Россия

Ленарт Иштван

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский университет,
Москва, Россия

Аннотация

В работе подводятся итоги масштабного международного проекта по изучению русско-вьетнамских взаимных представлений, функционирующих в языке и культуре.

Авторами описывается процесс разработки и апробации оригинальной комплексной методики для реконструкции этнических «портретов» и «автопортретов». Методика включает три компонента: сбор «входных» данных о структуре и содержании этнических «портретов» и «автопортретов»; обработку полученных данных при помощи методов корпусной лингвистики; семантический анализ паремиологических единиц, отобранных на основе результатов предыдущих этапов, для расширения этнокультурного содержания исследуемых характеристик.

В результате применения разработанной методики получен набор характеристик, включенных респондентами в этнические «портреты» и «автопортреты». В рамках проекта исследовались такие качества, как *смелость/dũng cảm, гостеприимство/hiếu khách, трудолюбие/cần cù, ум/thông minh* и *доброта/tốt bụng*. Авторами получена дополнительная информация о лингвистических и культурологических нюансах русских и вьетнамских «автопортретов» и «портретов», включающих квазиэквивалентные элементы, что убедительно продемонстрировало возможности выявления сходства, различия, а также квазисходства и квазиразличия в самопредставлениях и взаимных представлениях двух народов.

Разработанная и апробированная авторская комплексная методика является логическим развитием традиций отечественной этнопсихолингвистики и ориентирована на решение проблем эффективности межкультурного диалога, установления взаимопонимания между представителями различных культур.

Ключевые слова: психолингвистика, образ России, образ Вьетнама, языковое сознание, характерологический портрет, персонифицированный портрет

Введение

Основным предметом изучения отечественной психолингвистической школы является языковое сознание. Данное понятие, введенное в научный обиход Е.В. Тарасовым,

тракуется им как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000]. В рамках изучения языкового сознания язык и речевая деятельность рассматриваются как «отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, неосознаваемых носителями языка» [Овчинникова 2008]. Таким образом, язык является средством, используемым для отражения концептуальной картины окружающего мира, социокультурной реальности его носителя [Уфимцева 2016].

На концептуальную картину (образ) окружающего мира, функционирующую в сознании носителя определенного языка, влияют, прежде всего, внешние социокультурные факторы, что обуславливает невозможность непосредственного «перекодирования» видения мира между носителями разных культур [Леонтьев 1983: 20]. Исходя из этого, при установлении межкультурных контактов на первый план выходит изучение языкового сознания их носителей, точнее, овнешненного при помощи языка образа этого сознания как эффективного способа исследования ментального аспекта контактирующих культур [Уфимцева 2015]. Иными словами, языковое сознание народа представляет собой «ключ» к понимаю культуры этого народа, что, в свою очередь, способствует установлению эффективного межкультурного диалога, в особенности между представителями тех стран, чьи культуры сильно различаются (по степени контекстуальности и т.п.).

Сопоставительному изучению языкового сознания русских и представителей других народов посвящено немало работ, однако подавляющее большинство из них носят разрозненный характер. Так, ряд исследований был посвящен изучению отдельных образов-фрагментов, функционирующих в языковом сознании русских и представителей иных народов: изучению образа *времени* в языковом сознании русских и японцев [Палкин 2018], образа *мужчины* в языковом сознании русских и американцев [Покоякова 2013], образа *удачи* в языковом сознании русских и англичан [Маховиков 2009] и т.д. Наибольший интерес и особую практическую ценность с лингвокультурологической точки зрения представляют исследования, целью которых является изучение образа *своей-чужой* [Балясникова 2016; Падерина, Сюэ 2021; Ерёмкина 2022], а также тесно связанных с данной дихотомией образов разных стран (России [Тарасов 2006], России и Италии [Нистратов, Нистратова 2015], Китая [Григорьева, Цичжэн 2024] и т.д.) и народов (образ русских в языковом сознании поляков [Дроздецкая 2015] и армян [Лурье 2017], образ китайцев в языковом сознании носителей своей и чужой культуры [Хуан 2017], образ англичан, выраженный в стереотипах российских студентов [Головушкина 2013]), а также ряда других релевантных образов: *родины* [Есенова 2009; Степанова 2016], *дома* [Янь 2016; Воейкова 2013], *семьи* [Влюбчак 2014; Гаранович, Яньнянь 2018] и т.д. Следует подчеркнуть тот факт, что хотя многие из изученных образов сознания упомянуты в словаре «Базовые ценности носителей русской культуры» [Базовые ценности... 2019], разработанном по предложению Е.Ф. Тарасова, практические исследования в области изучения взаимных представлений и самопредставлений различных народов, отраженных в языке и культуре, как правило, ограничиваются стадией ассоциативного эксперимента.

Одним из наглядных примеров такого фрагментированного подхода, на наш взгляд, можно назвать этнопсихолингвистическое изучение двух народов, длительное время находящихся в тесном и продуктивном контакте, в том числе в вопросах культуры [Хо-

анг 2020; Понька, Юношкина 2021], – российского и вьетнамского. Так, среди исследований, посвященных изучению отдельных аспектов русско-вьетнамских взаимных представлений, следует упомянуть, в частности, работы, посвященные изучению перцептивного образа *Вьетнам* [Уонг 2018] в русском языковом сознании [Туан 2018], сопоставлению образов языкового сознания русских и вьетнамцев [Нгуен 2000], а также эмпирическому изучению особенностей вербального и невербального поведения вьетнамцев [Lenart 2013], сопоставительному исследованию языков и культур Вьетнама и Венгрии через призму бизнес-коммуникации [Lenart 2016] и ряду работ, направленных на исследование исторических связей между двумя странами и культурами, в которых, в определенной степени, затрагиваются вопросы взаимопонимания народов.

Таким образом, вышеизложенные предпосылки определили цель исследования, проведенного авторами в 2021–2023 гг. совместно с вьетнамскими коллегами и при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Вьетнамской академии общественных наук (проект №21-512-92001) – изучение русско-вьетнамских взаимных представлений, существующих в языке и культуре, путем реконструкции этнических «портретов» и «автопортретов». Для реализации этой цели требовалась разработка и апробация оригинальной комплексной лингвокультурологической методики по изучению процессов этнической идентификации и самоидентификации, этапы разработки и апробации которой представлены в настоящей работе.

Этап 1 – сбор исходных данных

В рамках первого (пилотного) этапа исследования изучались взаимные представления русских и вьетнамцев, полученные на основе специально разработанных для данного проекта опросников. Опросники представляют собой версию классического ассоциативного эксперимента и включают в себя два блока, предназначенные для сбора коллективных и антропонимических признаков, приписываемых русскими и вьетнамскими респондентами в процессе экспериментальной этнической идентификации и самоидентификации. На основе полученных данных авторами были впервые составлены этнические «портреты» и «автопортреты» русского и вьетнамского народов в двух проекциях – характерологической и антропонимической [Марковина, Матюшин 2021; Markovina, Lenart 2022].

Сопоставительный анализ полученных данных демонстрирует как сходства, так и различия в характерологических и персонифицированных этнических «портретах» и «автопортретах» двух народов. В число наиболее часто приписываемых друг другу характеристик вошла лишь одна общая (*доброта*). Наиболее частотными качествами этнического «портрета» русских стали *гостеприимство*, *дружелюбие* и *ум*. Для вьетнамцев такими качествами являлись *трудолюбие*, *доброта* и *веселость*. Русские идентифицируют себя как *терпеливый* и *мужественный* народ, тогда как вьетнамцы описывают себя как народ *единый*, *трудолюбивый* и *патриотичный*. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что этнические «портреты» и «автопортреты» изучаемых народов могут существенно различаться. Оригинальным компонентом данного этапа исследования является применение к анализу полученных результатов теории базовых ценностей Ш. Шварца [Schwartz 2017]. Данный подход позволил сделать предварительный вывод о существенных межкультурных различиях в восприятии двумя народами таких ценностей, как *открытость к изменениям* (openness to change) и *самопожертвование* (self-transcendence).

Получены также представляющие научный интерес данные о персонифицированных (антропонимических) «портретах» и «автопортретах» двух народов [Марковина, Матюшин 2021; Markovina, Lenart 2022]. Собраны и проанализированы данные о значимых и известных личностях России и Вьетнама, включенных респондентами в персонифицированные «портреты» и «автопортреты». По мнению российских респондентов, известные личности, являющиеся типичными представителями русского народа, относятся к следующим категориям: *писатели, политические деятели и ученые*. Антропонимический «автопортрет» вьетнамского народа составляют *политические деятели, военачальники/герои войны и писатели*. Как русский, так и вьетнамский антропонимический «автопортрет» включает *космонавтов и музыкантов*. Особенностью персонифицированного «автопортрета» вьетнамцев является включение *придворных учителей, бизнесменов и народных героев*. Только российские респонденты включили в автопортрет *общественных деятелей, художников, режиссеров, медийных персонажей*.

Таким образом, исследования, проведенные в ходе первого этапа изучения взаимных представлений русского и вьетнамского народа посредством реконструкции этнических «портретов» и «автопортретов», были осуществлены впервые, с использованием оригинальных авторских опросников в качестве нового шага в развитии отечественных этнопсихолингвистических подходов, сформулированных в серии работ под названием «Этническая конфликтология» [Сорокин 1994; Сорокин 2007].

Не вызывает сомнения тот факт, что сбор и корректная интерпретация подобных данных возможны только при участии международной команды исследователей. Результаты первого этапа позволили сделать вывод о том, что комбинированные исследования на основе международных теорий в сочетании с теоретическими и практическими подходами российской этнопсихолингвистики способствуют получению более полной картины взаимных этнических представлений и самопредставлений.

Этап 2 – обработка данных при помощи методов корпусной лингвистики

Следует отметить, что отечественных исследований, выполненных на стыке экспериментального и корпусного подходов к обработке данных, сравнительно немного. Примером такого исследования является изучение особенностей вербализации образа *вежливость* во вьетнамском языке [Нгуен 2022]. В рамках исследования были выделены частотные лексико-семантические единицы, при помощи которых вьетнамские респонденты описывали образ *вежливость*, и далее проанализированы через призму лексикографических источников.

Нельзя не отметить возможность использования корпусных методов для уточнения индивидуальных значений слов, относящихся к культурным константам [Бубнова, Казаченко 2018], для сравнения содержания образов сознания носителей различных языков на основе культурной константы *свой-чужой* [Тяньдэ 2017], исследования этнокультурных стереотипов [Чжан 2017] и т.д. Таким образом, в основу второго этапа исследования по изучению взаимных представлений русских и вьетнамцев, функционирующих в языке и культуре, были положены методы корпусной лингвистики, при помощи которых проведено сопоставительное изучение данных, полученных в ходе первого этапа исследования.

Прежде всего, была решена задача проверки гипотезы о культурно-специфическом содержании общих характеристик, входящих в «автопортрет» русского народа и «пор-

трет», сделанный вьетнамскими респондентами. Общими считались характеристики, вошедшие в список «портретных» и «автопортретных» качеств русского народа, равно как и характеристики, вошедшие в список «портретных» и «автопортретных» качеств вьетнамского народа, выраженные русско-вьетнамскими словарными эквивалентами.

После выявления общих характеристик (*смелость/dũng cảm, гостеприимство/hiếu khách, доброта/tốt bụng, ум/thông minh* и *трудолюбие/cần cù*) они были проанализированы при помощи платформы Sketch Engine, предназначенной для работы с корпусными данными [Kilgarriff, Rychly 2004]. Для анализа международной командой исследователей были выбраны два корпуса, полученные на основе веб-текстов (ruTenTen11 и VietnameseWaC). Использование двух современных веб-корпусов, русского и вьетнамского, как представляется, позволяет получить самые актуальные данные о содержании культурно-специфических компонентов образов сознания, отражающих самопредставления и взаимные представления носителей соответствующих языков.

Полученные на основе корпусных данных тезаурусы демонстрируют неконгруэнтность семантических компонентов изученных лексических единиц и содержат дополнительную информацию о смысловых нюансах взаимных представлений русских и вьетнамцев, включающих квази-эквивалентную лексику [Марковина, Матюшин 2022; Markovina, Matyushin 2024]. Так, результаты анализа продемонстрировали, что для русских *смелость* – это, прежде всего, *мужество, храбрость* и *отвага*, тогда как смелые вьетнамцы перед лицом опасности не теряют *спокойствия* и *бдительности*. *Гостеприимство* обоих народов характеризуется *щедротью*, однако для русских важнее продемонстрировать *радушие*, а для вьетнамцев – *презойти* остальных в проявлении данного качества. Для русских понятие *доброта* семантически связано с понятиями, выражающими положительные личные качества, такими как *доброжелательность, искренность, честность, благородство* и *щедротью*, в то время как для вьетнамцев *tốt bụng* – это не только *любовь*, но и *необеспеченность, дороговизна* и *сложность*. Согласно корпусным данным, *ум* для русских тесно связан с *разумом, сознанием* и *душой*, тогда как для вьетнамцев – с *мудростью, смелостью* и *простотой*.

Следует особо отметить, что единственной характеристикой, вошедшей как во вьетнамский «автопортрет», так и в «портрет» вьетнамцев, составленный русскими респондентами, оказалось *трудолюбие/cần cù*. Согласно полученным данным, *трудолюбие* двух народов также различается: если для русских это, прежде всего, достижение цели (*целеустремленность, настойчивость*), то для вьетнамцев это – борьба с *бедностью, преодоление* трудностей. Участниками международной команды исследователей подчеркивается вывод о несформированности образа вьетнамского народа у русских респондентов, по-видимому, в результате недостаточной информированности: вьетнамский народ и вьетнамская культура остаются «закрытыми» для российского общества.

Таким образом, сопоставительный анализ полученных в ходе первого этапа исследования кросс-культурных данных был проведен нами на втором этапе методами корпусной лингвистики. Полученные в ходе второго этапа исследования результаты являются убедительным аргументом в пользу применения корпусных инструментов, наряду с методом кросс-культурного анкетирования и ассоциативного эксперимента, для изучения взаимных представлений русских и вьетнамцев, равно как и взаимных представлений иных народов, зафиксированных в языке и культуре.

Этап 3 – семантический анализ паремиологических единиц

Целью третьего этапа исследования являлось изучение паремиологических единиц как фрагментов аксиологической картины мира двух народов. Необходимо подчеркнуть, что материал для данного этапа является результатом двух предыдущих этапов проекта: опроса респондентов в обеих странах и верификации полученных данных на материале национальных корпусов. Таким образом, на данном этапе нами получена дополнительная информация о лингвистических и культурологических нюансах русских и вьетнамских «автопортретов» и «портретов», включающих квазиэквивалентные элементы.

Поскольку единственной характеристикой, вошедшей как в русский и вьетнамский «автопортреты», так и в «портрет» вьетнамцев, составленный русскими респондентами, оказалось *трудолюбие/cần cù*, одной из задач третьего этапа проекта стало выявление культурно-специфических оттенков содержания данного понятия. Материалом для изучения послужил концепт *трудолюбие/cần cù* и семантически связанные с ним понятия *труд* и *лень*.

Трудолюбие/cần cù – одна из ключевых (по данным экспериментального этапа) характеристик «автопортретов» русского и вьетнамского народов. Проведенный семантический анализ отобранных паремиологических единиц (по 200 русских и вьетнамских) подтверждает универсальность аксиологических положений народной мудрости, ранее отмеченную другими исследователями как для паремий вообще, так и для пословиц и поговорок, связанных с концептом *труд*.

Результаты анализа отобранных паремий были сгруппированы в семантические категории, общие для двух народов: результат труда (материальный/нематериальный), части тела–инструменты труда, зоолексемы–символы труда, вера в Бога как обоснование необходимости усилий, мотивирование трудовых усилий [Марковина, Матюшин 2023].

Так, в качестве наиболее часто упоминаемого материального результата *труда* в русских паремиях упоминается *хлеб*, причем чаще всего в качестве обобщенного понятия (*Не потрудиться, так и хлеба не добиться; Горька работа, да хлеб сладок* и т.д.), при этом *белый хлеб*, т.е. хлеб высшего качества, напрямую связан с *трудолюбием* (*Жена трудолюбивая – на столе белый хлеб*). *Рис*, являясь в изученной подборке вьетнамским эквивалентом русского *хлеба*, представляет собой основное блюдо, которое едят ежедневно, из него делают новогодние пироги и получают спиртные напитки. Неудивительно, что *рис* широко представлен во вьетнамских паремиологических единицах, связанных с результатом *труда*: *Miõn ăn lúa, thì tìm giõng* (Если хочешь есть рис – ищи семена) и т.д. Отдельная группа паремий связана с *рисом* и критикой *лени*: *Chữ không học, thức không hay – слова не выучены, рис не отшелушен* (критика ленивых детей), и т.д.

Национальным оттенком обладают и зоолексемы, входящие в состав изученного русского и вьетнамского материала. Так, для русских примерами представителей животного царства, ассоциированных с трудом, являются *муравей* и *пчела*, а во вьетнамской подборке присутствуют такие зоолексемы, как *буйвол* и *дракон* – два представителя реальной и мифологической фауны Вьетнама, наиболее часто упоминающиеся в национальных пословицах и поговорках данной страны.

Вера в Бога как обоснование необходимости *труда* и *мотивирование трудовых усилий* — две семантические группы паремий, показавшие наименьшую кросс-куль-

турную вариативность: *Бог труда любит; Có công đã có trời đền* (если будешь трудиться, то Бог отблагодарит тебя) и т.д.

Оба народа отмечают взаимосвязь между *работой* и *сытостью* или *голодом*, рассматривают труд как возможность накопить средства на «черный день». Установлены культурно-специфические оттенки связи между *ленью*, *трудом* и *богатством* у двух народов. Однако, в русских пословицах и поговорках акцент нередко делается на тщетности достижения богатства посредством *труда*, тогда как вьетнамцы видят прямую связь между *трудом* и *богатством*. Универсальность аксиологических положений народной мудрости, отмечаемая нами вслед за другими исследователями, сопровождается выраженным национальным колоритом и реализуется через реалии с культурно-специфическими оттенками.

Заключение

Таким образом, изучение взаимных представлений русских и вьетнамцев, функционирующих в языке и культуре (этнических «портретов» и «автопортретов»), проводилось на основе разработанной в ходе выполнения проекта комплексной методики, представляющей собой трехкомпонентный исследовательский протокол, состоящий из:

1) Сбора исходных данных о структуре и содержании этнических портретов и автопортретов изучаемых народов на основе модифицированной версии ассоциативного эксперимента.

Собранные данные позволили реконструировать содержание этнических «портретов» и «автопортретов» двух народов для их последующей верификации другими методами. Также были получены дополнительные сведения о механизмах формирования взаимных этнических представлений и самопредставлений.

2) Анализа полученных данных и их верификации при помощи методов корпусной лингвистики на материале веб-корпусов, что позволяет выявить национально-культурные особенности квазиэквивалентных характеристик само- и взаимных представлений.

Полученные на основе корпусных данных тезаурусы демонстрируют неконгруэнтность семантических компонентов изученных лексических единиц и содержат дополнительную информацию о смысловых нюансах взаимных представлений (включающих квазиэквивалентную лексику), отраженных в исследуемых языках и культурах.

3) Расширения этнокультурного содержания полученных характеристик на основе семантического анализа паремиологических единиц, представляющих собой элементы национального культурного фонда и являющихся фрагментами аксиологической картины мира изучаемых народов.

Результаты подобного анализа позволяют не только дополнительно уточнить накопленную в ходе первых двух этапов информацию о лингвистическом и культурологическом содержании этнических «портретов» и «автопортретов» изучаемых народов, но и установить элементы этнолингвокультуры, являющиеся архетипическими в культурах двух народов.

В результате применения данной комплексной методики установлены сходные по содержанию фрагменты культуры, рассматриваемые авторами как возможные «точки соприкосновения», обеспечивающие эффективный, бесконфликтный диалог двух народов. С другой стороны, выявленная специфика указывает на зоны «риска непонимания», которые должны стать объектом особого внимания специалистов, обеспечивающих эффективный межкультурный диалог. Выявляемые при изучении процессов этнической

идентификации и самоидентификации «ментальные стереотипы» [Сорокин 2007: 46], несомненно, должны учитываться организаторами межкультурного общения.

Авторы рассматривают данный проект в качестве апробации предложенной комплексной методики изучения взаимных представлений и самопредставлений, отраженных в языке и культуре. Описанная методика убедительно продемонстрировала возможности выявления сходства, различия, а также квазисходства и квазиразличия в самопредставлениях и взаимных представлениях народов. В дальнейшем авторы планируют применить данную методику в изучении взаимных представлений и самопредставлений других народов.

Разработанная и апробированная авторская комплексная методика является логическим развитием традиций отечественной этнопсихолингвистики и ориентирована на решение проблем эффективности межкультурного диалога, установления взаимопонимания между представителями различных культур.

© Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., 2024

Литература

Базовые ценности носителей русской культуры / под ред. Е.Ф. Тарасова. М.: Институт языкознания РАН, 2019. 550 с.

Балясникова О.В. «Свой–чужой»: психолингвистические аспекты исследования: (на материале русского языка). М.: Канцлер, 2017. 202 с.

Бубнова И.А., Казаченко О.В. Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества. // Вопросы психолингвистики. 2018. №2, Т. 36. С. 28–41.

Влюбчак М.М. Особенности репрезентации концепта «Семья»/“family” в языковом сознании русскоязычных и англоязычных респондентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (151). С. 129–133.

Войкова А.А. «Дом» в языковом сознании русских и американцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №. 10 (301). С. 19–22.

Гаранович М.В., Яньян Ц. Представления о семейных отношениях в языковом сознании русских и китайцев // Социо-и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 61–70.

Головушкина М.В. Образ англичан в стереотипах российских студентов // Наука. Общество. Государство. 2013. №1 (1). С. 177–183.

Григорьева Т.В., Цицжэн Л. Образ Китая в русском языковом сознании (по данным «Русского регионального ассоциативного словаря») // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. №. 3. С. 382–387.

Дроздецкая А.Г. Стереотипный образ русского в сознании польской молодежи // Актуальные проблемы филологии. 2015. № 11. С. 16–33.

Ерёмкина Е.С. Оппозиция «свой–чужой» как универсальная категория сознания // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2022. № 2 (47). С. 56–63.

Есенова Т.С. Лингвокультурный концепт «родина» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. 2009. №. 3. С. 37–44.

Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 5–20.

Лурье С.В. Образ России и русских в современном армянском сознании // Историческая психология и социология истории. 2017. Т. 10. № 2. С. 206–227.

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Иштван Ленарт, Данг Ми Линь. Общность паремиологических компонентов аксиологической картины мира русских и вьетнамцев: концепт труд // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4(54). С. 152–163.

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., Фам Х. Экспериментальное изучение восприятия русских и вьетнамцев русскими респондентами // Вопросы психолингвистики. 2021. №2(48). С. 74–85.

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И., Фам Х., Хуен Н.В. Самопредставление русских и вьетнамцев: данные корпусного исследования // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3(53). С. 89–106.

Маховиков Д.В. Образ «удача» в языковом сознании русских и англичан (на материале ассоциативных полей) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 146–148.

Нгуен Т.Х. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: сопоставительный анализ. Дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.19. Москва, 2000. 305 с.

Нгуен Т.М.Н. Концепт «вежливость» во вьетнамской культуре. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №2 (857). С. 110–116.

Нистратов А.А., Нистратова С.Л., Маховиков Д.В., Тарасов Е.Ф. Образ стран в языковом сознании русских и итальянцев // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26. С. 144–162.

Овчинникова И.Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? // Филологические заметки. 2008. Т. 1. С. 4–11.

Падерина Т.С., Сюэ Б. Этническое своеобразие концепта «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 3 (27). С. 13–17.

Палкин А.Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 4. С. 5–15.

Покаякова К.А. Образ мужчины в языковом сознании русских и американцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №. 7–2. С. 147–149.

Понька Т.И., Юньюшкина А.С., Дубровский И.Р. Гуманитарный аспект стратегического партнерства Вьетнама и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 56–76.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М.: Институт проблем риска, 2007. 118 с.

Степанова А.А. Репрезентация образов «Родной» и «Родина» в региональном языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 258–263.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.

Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73.

Туан У.М. Перцептивный образ концепта Вьетнам в русском языковом сознании // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 64–69.

Тяньдэ Х. Образ «Китаец» в сознании носителей своей и чужой культуры (на материале корпусов китайского и русского языков). // Вопросы психолингвистики. 2017. №1 (31). С. 217–225.

Уонг М.Т. Концепт «Вьетнам» в русском языковом сознании: что русские знают о Вьетнаме // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 3. С. 52–64.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание-образ мира-языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 115–119.

Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 238–249.

Хоанг Т.Л. Обмен вьетнамской культурой: Россия и проблемы, возникающие в период интеграции // Научные исследования и разработки. Экономика. 2020. Т. 8. № 4. С. 51–54.

Хуан Т. Образ «Китаец» в сознании носителей своей и чужой культуры (на материале корпусов китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1 (31). С. 217–225.

Чжан Ж. Языковая репрезентация этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах. // Вопросы психолингвистики. 2017. №3 (33). С. 218–229.

Янь Ч. Ассоциативное поле концепта «Дом» в русском языковом сознании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 4. С. 39–42.

Kilgarriff A., Rychly P., Smrz P., Tugwell D. Itri-04-08 the SketchEngine. // Proceedings of Euralex. Lorient, France, July 2004. PP. 105–116.

Lenart I. How do Vietnamese and Hungarian Businessmen Communicate? // Hoi Thao Khoa Quoc Te Ngon Ngu Hoc Viet Nam trong Boi Canh Doi Moi va Hoi Nhap, International Conference on the Linguistics of Vietnam in the Context of Renovation and Integration, ed.: Nguyen Van Hiep, Hanoi, 2013. P. 60–61.

Lenart I. Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions, doctoral dissertation at Eotvos University. 2016.

Markovina I., Lenart I., Matyushin A., Hien P. Russian–Vietnamese mutual perceptions from linguistic and cultural perspectives // Heliyon. 2022. Т. 8. № 6.

Markovina I. Y., Matyushin A., Lenart I., Nguyen V.H., Pham H. Corpus linguistic exploration of Russian-Vietnamese mutual perceptions // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10. № 1. С. 94–114.

Schwartz S. H. The refined theory of basic values // Values and behavior: Taking a cross cultural perspective. 2017. С. 51–72.

Сведения об авторах:

Марковина Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1

ORCID: 0000-0001-6940-9443

e-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Матюшин Алексей Аркадьевич – кандидат фармацевтических наук, доцент, магистр лингвистики, доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4683-1590

e-mail: matyushin@sechenov.ru

Иштван Ленарт – Ph.D., доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 3, стр. 1

ORCID: 0000-0003-3262-3803

e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

Для цитирования:

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Ленарт И. Комплексная методика изучения взаимных представлений русских и вьетнамцев в языке и культуре // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 8–19, doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-8-19

UDC 81'23

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-8-19

Review article

**COMPLEX LINGUOCULTURAL METHODOLOGY FOR INVESTIGATION
OF RUSSIAN-VIETNAMESE MUTUAL PERCEPTIONS
IN LANGUAGE AND CULTURE**

Irina Yu. Markovina

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

Alexey A. Matyushin

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

Lenart Istvan

Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

Abstract

The paper summarizes the results of a large-scale international project aimed at investigation of Russian-Vietnamese mutual perceptions reflected in language and culture.

The authors describe the process of development and testing of complex methodology for the reconstruction of ethnic “portraits” and “self-portraits” in two aspects, the characteristic and anthroponymic ones. The methodology, developed by the authors, is comprised of three components: collection of the source data on structure and content of ethnic “portraits” and “self-portraits”; processing of the data obtained by corpus linguistics methods; semantic analysis of paremiological units, selected at the previous research stages, in order to expand the ethnocultural content of the studied characteristics.

The application of the developed methodology resulted in collection of several characteristics that the respondents attributed to ethnic “portraits” and “self-portraits”. Out of the obtained characteristics, the following were further investigated: courage (смелость/ dũng cảm), hospitality (гостеприимство/ hiếu khách), industriousness (трудолюбие/ cần cù), intelligence (ум/ thông minh), and kindness (доброта/ tốt bụng). The authors analyzed linguistic and culture-related nuances of Russian and Vietnamese “portraits” and “self-portraits” that include quasi-equivalent elements. This clearly demonstrated the applicability of the developed methodology for identification of similarities and differences, as well as quasi-similarities and quasi-differences, in mutual perceptions and self-perceptions of the two peoples.

The proposed complex methodology is a logical development of the traditions of Russian school of ethnopsycholinguistics and is aimed at facilitating intercultural dialogue and establishing mutual understanding between representatives of different cultures.

Keywords: psycholinguistics, image of Russia, image of Vietnam, linguistic consciousness, characterological portrait, anthroponymic portrait

© Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Lenart I., 2024

Bionotes:

Irina Yu. Markovina – Ph.D. in Linguistics, Professor, Director, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0001-6940-9443

e-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Alexey A. Matyushin – Ph.D. in Pharmacy, MA in Linguistics, Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0003-4683-1590

e-mail: matyushin@sechenov.ru

Lenart Istvan – Ph.D., Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0003-3262-3803

e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

For citation:

Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Lenart I. Complex linguocultural methodology for investigation of Russian-Vietnamese mutual perceptions in language and culture // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 8–19. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-8-19 (In Russian)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО»: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ, КОРПУСНЫЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Баландина Екатерина Сергеевна

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

Аннотация

В статье представлено исследование, посвященное изучению понятия и образа «ПРОСТРАНСТВО». Материалом анализа послужили словарные статьи в различных этимологических и толковых словарях, данные Национального корпуса русского языка, а также ассоциативное поле слова-стимула ПРОСТРАНСТВО, представленное в Русском региональном ассоциативном словаре ЕВРАС. С помощью дефиниционного анализа, методов корпусной лингвистики и психолингвистики было проведено детальное исследование, позволившее раскрыть современное состояние понятийной составляющей выбранной лексемы и определить основные характеристики образа ПРОСТРАНСТВА в языковом сознании носителей русской культуры. –Этимология имени ПРОСТРАНСТВО берет начало от старославянского слова со значением ‘широкий, просторный’, определившим его ключевую сему, связанную со свойством чего-либо распространяться или занимать место. В дальнейшем, в ходе распространения философского знания, ядро лексемы было дополнено новым смысловым содержанием, трактующим пространство как бесконечно развивающуюся форму материи. В современных текстах лексическая единица ПРОСТРАНСТВО встречается относительно часто в текстах различных жанров и разнообразной тематической направленности. Психолингвистическое исследование показало, само понятие «ПРОСТРАНСТВО» имеет сложную внутреннюю организацию. В языковом сознании россиян «ПРОСТРАНСТВО» связано с философским и научным осмыслением, природными пространствами космоса и неба, виртуальным пространством, свободой и внутренним миром, а также может характеризоваться, с одной стороны, как замкнутое и небольшое, а с другой – как огромное и необъятное. В заключении представлены основные выводы, обобщающие полученные результаты.

Ключевые слова: лексикографический дискурс, корпус, образ, пространство, языковое сознание

Введение

Представления о пространстве начинают закладываться в сознании человека с момента его рождения. С течением времени происходит их последовательное становление и развитие, на которое оказывают непосредственное влияние полученное образование, средства массовой информации и другие внешние факторы, сопровождающие людей на протяжении всей жизни. Постепенно эти представления оформляются в некоторые образы, функционирующие в нашем сознании в качестве неотъемлемых элементов образа мира.

Пространство как объект исследования был рассмотрен в трудах различных исследователей. Первоначальный научный интерес к пониманию пространственных категорий можно проследить в классических философских работах Аристотеля, Канта и Гегеля. В XX веке многочисленные работы в области литературы, истории, философии, социологии и других наук позволили ученым анализировать не только различные варианты природных пространств, окружающих человека, но и исследовать искусственно созданные пространства, составляющие неотъемлемую часть жизни социума: литературное пространство, социальное, экономическое, виртуальное и т.д.

Все эти знания и представления, накопленные предыдущими поколениями, разнообразными предметно-действенными контактами самого человека с окружающим миром накладывают значительный отпечаток на общее восприятие пространства современным поколением [Мухачева 2011].

Антропоцентризм пространственного представления формируется под влиянием свойственной человеку территориальности, которая выражается в стремлении освоить, захватить территорию или закрепиться на определенном месте. В этой связи одной из ключевых характеристик пространства становится его размер и ограниченность, поскольку понимание границы приобретает решающее значение в рамках осмысления своего положения в окружающем мире [Сазонова, Бороздина 2010]. Релевантность понятия «обживания» пространства также была отмечена в работе Е.С. Яковлевой на примере анализа наречий семантической группы «близко-далеко» [Яковлева, 1994].

Важно отметить, что понимание, осмысление и восприятие пространства характеризуются определенной национально-культурной спецификой, которая, в свою очередь, подвержена постоянным изменениям, поскольку коллективное и индивидуальное бессознательное находятся в постоянной динамике [Сергиева 2009]. Анализ особенностей языковой репрезентации пространства, изучение семантического наполнения лексических единиц, описывающих его, показывает, что при формировании пространственного кода культуры особое значение приобретает лингвокультурологическая категория «свой–чужой» [Красных 2002]. Именно через данную категорию происходит осмысление психологического феномена личного пространства, которое человек ассоциирует с собой и которое противопоставляется остальному воспринимаемому чуждому пространству.

Особую роль при изучении пространства ученые отдают фигуре наблюдателя, подразумевающей наличие взгляда со стороны на предмет описания. Семантика наблюдения, передаваемая различными частями речи, актуализирует категорию локативности, которая предполагает определение абсолютного и относительного месторасположения объектов, а также оформляет высказывания с интенцией информативности и изобразительности [Апресян 1986].

Цель нашего исследования состоит в изучении содержательно-смыслового наполнения лексической единицы ПРОСТРАНСТВО, анализе особенностей ее функционирования в различных текстовых источниках, а также выявление ключевых характеристик образа ПРОСТРАНСТВА, сформированного в языковом сознании носителей русской культуры.

Методы и материалы

На первом этапе исследования мы обратились к анализу лексикографического дискурса, представленного в следующих словарях: Этимологический словарь русского языка Н.М. Шанского, Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля,

Толковый словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой, Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, Малый академический словарь под редакцией А.П. Евгеньевой. Последовательное изучение словарных статей с помощью метода дефиниционного анализа дало возможность выяснить этимологию лексемы ПРОСТРАНСТВО в диахронии, установить механизмы образования новых значений, раскрыть современное состояние ее понятийной составляющей [Передриенко 2005].

На втором этапе исследования в качестве материала был рассмотрен портрет слова ПРОСТРАНСТВО на основе данных, представленных в Национальном корпусе русского языка. Методы корпусного анализа позволили выявить частотность изучаемой лексической единицы, жанровые особенности ее употребления, а также специфику функционирования в различных текстовых источниках.

На заключительном этапе работы с помощью методов психолингвистического анализа на материале Русского регионального ассоциативного словаря ЕВРАС [Черкасова, Уфимцева 2014] были изучены ядерные и периферийные реакции на слово-стимул ПРОСТРАНСТВО. Проведение данного этапа исследования открыло возможность описать ключевые характеристики образа ПРОСТРАНСТВА в сознании носителей русской культуры и проследить насколько велико влияние различных текстовых источников на формирование образов сознания.

Результаты и обсуждения

Историю становления содержательно-смыслового наполнения лексемы ПРОСТРАНСТВО следует начать с анализа этимологических словарей, согласно которым данная лексическая единица является производной от старославянского *пространый* в значении ‘широкий, просторный’. Следовательно, появление нового слова в составе русского языка связано с необходимостью описывать 1) *состояние или свойство всего, что распространяется, простирается* или 2) *состояние или свойство всего, что занимает место* [Даль 1905].

С течением времени происходит расширение содержательного наполнения анализируемой лексемы, что приводит к появлению новых смыслов. Ранжирование ядерных и периферийных значений мы можем проследить на примере изучения дефиниций, представленных в Таблице 1.

Таблица № 1

Содержательно-смысловое наполнение образа ПРОСТРАНСТВО

Значения	Словарь Ефремовой	Словарь Кузнецова	Словарь Ожегова	Словарь Ушакова	Словарь Евгеньевой
Философское значение	+	+	+	+	+
Неограниченная протяженность	+	+	+		+
Промежуток // место между чем-либо	+	+	+	+	+
Земная поверхность		+		+	+
Время					+

В современных словарях центральное значение лексической единицы ПРОСТРАНСТВО связано с философским осмыслением, которое формирует ядро содержательно-смыслового наполнения. Таким образом, развитие и распространение философского знания, трудов великих мыслителей Платона, Аристотеля, Декарта, Ньютона о пространстве приводит к смещению исходных значений слова и появлению дефиниции ПРОСТРАНСТВА как *одной из форм существования бесконечно развивающейся материи*.

В то же время, первоначальные значения исследуемой единицы не утратили свою значимость, хоть и уступили первенство. В анализируемых словарях они представлены в форме дефиниций 1) *неограниченная протяженность*; 2) *промежуток или место между чем-либо*. Следовательно, мы можем судить о том, что данные значения сформировали фундамент содержательно-смыслового наполнения, на основе которого были надстроены новые знания, поскольку даже в философском понимании ПРОСТРАНСТВО *есть ни что иное, как состояние материи, для которого характерны протяженность и объем*.

Периферию содержания современной лексической единицы ПРОСТРАНСТВО составили значения 2) *большой участок земной поверхности*; 2) (устаревшее) *промежуток времени*. Особое внимание, в данном случае, мы хотели бы обратить на устаревшее значение анализируемой единицы. Оно свидетельствует о том, что в процессе становления у исследуемого слова появилась сема, связанная с обозначением временного промежутка (например, *пространство времени в одиннадцать лет*), однако она вышла из употребления.

Диакроническое изучение этапов становления содержательно-смыслового наполнения лексемы ПРОСТРАНСТВО позволило выделить ее ядерные и периферийные значения, а также подготовить основу для дальнейшего изучения особенностей ее функционирования в различных текстовых источниках.

На следующем этапе работы мы решили обратиться к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В старорусском языке лексема ПРОСТРАНСТВО, согласно данным НКРЯ подкорпуса «Исторические – Старорусский», имело относительно низкий уровень частотности, что является закономерным для нового словарного вхождения.

Рис. 1. Частотность употребления лексемы ПРОСТРАНСТВО в подкорпусе «Исторические – Старорусский»

Среди разнообразных текстовых источников, опубликованных в период с 1300 по 1725 гг., лексическая единица ПРОСТАНСТВО чаще всего актуализировалась в церковных, литературных и фольклорных текстах, а также в официальных документах. Процентное распределение частотности употребления лексемы представлено на Рисунке 2.

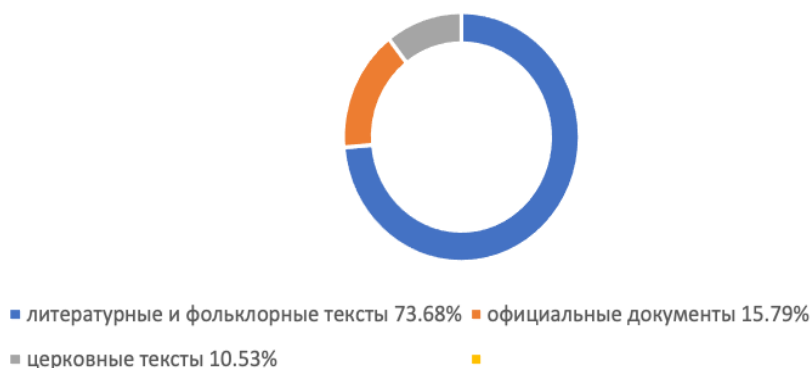

Рис. 2. Жанровое разнообразие тестов с лексемой ПРОСТРАНСТВО в подкорпусе «Исторические – Старорусский»

Разнообразие текстов можно проиллюстрировать на примере Рисунка 3, представляющего разнообразные источники, в которых прослеживалась наибольшая частотность лексической единицы ПРОСТРАНСТВО.

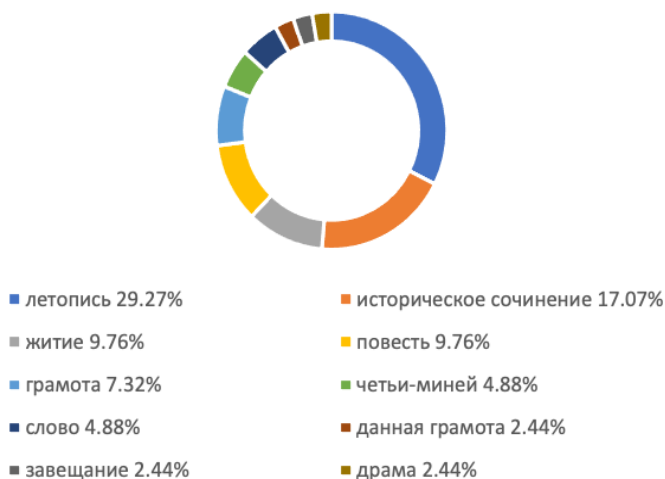

Рис. 3. Распределение частотности лексемы ПРОСТРАНСТВО в старорусских текстах

При этом в материалах того времени анализируемая единица в большинстве случаев использовалась в своих первоначальных ядерных значениях: 1) *состояние или свойство всего, что распространяется, простирается* или 2) *состояние или свойство всего, что занимает место*.

• Пример официального документа, в котором лексема ПРОСТРАНСТВО используется в значении *состояние или свойство всего, что занимает место*:

И июня 27 дня, послана наша великого государя грамота къ нему думному дворянину и воеводѣ и къ дьяку, велѣно осмотрѣть на Олонцѣ городоваго мѣста,

мочно ль для пространства дворовъ и улицъ, сверхъ прежняго основанья, вновь подь городъ мѣста прибавить,... [Царские грамоты и отписки олонецких воевод о строении города Олонца (1669—1672)].

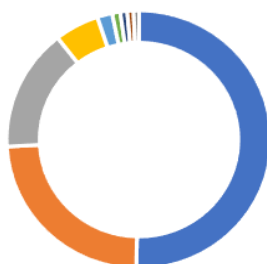
• Пример литературного текста, в котором лексема ПРОСТРАНСТВО используется в значении *состояние или свойство всего, что распространяется, простирается*:

Християньскій же родъ повсюду да избавленъ будетъ отъ томительства иноплеменныхъ Агарянь и возвысится рогъ православныхъ на первобытное пространство и на тишину да обратится [Книга Степенная царского родословия. 17-я степень. Иван IV Грозный (1560—1563)].

Современные особенности употребления анализируемой лексической единицы были рассмотрены на примере основного корпуса НКРЯ. Данные, представленные на Рисунках 4, 5 и 6, свидетельствуют об увеличении частотности употребления исследуемой лексемы за счет более активного ее использования в текстах различных жанров и тематических блоков.

Рис. 4. Частотность употребления лексемы ПРОСТРАНСТВО в основном корпусе НКРЯ

■ публицистика 50.33%	■ художественная 23.81%
■ учебно-научная 15.32%	■ бытовая 5.44%
■ официально-деловая 1.84%	■ производственно-техническая 0.99%
■ церковно-богословская 0.85%	■ электронная коммуникация 0.77%
■ реклама 0.65%	

Рис. 5. Жанровое разнообразие тестов с лексемой ПРОСТРАНСТВО в основном корпусе НКРЯ

В художественных текстах сохраняется высокий процент использования лексемы ПРОСТРАНСТВО, тогда как в официальных и церковных документах произошло значительное снижение ее частотности за счет роста популярности публицистики и учебно-научной литературы, что привело к повышению количества употреблений анализируемой единицы в данных источниках. Тематическое разнообразие показывает,

что лексема ПРОСТРАНСТВО чаще всего встречается в текстах, посвященных науке и технологиям, политике и искусству.

Рис. 6. Распределение тематических блоков употребления лексемы ПРОСТРАНСТВО в основном корпусе НКРЯ

Для более детального исследования особенностей функционирования анализируемой лексемы обратимся к изучению ее частотных коллокаций. Определения, характеризующие рассматриваемую единицу, чаще всего свидетельствуют об актуализации семы 'неограниченная протяженность', в данном случае ПРОСТРАНСТВО может быть представлено с нескольких позиций. В зависимости от размера и ограниченности ПРОСТРАНСТВО бывает *огромное, большое, открытое, обширное, бесконечное, необозримое, громадное, широкое, необъятное, неизмеримое, беспредельное, безграничное*. Более того, ПРОСТРАНСТВО в данном значении может быть использовано либо для наименования природных/ окружающих территорий – *космическое, воздушное, мировое, окружающее, безвоздушное, водное, околоземное, земное, межпланетное, небесное, межзвездное, географическое* или значимых пространств, составляющих основные элементы жизни социума – *информационное, постсоветское, экономическое, жизненное, культурное, виртуальное, социальное*.

С другой стороны, в основном корпусе можно встретить и большое количество коллокатов-определений, ограничивающих пространственное восприятие, а потому придающих пространству определенную форму, размер или объем. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с семантическим значением ПРОСТРАНСТВА как 'места или промежутка между чем-либо': *небольшое, внутреннее, замкнутое, узкое, трехмерное, малое, тесное, ограниченное, квадратное*.

В зависимости от контекстуального использования само ПРОСТРАНСТВО стремится к наполнению и раздвижению своих просторов и границ, о чем свидетельствуют глаголы в функции сказуемого: *открываться, наполниться, расширяться, раздвигаться, простираться, расстилаться*.

• Между Землей и Луной на сотни тысяч километров *простирается* безвоздушное *пространство* [Александр Грудинкин. Близнецы // «Знание – сила», 2012].

Однако в некоторых случаях ПРОСТРАНСТВО может *сужаться* или *отделять что-то от чего-либо*. Причем в большинстве случаев подобные действия не являются производными от различных внешних факторов:

• Ниже по течению *пространство* чистой воды *сужалось* [Виктор Шереметьев. Путешествие в «забытый край» // «Дальний Восток», 2019].

• Предположительно, от огней нас *отделяло пространство* километра в два с половиной или три [Владимир Тимаков. Высокопреосвященный Кирилл, архиепископ Пензенский и Саранский (1998) // «Альфа и Омега», 2000–2001].

В то же время, глаголы с прямым и косвенным дополнением показывают, что действия извне достаточно редко направлены на расширение ПРОСТРАНСТВА:

• Таким образом, фестиваль по мере сил помогал *расширять пространство* диалога, доступное пишущему индивиду [Людмила Шутько. «На земле воцелел полета...» // «Ковчег», 2015].

Чаще всего эти действия нацелены на ограничение, захват или освоение ПРОСТРАНСТВА: *занимать, наполнять, захватывать, осваивать, занимать, ограничивать, разделить, покрывать, пронизывать*:

• «Религия серых» *захватывает* в обществе все большее *пространство* [Илья Медовой. Искусство громко портить воздух на публике // «Общая газета», 1998].

Интересным также представляется проанализировать сочетаемость лексической единицы ПРОСТРАНСТВО с коллокатами-существительными: *время, точка, контроль, измерение, перемещение, вселенная, земля, материя, энергия, объем, ориентация, создание, восприятие, свойство, исследование, вещество, расширение, пустота, предел, тело*. Семантические особенности выделенных единиц указывают, в первую очередь, на научную составляющую анализируемой лексемы:

• Следовательно, при соблюдении определенных фазовых соотношений в некоторых *точках пространства* будет наблюдаться максимум либо минимум сил, действующих на движущиеся небесные тела [В.В. Ахияров. Гравитация в Солнечной системе // «Геоинформатика», 2002].

Во-вторых, в контекстуальном окружении данных коллокатов высвечиваются основные аспекты, значимые для общего *восприятия* пространства, в частности, его *свойства, предел, объем, ориентация*. В-третьих, происходит актуализация философского трактования данной лексемы через использование таких коллокатов, как *время, вселенная, материя, вещество*. И, наконец, лексические единицы *контроль, измерение, исследование* позволяют понять, что ПРОСТРАНСТВО в любом своем проявлении находится под постоянным наблюдением и изучением со стороны человека.

На заключительном этапе исследования проанализируем образ ПРОСТРАНСТВА, сложившийся в языковом сознании носителей русской культуры, и проследим особенности его функционирования на основе сравнительно-сопоставительного изучения с данными, полученными в ходе лексикографического и корпусного анализа. Все представленные в словаре ЕВРАС ассоциации на стимульное слово ПРОСТРАНСТВО можно условно разделить на несколько групп в зависимости от их семантического наполнения.

• **Философское осмысление** (22%): *время 58, и время 15; бесконечность 10, бесконечно 7, времени 7, бесконечно 4, вечность 4, во времени 4, жизни 3, философия, времен, мысли, жизнь, бытие*.

Философское восприятие образа ПРОСТРАНСТВА в сознании россиян актуализируется через ядерные реакции *время 58, бесконечность 10*. Существование глубинных ассоциативных связей между пространством и временем обусловлено фундаментальностью этих двух онтологических категорий, определяющих нашу жизнь. Бесконечность, в свою очередь, связана с безграничностью, являющейся одной из значимых характеристик пространственного бытия человека. Подобное осмысление глубинных философских идей, находит отражение и при изучении содержательно-смыслового наполнения лексемы ПРОСТРАНСТВО, значительно влияющего на общее становление образа в языковом сознании.

• **Научное осмысление** (11%): *объем 5, вакуум 5, геометрия 4, трехмерное 4, 193 куб 3, окружение 3, площадь 3, измерение 2, вариантов 2, расстояние 2, векторное, векторы, параллельность, траектория, трехмерно, химия, четырехмерно, чисел, окружность, проекция, линейное, мера, метрическое, относительно, логика, Гильберта, Фридмана, Дирихле, 3D, $x\{\}, y\{\}, z$, плоскость.*

Научное видение ПРОСТРАНСТВА предполагает, прежде всего, возможность его математического анализа. В сознании россиян, оперирующих представлениями о пространстве как о некотором математическом множестве со своей особой структурной организацией, ПРОСТРАНСТВО ассоциируется с различными терминологическими понятиями и научными представлениями о возможности измерения пространственных категорий, что коррелируется с данными, полученными в ходе корпусного исследования.

• **Размер и ограниченность** (31%):

○ группа существительных: *комната 18; место 11, мир 9, территория 7, поле 6, область 4, квартира 2, комнаты 2, помещение 2, мира 2, местность 2, пропасть 2, необъятность 2, даль, земля, страна, край, степь, дом, лифт, камера, проход, улица, улицы, музея, бездна, дыра, глубина, ограниченность, замкнутость, нет места, размерное;*

○ группа прилагательных/ наречий: *большое 11, открытое 10, огромное 9, много 7, замкнутое 6, необъятное 5, обширное 4, безграничное 2, широкое 2, безграничный, безмерное, необъятно, неограниченное, неограниченные, неограниченный, неосвязаемо, бескрайнее, огромно, огромный, просторное, неизмеримо, широко, изолированное, узкое, тесно, мало, ограниченное, ограничено.*

Общее соотношение количества реакций семантической группы «размер и ограниченность» подтверждает значимость данной категории при определении пространственных отношений. При детальном анализе реакций прослеживается интересная особенность. Пространство-место, с одной стороны, ассоциируется с небольшим помещением или закрытым пространством (52% реакций в группе существительных: *комната 18; место 11, квартира 2, комнаты 2, помещение 2, дом, лифт, камера, проход, музея, дыра*), для которого характерна ограниченность и замкнутость: *ограниченность, замкнутость, нет места, размерное*. С другой стороны, пространство-место представлено такими ассоциатами, как *мир 9, территория 7, поле 6, область 4, мира 2, местность 2, даль, земля, страна, край, степь, улица, улицы, бездна* (48% реакций в группе существительных), что указывает на его большие размеры и *необъятность*.

В группе прилагательных/ наречий, описывающих ПРОСТРАНСТВО, процентное значение реакций, указывающих на большие размеры и протяженность, резко

возрастает до 84%: *большое 11, открытое 10, огромное 9, много 7, необъятное 5, обширное 4*. Таким образом, мы можем сделать выводы, что обобщенный образ ПРОСТРАНСТВА связан в сознании носителей русской культуры с «неограниченной протяженностью», в то время как в частном видении ПРОСТРАНСТВА прослеживается акцентуация на «определенном месте, имеющем границы».

• **Природные и искусственные пространства (15%):**

○ группа существительных: *космос 34; вселенная 13; воздух 12, небо 2, галактика 2, вселенной, Интернет, воображения;*

○ группа прилагательных: *безвоздушное 3, космическое 3, небесное, межзвездное, виртуальное, кибер, гипер, невербальное, имен, глобальное, по ту стороннее.*

Особого внимания заслуживает и семантическая группа «природные и искусственные пространства». Корпусное исследование показало, что лексическая единица ПРОСТРАНСТВО активно употребляется для обозначения различных пространственных областей. Однако интересно отметить, что в сознании россиян доминантными являются связи именно с природными территориями космоса и неба (89% реакций из семантической группы), тогда как искусственное пространство ассоциируется в большей степени с виртуальным миром: *Интернет, виртуальное, кибер, гипер.*

Периферия образа ПРОСТРАНСТВА может быть представлена семантическими группами «расположение», «наполненность», «действия», а также особыми личностно-ориентированными ассоциациями.

• **Расположение (4,2%):** *вокруг 7, близко, около дома, в зале, в комнате, в мире, в небе, в округе, везде, всюду, между домами, далеко, между двумя людьми, расположение, положение, на поле, там.*

• **Наполненность (5%):** *пустота 11, пустое 9, свободное 7, полное.*

• **Действия (0,8%):** *занять, заполнить, не хватает, осваивать.*

• **Особые ассоциативные связи (11%):** *свобода 23, личное 6, мое 4, внутреннее, собственное, неопределенность, безразличное, чужое, стороннее, темнота, темноты, пусто, клаустрофобия, тишина, серый мрак, сжато, неведомое, есть интересное, непространство, астрал, аура, пространство, убранство.*

Пространство для россиян связано, прежде всего, с тем местом или территорией, которые находятся в непосредственной близости: *вокруг 7, близко, около дома*. Именно поэтому в ассоциативном поле слова-стимула мы можем выделить особую мини-группу личных ассоциаций *личное 6, мое 4, внутреннее, собственное*, указывающих на значимость сохранения личного пространства. Важность оберега и сохранения территории вокруг во многом можно объяснить тем, что ПРОСТРАНСТВО, являющееся в сознании большинства носителей русской культуры большим и безграничным, видится довольно пугающим: *пустота 11, пустое 9, темнота, темноты, пусто, клаустрофобия, тишина, серый мрак, неведомое*. В силу этого, человек стремится *занять, заполнить* или *осваивать* доступные ему области пространства.

Отдельное внимание хотелось бы уделить ядерной ассоциации *свобода 23*, связанной с индивидуальным восприятием ПРОСТРАНСТВА, как некоего источника свободы и независимости. Особенность данной реакции состоит в том, что она позволяет по-новому посмотреть на ПРОСТРАНСТВО и актуализировать то восприятие образа, которое не было выделено ранее на этапе лексикографического и корпусного анализов.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что исследуемый образ прошел длительный путь становления и развития. Первоначальные смыслы, заложенные в нем: 1) *свойство всего, что распространяется, простирается* и 2) *свойство всего, что занимает место*, сформировали основу его дальнейшего содержательно-смыслового наполнения. С течением времени они сохранили и укрепили свою актуальность за счет активного употребления в церковных текстах, литературных источниках и официальных документах периода с 1300 по 1725 гг.

Появление новых ключевых значений, таких как *одна из форм существования развивающейся материи* и *неограниченное пространство*, расширило области функционирования образа и привело к его активному использованию в учебной и научной литературе. Кроме того, церковные источники, также как и фольклорные произведения, уступили первенство, передав его публицистическим текстам, которые стали активно употреблять лексему ПРОСТРАНСТВО в различных ее значениях.

Контекстуальное разнообразие современных источников позволило рассмотреть ПРОСТРАНСТВО во всех его проявлениях. ПРОСТРАНСТВО может быть представлено в виде нескольких оппозиций. С одной стороны, оно огромное и широкое, не имеющее границ и пределов, а, с другой стороны, ПРОСТРАНСТВО может быть узким и небольшим. Лексема ПРОСТРАНСТВО используется как для описания визуально воспринимаемых территорий (*небесное, водное, космическое, межзвездное*), так и для обозначения абстрактных искусственно созданных областей жизни человека (*экономическое, социальное, виртуальное*). ПРОСТРАНСТВО чаще стремится к расширению и открытию своих границ, но может в какой-то определенный момент *сужаться* и *отделять что-то от чего-либо*. В тоже время, со стороны внешних факторов оно чаще всего подвержено захвату, освоению или изучению.

Психолингвистическое восприятие образа ПРОСТРАНСТВА во многом соотносится с данными, полученными на этапе лексикографического и корпусного анализов. Образ ПРОСТРАНСТВА имеет устойчивые связи с философским и научным осмыслением, однако научное понимание образа не ограничивается философией, а во многом сосредоточено на точных науках. Оппозиционное понимание пространственных границ и размеров также получило отражение в сознании носителей культуры. С одной стороны, пространство-место всегда ограничено и, несмотря на его размер, в большей части конечно: *страна, край, область, дом, квартира, лифт камера*. С другой стороны, общее восприятие пространства связано с его безграничностью, необъятностью, что приводит к появлению личностно-ориентированных ассоциаций: *неопределенность, безразличное, темнота, темноты, пусто, клаустрофобия, тишина, серый мрак, сжато, неведомое*. Среди разнообразия природных и искусственных пространств в сознании русских лидирующее место занимают космическое / небесное и виртуальное пространства, тогда как остальные пространства, выделенные на этапе корпусного анализа, не находят отражение в языковом сознании носителей русской культуры. Интересно также отметить, что ПРОСТРАНСТВО имеет устойчивые ассоциативные связи с личной независимостью, о чем свидетельствует ядерная реакция *свобода*.

© Баландина Е.С., 2024

Литература

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33.

Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. Издательство: Знак, 2006. 488 с.

Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Серия Литературы и языка. 1996. № 3(55). С. 3–24.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Мухачева А.М. Концепт «пространство» в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-prostranstvo-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> Дата обращения: 04.08.2024.

Передриенко Т.Ю. Модели концептуального анализа // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Материалы Всероссийской научной конференции / под редакцией Л.Г. Бабенко. 2005. С. 119–124.

Передриенко Т.Ю., Баландина Е.С. Репрезентация концептов 'общество' и 'society' в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 51–73. doi: 10.17223/22274200/17/3

Сазонова Т.Ю., Бороздина И.С. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 27–33.

Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб.: Наука, 2009. 316 с.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. Москва: «Гнозис». 1994. 344 с.

Словари

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net/> Дата обращения: 08.08.2024.

Ефремова Т.Ф. Толковый словообразовательный словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> Дата обращения: 10.08.2024.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/> Дата обращения: 10.08.2024.

Малый академический словарь / под редакцией А.П. Евгеньевой. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> Дата обращения: 10.08.2024.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> Дата обращения: 13.08.2024.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> Дата обращения: 10.08.2024.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/uzhegov/> Дата обращения: 10.08.2024.

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf Дата обращения: 22.08.2024

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> Дата обращения: 10.08.2024.

Сведения об авторе:

Баландина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» Южно-Уральского государственного университета (НИУ).

Контактная информация:

454080, Россия, г. Челябинск, проспект Ленина, 76

ORCID: 0000-0002-1360-7413

email: balandinaes@susu.ru

Для цитирования:

Баландина Е.С. Репрезентация образа «ПРОСТРАНСТВО»: лексикографический и корпусный анализ // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 20–33, doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-20-33

UDC 81’374

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-20-33

Research article

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT “SPACE”:
LEXICOGRAPHICAL AND CORPUS ANALYSIS**

Ekaterina S. Balandina

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia

Abstract

The article presents a study devoted to the analysis of the notion and the image “SPACE”. The relevance of the work is due to the need for multi-aspect investigation of the Russian consciousness and the elements that compose it. The objects of the study are the notion and the image “SPACE”, while the subject is their semantic content. Various dictionary entries recorded in different etymological and explanatory dictionaries served as a material for the first stage of the analysis. The data from the National Corpus of the Russian Language and Russian regional associative dictionary EVRAS were selected to arrange further study. By means of semantic analysis, methods of corpus linguistics and psycholinguistics, the author conducted a detailed investigation that revealed the current state of the conceptual component of the selected notion. In the course of the work, it was discovered that the etymology of the name SPACE originates from the Old Slavonic word meaning ‘wide, spacious’ and determines the key seme of the notion associated with the property of something to spread or take up space. Later, in the course of philosophical knowledge spread, the core of the notion was enlarged with a new meaning, interpreting space as an infinitely developing form of matter. In the modern texts, SPACE can be seen relatively often in various genres and types of discourse. It has a complex internal organization, since it combines oppositional issues concerning spatial perception. These oppositions reflect different sides of the notion in terms of its size, boundaries, actions, as well as the form of its existence (natural space/ artificial space). Psycholinguistic study of the image of SPACE showed that in linguistic

consciousness of Russians, it is associated with philosophical and scientific understanding, natural spaces of space and sky, virtual space, freedom and inner world, and also can be characterized, on the one hand, as closed and small, and on the other, as huge and immense. The conclusion presents the main findings, generalizing the obtained results.

Keywords: lexicographic discourse, corpus, image, space, linguistic consciousness

© **Balandina E.S., 2024**

Bionotes:

Ekaterina S. Balandina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (National Research University)

Contact information:

Prospekt Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080

ORCID: 0000-0002-1360-7413

email: balandinaes@susu.ru

For citation:

Balandina E.S. Representation of the concept “SPACE”: lexicographical and corpus analysis // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 20–33. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-20-33 (In Russian)

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****Казаченко Оксана Васильевна**

Московский городской педагогический университет,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, Москва

Аннотация

Статья посвящена психолингвистическому анализу ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Данный феномен рассматривается как элемент общественного сознания русской языковой картины мира, а также как часть индивидуального образа мира человека в форме его личностных смыслов. При помощи компонентного анализа был проанализирован фрагмент русской языковой картины мира, где было выявлено, что лексема *справедливость* в толковых словарях разных лет имеет три семантических узла, которые в виде интегральных гиперсем и дифференциальных гипосем присутствуют во всех словарных определениях: сущность явления, направленность и объект. Большинство определений объясняют искомую лексему как отношение, свойство или действие, направленное либо на человека, либо на общество. Объектом выступает человек, либо его отношение/действие к кому- или чему-либо.

Ценность СПРАВЕДЛИВОСТЬ в индивидуальном образе мира человека в форме его личностных смыслов имеет несколько иную структуру. На основании анализа ассоциативных словарей и свободного ассоциативного эксперимента на большой выборке респондентов, проживающих на территории РФ, выявлено содержание ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ, состоящей из ядерных и периферийных элементов. Ядерные элементы показывают общепринятые ассоциации, периферийные – индивидуально-личностные реакции. Ядерные элементы, выделенные в ассоциативных словарях, проявились не полностью и в другой последовательности по сравнению со свободным ассоциативным экспериментом, что свидетельствует о динамике понимания данной ценности респондентами с течением времени. Результаты свободного ассоциативного эксперимента по изучению ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ были проанализированы при помощи количественного метода интеллектуального анализа данных с целью определения оптимального числа *СОНЦЕРТОВ*, определяющих структуру искомой ценности, исходя из частотности и места реакции на стимул в цепочке ассоциаций респондентов. Ценность СПРАВЕДЛИВОСТЬ связана с множеством других ценностей, таких как честность, порядочность, равенство и проч., которые объединяются в образе мира человека в систему сложноорганизованных понятий, детерминирующих эмоции и поведение личности, что в конечном итоге способствуют формированию определенной государственной идеологии.

Ключевые слова: интеллектуальный анализ данных, компонентный анализ, образ мира, свободный ассоциативный эксперимент, система ценностей, справедливость, ценность

Введение

Понятие 'справедливость' относится к важнейшим вопросам, исследуемым на протяжении веков, начиная с Античности (например, в трудах Платона «Государство», «Законы» и Аристотеля «Никомахова этика», «Политика», «Категории»), продолженным в Новое время («Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббса, «Два трактата о правлении» Дж. Локка, «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо), но так и не разрешенных до настоящего времени. Между тем, И.А. Ильин указывает на невероятную сложность этой этической категории: «Справедливость не птица, которую надо поймать и запереть в клетку. Справедливость не отвлеченное правило для всех случаев и для всех людей, ибо такое правило *уравнивает*, а не *опредмечивает*» (от слова «предмет») жизнь. Справедливость не следует представлять себе по схемам «раз навсегда», «для всех людей», «повсюду». Ибо она именно *не* «раз навсегда», а *живой поток индивидуальных отступлений*. Она не «для всех людей», а *для каждого в особенности*. Она не «повсюду», а *живет исключениями*» [Ильин [http](#)]. То есть для современного понимания справедливости необходимо знать не только его общепринятое содержание, но и, говоря словами И.А. Ильина, «особенности» и «исключения», которые возможно выявить в том числе и психолингвистическими методиками, позволяющими высветить индивидуальный образ мира человека, а также его личностное отношение к тем или иным смысложизненным ориентирам.

Актуализацию проблемы справедливости многие ученые связывают с глобализацией, необходимостью толерантного отношения к Чужому/Иному, увеличением и разнообразием несправедливости в обществе, усложнением всех сфер совместной жизнедеятельности людей, усовершенствованием правовой системы, а также ростом социального неравенства, терроризма и вооруженных конфликтов. Все эти факторы безусловно определяют и специфику современного подхода к данному экзистенциальному вопросу, что согласуется с современной научной антропоцентричной и аксиологической парадигмой развития научной мысли XXI века. Фокус современных лингвистических исследований сместился в направлении изучения человека как развивающейся языковой личности.

В современном медиа- и политическом дискурсе большое внимание обращается на поиск ценностной составляющей в жизни современного российского общества. Утрата бывших социалистических ценностей вместе с распадом СССР и определенный ценностный вакуум последних 30 лет современной России создает запрос на конкретный образ будущего, способный стать двигателем общественного прогресса. Предлагаемые варианты, например, заимствованные из-за рубежа идеалы, зачастую крайне неубедительны для наших соотечественников и девальвированы, а значит неприемлемы для современного сложного периода российской истории. Многие исследователи полагают, что «в каждой национальной культуре есть основной элемент всего ценностного каркаса» [Фирсов [http](#)], и некоторые уверены, что «наша культура в качестве такой идеи выдвигает ценность справедливости» [там же]. Необходимость социальной справедливости как высшей ценности осознается на самом высоком уровне, например, Президент РФ В.В. Путин в своей программной речи, посвященной присоединению к РФ четырех новых субъектов – ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей, также делает акцент на основополагающие ценности России – «суверенитет,

свобода, созидание, справедливость, <...> человеколюбие, милосердие и сострадание» [Путин 2022: <http>].

Обзор литературы

Справедливость изучается практически всеми науками гуманитарного цикла, лингвистика также не является исключением и не обходит вниманием данную проблематику. Справедливость изучается как вербализованный концепт [Кряхтунова 2010], мифологема [Щепотина, 2006], «ключевое слово эпохи» [Гордеева 2006], идиоматический фразеологизм [Коробка 1999], ценность [Табакова 2018], имя ценности [Казаченко 2021]. Лингвистические исследования немногочисленны, но при этом безусловно необходимы, так как могут помочь не просто проникнуть в сущность справедливости как мировоззренческой категории и как качества личности, но и выявить, как же человек – носитель определенной культуры и языка – понимает значение слова *справедливость*, что будет определять его эмоции и поведение, поскольку личностные ценности отражаются в языковой картине мира, определяют ее взаимоотношение с социумом, природой, ближайшим окружением и самим собой, а на групповом – в образе мира – способствуют формированию определенной государственной идеологии.

Целью исследования является выявление содержания ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ на уровне языковой картины мира и индивидуального образа мира. Поставленная цель реализуется посредством решения двух практических задач:

- 1) выявления фрагмента русской языковой картины мира, включающей лексическую единицу *справедливость* и
- 2) определения ассоциативного поля ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ как части индивидуального образа мира.

Современная наука в соответствии с антропологической парадигмой все более тяготеет к полипарадигмальности и даже к транспарадигмальности. В своем стремлении детально изучить человека через посредство языка лингвистика разрабатывает свое понимание таких терминов, как картина мира, образ мира и языковое сознание. Детальное изучение данного вопроса нами осуществлялось в рамках диссертационного исследования [Казаченко 2021]. Здесь отметим, что языковая картина мира, включающая языковой и концептуальный слои, нами понимается как результат отражения объективного мира обыденным языковым сознанием лингвокультурного сообщества [Корнилов 1999]. Подчеркнем тот факт, что собственно языковая картина мира не формируется самостоятельно, а присваивается человеком в форме языковых значений. Особо выделим многокомпонентность языковой *картины мира*. По мысли Н.Н. Казыдуб, она состоит из *универсальных смыслов*, характерных для всего человечества (близких к ноосфере В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена), *этнокультурных смыслов*, отражающих специфику концептуализации отдельного этноса. Кроме того, исследователь выявляет *социокультурные смыслы*, выделяемые на основании социальной стратификации и *личностные смыслы* [Казыдуб 2006], понимаемые как субъективное понимание присвоенных личностью общественных общепринятых в языке знаний (А.Н. Леонтьев).

В своей теории деятельности А.Н. Леонтьев говорит о значении как об исторически сложившемся обобщенном отражении действительности, а о личностном смысле как субъективном значении этого объективного значения. Личностные смыслы являются

неотъемлемой составляющей психологического термина *образ мира*, который понимается нами, вслед за А.А. Леонтьевым, как «индивидуально-личностное “видение” мира конкретным человеком через призму личностных смыслов (разрядка наша. – О.К.), установок и других компонентов структуры личности» [Леонтьев А.А. 1988: 105]. Иными словами, «мир открывается человеку в ходе воздействия на него и отображается в его сознании в форме психических образов, организованная совокупность которых конструируется в образ мира» [Тарасов, Тарасова 1997: 254].

Поскольку «справедливость и несправедливость есть качества людей, живущих в обществе, а не в одиночестве» [Гоббс <http>], то данный феномен будет рассматриваться, с одной стороны, как фрагмент русской языковой картины мира, то есть как элемент общественного сознания, а, с другой стороны, как часть индивидуального образа мира человека в форме его личностных смыслов.

Сложность абстрактных понятий, таких как ВЕРА, ДРУЖБА, СВОБОДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ и проч., кроется в том, что в них богатством содержания отличаются такие аспекты лексического значения, как сигнификативный и коннотативный (эмоционально-оценочный) элемент значения. Некоторые ученые подчеркивают своеобразие абстрактных концептов, называемых «концептами с нечеткими границами», размытым объектом и содержанием [Contemporary linguistics... 1997: 276]. В английском языке в научных исследованиях абстрактных существительных встречается термин *thought-names*, как нельзя лучше передающий идею отвлеченности и не связанности с предметами реальной действительности (ср.: фр. *Noms abstraits*; нем. *Begriffsnamen, Verdinglichungen*). Л.О. Чернейко, детально описавшая в своей работе специфику абстрактного имени, утверждает, что само по себе абстрактное имя представляет собой особую точку зрения языка на мир и «инвариантная часть содержания АИ [абстрактного имени] значительно меньше его вариативной части, производной от опыта языковой личности, что заставляет видеть в содержании АИ перевес прагматического компонента над семантическим, если принимать их разделение в овеянном традицией виде, и сублогического – над логическим» [Чернейко 1997: 7].

Материалы и методы

В статье использованы следующие методы:

- метод компонентного анализа (толковых и ассоциативных словарей),
- метод свободного ассоциативного эксперимента,
- классификация,
- интеллектуальный анализ текстовых данных.

Первый метод позволяет изучить фрагмент русской языковой картины мира, остальные методы направлены на изучение аксиологической части индивидуального образа мира современного носителя русского языка и культуры.

Результаты исследования

Для подтверждения гипотезы о неоднозначности трактовки абстрактной ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ приведем толкования из различных русскоязычных словарей и энциклопедий. Отметим, что нами было просмотрено 22 толковых словаря разных лет выпуска, однако искомые дефиниции были найдены только в 10 из них, причем зачастую словари дают отсылку к прилагательному *справедливый*, но существительное не определяют.

Компонентный анализ словарных дефиниций позволил выявить 3 семантических узла, которые присутствуют во всех словарных определениях: сущность явления, направленность и объект (Таблица 1). Рассмотрим каждый из этих узлов подробнее.

Семантический узел «сущность явления» образован интегральными гиперсемами *отношение, соответствие и действие*. Например, «СПРАВЕДЛИВОСТЬ – Отношение [разрядка наша – О.К.] к кому-л. в соответствии с принятыми законами, обычаями, правилами» [Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975: 82], «СПРАВЕДЛИВОСТЬ – беспристрастное, справедливое отношение к кому-, чему-либо [БАС 1950–1965: 578]. Гиперсема *действие* также упоминается в определениях пять раз: «СПРАВЕДЛИВЫЙ – согласный с совестью, правый, правильный, истинный; делаемый по правде, по закону божескому и человеческому» [Стоян 1915: 575], «соответствие человеческих отношений, действий и т.п. моральным и правовым нормам; человеческие отношения, действия и т.п.» [БАС 1965: 578]. Гиперсема *соответствие* является интегральной во многих дефинициях, например, «Соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. нормам, требованиям» [МАС 1988: 231], «Соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. нормам, требованиям» [Кузнецов 1998: [http](#)] соответствие какого-л. действия, решения и т.п. по содержанию, величине, степени и т.п. тому, что его вызвало [Морковкин 2018: 1160].

Семантический узел «направленность» содержит в себе как интегральные семы, так и дифференциальные семы. Интегральные семы представлены такими гипресемами, как *государство, общество и субъект*.

Дифференциальные семы представлены такими гипресемами, как *Основанный на законе* (Гипосема 1), *Беспристрастность/правдивость* (Гипосема 2) и *Истина* (Гипосема 3). Приведем примеры из словарных дефиниций:

Гипосема 1 *Основанный на законе*: «законы, обычаи, правила» [Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975: 82], «морально-этические, правовые и т.п. нормы и требования» [МАС 1988: 231], «законы, порядок, ... нормы, требования» [БАС 1965: 578], «законы, честные основания» [Шведова 2008: 930], «законы (в т.ч. нравственные)» по закону божескому и человеческому [Стоян 1915: 575].

Гипосема 2 *Беспристрастность/правдивость*: «беспристрастное» [БАС 1965: 578], [МАС 1988: 231], [Кузнецов 1998: [http](#)], [Морковкин 2018: 1160], «беспристрастно» [Словарь Пушкина 1956: 324], [Шведова 2008: 930], [Ожегов [http](#)], «беспристрастие» [Кузнецов 1998: [http](#)], «по правде» [Стоян 1915: 575], «основательный, не вымышленный» [Словарь Пушкина 1956: 324], «отсутствие односторонности, предвзятости» [Морковкин 2018: 1160].

Гипосема 3 *Истина*: «истина» [Словарь Пушкина 1956: 324], [Морковкин 2018: 1160], [Шведова 2008: 930], «правда» [Стоян 1915: 575], [БАС 1965: 578], [Словарь Пушкина 1956: 324], «истинность» [БАС 1965: 578], «истинный, правильный, верный» [Словарь Пушкина 1956: 324], «с совестью» [Стоян 1915: 575], «правильность» [Стоян 1915: 575], [Словарь Пушкина 1956: 324], [Морковкин 2018: 1160].

Семантический узел «объект» представлен в словарных дефинициях как отношение к кому- или чему-либо.

Таблица № 1

Семантические узлы лексемы *справедливость*

Семанти- ческий узел	Интегральные семы			Дифференциальные семы		
	Гиперсема 1	Гиперсема 2	Гиперсема 3	Гипосема 1	Гипосема 2	Гипосема 3
I. Сущность явления	отношение	действие	свойство	-	-	-
II. Направлен- ность	субъект	государство	общество	основан- ный на законе	беспристраст- ность / правдивость	истина
III. Объект	кому-либо / чему-либо	кому-либо / чему-либо	кому-либо / чему-либо	-	-	-

Таким образом, были выделены 3 интегральные гиперсемы и 3 дифференциальные гипосемы, зафиксированные в словарных статьях. Гиперсемы в семантическом узле, названном нами сущностью явления, представлены следующими элементами: отношение, свойство и действие, которые направлены (2-й семантический узел) на человека как субъекта (в соответствии с совестью, истинностью, правдой, законом человеческим и т.д.), на общество (в виде законов, правил, порядка, честных основаниях). Объектом (3-й семантический узел) выступает человек, а также практически во всех словарных определениях присутствует отношение/действие к чему-либо.

Как видно из словарных дефиниций, справедливость есть отношение к человеку или предмету (зачастую беспристрастное) в соответствии с критериями истинности, законности, совести, порядка и проч. При этом «Советский энциклопедический словарь» уточняет, что справедливость есть «категория морально-правового и социально-полит. сознания, понятие о должном, *связанные с исторически меняющимися представлениями* (выделено нами – О.К.) о неотъемлемых правах человека» [Советский энциклопедический словарь 1989: 1262]. Важным на наш взгляд является еще соответствие «между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т.п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость» [Советский энциклопедический словарь 1989: 1262]. Таким образом, приведенный нами источник уточняет, что СПРАВЕДЛИВОСТЬ является ценностью, связанной с историческим развитием человеческого общества в вопросах морали и права.

В «Словаре ценностей и антиценностей», составленном большой группой авторов под руководством Е.Ф. Тарасова, отмечается совпадение семантических компонентов содержания ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ в лексикографических и энциклопедических источниках, где искомая ценность представляет собой «соответствие человеческих отношений, законов, порядков нормам» [БЦНРК 2019: 239–240], а компонент *беспристрастие* был зафиксирован только в статьях словарей.

Для анализа как современного содержания ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ, так и динамики его понимания носителями русского языка и культуры, проведем сопоставительный анализ существующих ассоциативных словарей.

Необходимость привлечения данных ассоциативных словарей с нашей точки зрения оправдано тем фактом, что, по мнению А.Н. Леонтьева, «понятия (resp. – словесные

значения) являются психологическим продуктом – продуктом ассоциирования и генерализации (разрядка наша – *О.К.*), впечатлений в сознании индивидуального субъекта, результаты которых закрепляются за словами» [Леонтьев А.Н. 2004: 109].

Е.Ф. Тарасов, рассматривая специфику ассоциативных полей у представителей разных лингвокультур, утверждает, что овнешнители сознания существуют в двух формах: в форме текстов, куда могут входить дефиниции, мифы, сказки и проч., и форме слов (лексических единиц) [Тарасов 1997]. Реакции испытуемых в ассоциативных экспериментах занимают среди этих овнешнителей особое место, поскольку ассоциативные эксперименты представляют собой массовый (от 100 до 500 и более) опрос и выявляет овнешнение сознания респондентов.

Нами было изучено девять ассоциативных словарей различных лет издания, искомым стимул присутствовал в пяти. Поскольку именно самые частотные реакции выявляют типичную для языка и культуры ассоциативно-вербальную сеть, иначе называемую ассоциативным полем, были выделены 10 самых распространенных (ядерных) ассоциатов. Каждое ассоциативное поле мы условно разделим на ядро и периферию, где в ядро войдут наиболее частотные компоненты, ближняя периферия будет содержать ассоциаты с неединичным индексом, а дальнюю периферию составят единичные ответы. Далее сопоставим их ядерные компоненты между собой с целью фиксации наиболее характерных реакций у носителей русского языка и культуры.

В таблице (Таблица 2) в заглавных ячейках обозначены названия ассоциативных словарей, в скобках дано общее количество полученных реакций, что доказывает валидность исследования. Время издания всех этих словарей охватывает начало нового тысячелетия и оканчивается 2019 годом. Это подтверждает тот факт, что зафиксированные в них результаты относятся к современным носителям русского языка и культуры.

Таблица № 2

**Сопоставление ядерных компонентов ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ
в ассоциативных словарях**

Ассоциативные словари	САС (592)	АСП (465)	РАСШ (427)	СИБАС (493)	ЕВРАС (532)	БЦНРК (294)
1.	<i>восторжествует</i> 39	правда 146	правда 72	правда 42	правда 42	честность 36
2.	правда 36	честность 106	честность 48	суд 36	<i>восторжествует</i> 30	правда 19
3.	честность 35	суд 66	<i>восторжествует</i> 21	<i>восторжествует</i> 33	закон 28	равенство 19
4.	суд 28	<i>восторжествовала</i> 38	закон 21	честность 28	честность 27	закон 18
5.	закон 26	закон 11	суд 21	<i>восторжествовала</i> 26	суд 26	суд 13
6.	<i>восторжествовала</i> 21	её нет 9	<i>восторжествовала</i> 14	закон , 19	<i>восторжествовала</i> 23	сила 6
7.	добро 18	не существует 6	правильно 9	<i>торжествует</i> 19	нет 19	судья 6
8.	нет 14	права 5	добро 7	есть 17	хорошо 15	Весы 5
9.	несправедливость 11	вера 3	мир 6	нет 16	есть 11	правильность 5
10.	ложь 10	правосудие 3	правосудие 6	честь 15	правосудие 10	Россия 5

В приведенной таблице жирным шрифтом выделены элементы, которые встретились в каждом из словарей, а курсивом – повторяющиеся элементы, но упомянутые в ядре ассоциативного поля не в каждом словаре.

Анализируя полученные данные, зафиксированные в таблице, можно заключить, что, наиболее значимыми элементами в ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ являются следующие: *правда, честность, суд, закон*. Эти ассоциаты были выявлены во всех ассоциативных словарях. В 5 словарях в ядре присутствует глагол «торжествовать» в формах настоящего и прошедшего времени совершенного вида (*восторжествует, восторжествовала*). Таким образом, в структуре ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ доминируют следующие элементы: *правда, честность, суд, закон, восторжествует*, однако следует обратить внимание на такие реакции, как *нет* [СИБАС 2014: http], [ЕВРАС 2018: 233], [САС 2004: 223], *ложь* [САС 2004: 223] и *не существует* [АСП 2004: 121], что может свидетельствовать об отсутствии веры в правосудие и государство у некоторых респондентов.

Приведем результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2020–2021 гг. Всего было получено и обработано 445 анкет, в которых было 387 ответов и 58 отказов. Возраст испытуемых составил от 15 до 80 лет, 219 женщин и 226 мужчин. Всего было получено 1243 реакции (Таблица 3).

Таблица № 3

Ассоциативное поле ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Кол-во реакций	Реакция
127	честность
73	равенство
57	закон
49	правда
34	суд
23	равноправие
18	совесть
17	порядочность
16	порядок, право
15	наказание
14	доверие
13	отношения, честь
12	правильность, справедливый
11	весы, власть, истина, мир
10	братство, вера, понимание, поступок, уважение
9	законность, искренность, любовь, надежда, умный
8	борьба, дружба, защита, общество, пустота, свобода, торжество, честно
7	дело, нет, отвага, решение, судья, честный
6	выбор, доброта, заслуги, знак, мораль, мудрость, правило, уважаемый

5	верность, гуманизм, добро, законодательство, победа, правосудие, работа, утопия, человек, этика
4	адекватность, бог, воспитание, жизнь, истинно, качество, коммунизм, конституция, мужское, объективность, полиция, президент, процесс, труд, уверенность
3	армия, беспристрастие, власти, деньги, достижение, истинность, милосердие, органы, отношение, партия, помощь, поступки, правдивость, праведность, равенство, семья, сила, стойкость, страна, удовлетворение, характер
2	абсолютность, боль, взаимоуважение, возмездие, воля, всегда, государство, гуманность, дела, достоинство, друзья, желание, заблуждение, знание, индивидуальность, коллектив, люди, мальчик/девочка, награда, надежность, настойчивый, не всем дана, необходимость, непредвзятость, нравственность, обида, отзывчивость, отстаивать, отчаяние, поровну, правильно, правозащитник, приговор, социализм, способы, строгость, счастье, точный, Фемида, цель
1	адвокат, анализ, арбитраж, арбитраж, аргументы, баланс, беспристрастность, бессонница, бесчестие, благо, благодарность, благополучие, благородство, борец, будущее, бумага, бумеранг, бывает, вежливость, великодушие, верный, взаимовыручка, во всем, воздастся, возможности, возможность, восторжествует, восторжествовала, высшая, герой, голова, гордость, действие, для всех, добиваться, добродетель, добросовестность, долг, дом, достоверность, достойные, жалость, забота, законы, заслуга, знание, игра, идея, иногда бывает, идеал, интерес каждого, к людям, казна, капитал, карма, когда по-честному, кодекс, красный, криминал, лампочка, лидер, лицо, лицемерие, лозунг, мать, машина, меч, мечта, мнение, надеюсь, небо, неверие, невиновность, недовольство, ненависть, неоднозначность, равнодушие, нервы, несправедливости, несправедливости, норма, нужна но невозможна априори, обиды, обмана, обоснованность, огонь, опора, ответ, отдача, относительная, отстаивание мнения, ошибка, плохо, по делам, по заслугам, полнота, популизм, потребность, поэтическая, правдоподобие, правила, принцип, принципы, прокурор, простор, простота, проступок, противостояние, прямолинейность, психология, равенство перед законом, равновесие, равны, равные возможности, радость, разделение, распределение, редко, редкость, решения, Робин Гуд, Россия, сложно, соблюдение канонов, Соломон, сомнения, соответствие собственным представлениям, сострадание, социальное равенство, сражение, СССР, суд восторжествует, судить, суть, твердость, творчество, театр, терпение, тетрадь, толерантность, точность, требование, трус, тюрьма, убеждение, удача, УК, улыбка, упорство, уроки, условие, успех, утверждение, факты, футбол, хорошо, чаша, чистота

Подобно процедуре, использованной нами для сравнения данных ассоциативных словарей, возьмем десять самых частотных реакций и сопоставим результаты свободного ассоциативного эксперимента со словарными статьями. Наиболее частотными реакциями были следующие: *честность* 127, *равенство* 73, *закон* 57, *правда* 49, *суд* 34, *равноправие* 23, *совесть* 18, *порядочность* 17, *порядок*, *право* 16, *наказание* 15. Таким образом, можно заключить, что общее количество ядерных реакций составляет 396 единиц.

Для создания ассоциативного поля ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ мы структурируем полученные данные, определив его ядро и периферию. Для этой цели мы воспользуемся графиком «каменистой осыпи», который позволяет отделить наиболее частотные реакции, показанные на графике крутым падением, от периферийных неядерных реакций, проявляющихся на графике пологим спуском. Отделение ядра от периферии начинается с того места, где убывание собственных значений слева направо максимально замедляется [Cattell 1966] (Рис.1).

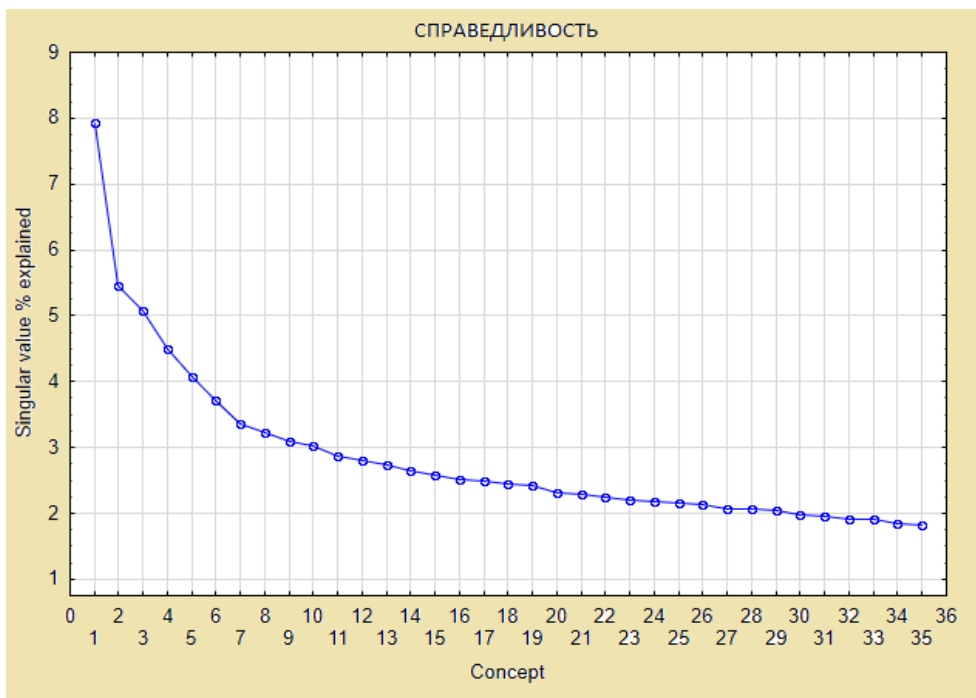

Рис. 1. Соотношение частоты ответов респондентов с реакциями на стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Как видно из графика, наиболее частыми элементами, формирующими ассоциативное ядро ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ по результатам свободного ассоциативного эксперимента, являются *честность* 127, *равенство* 73, *закон* 57, *правда* 49, *суд* 34, *равноправие* 23.

Напомним, что ядро ассоциативного поля СПРАВЕДЛИВОСТЬ по результатам, зафиксированным в ассоциативных словарях составили следующие элементы: *правда*, *честность*, *суд*, *закон* и *восторжествоует*. Результаты свободного ассоциативного эксперимента также фиксируют элементы *честность*, *закон*, *правда* и *суд*, но второй по частотности элемент *равенство* в более ранних словарях входит в зону дальней периферии с индексом 1 [РАСШ 2011: 733], [АСП 2004: 121], индексом 2 [САС 2004: 223], [ЕВРАС 2018: 233], индексом 8 [СИБАС 2014: http] и только в одном словаре данный ассоциат стоит по частотности на втором месте [БЦНРК 2019: 239].

Эту динамику можно объяснить растущим запросом общества на социальную справедливость и правовое равенство у россиян.

Методологическим инструментом создания ассоциативного поля стала формула, предложенная К. Ноблом: $K=(n-1)/N$, где n —общее количество совпавших реакций, а N — общее количество всех реакций (Рис. 2). Обработав данные по представленной формуле, мы рассчитали коэффициенты, которые позволили провести ранжирование ядерных ассоциаций на основании частотности их упоминания респондентами. На рисунке 2 представлены первые пять реакций.

Рис. 2. Ассоциативное ядро ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Остальные ядерные реакции имели следующие коэффициенты: *равноправие* – 0,019, *совесть* – 0,014, *порядочность* – 0,014, *порядок*, *право* – 0,013, *наказание* – 0,012. Таким образом, семантическое (ассоциативное) ядро ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ составляют ассоциаты, репрезентирующие другие ценности (*честность, равенство, правда, равноправие, совесть, порядочность*) и правовую оценку (*закон, суд, порядок, право, наказание*).

Далее проведем тематическую классификацию полученных реакций на стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ, объединяя их в смысловые блоки (Таблица 4).

Таблица №4

Тематическая классификация ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Тематические блоки	Общее кол-во реакций	Реакции
Ценности	446	<i>честность 127, равенство 73, правда 49, равноправие 23, порядочность 17, честь 13, мир 11, братство, вера, уважение 10, любовь, надежда 9, дружба, свобода 8, отвага 7, доброта, мудрость 6, верность, гуманизм, добро, победа 5, жизнь, труд 4, деньги, милосердие, правдивость, праведность, равенство, стойкость 3, взаимоуважение, воля, достоинство, надежность, нравственность, отзывчивость, счастье 2.</i>

Законодательная/ правовая категория	209	<i>закон 68, суд 43, право 24, порядок, право 16, наказание 15, власть 11, законность 9, законодательство, правосудие 5, процесс 4, органы, сила 3, гуманность, правозащитник, приговор 2.</i>
Отношение/ мнение/оценка	192	<i>совесть 18, отношения, честно 16, доверие 15, правильность 12, истина 11, искренность 9, пустота, честно 8, нет 7, правило 6, утопия, правота 5, истинно, качество, объективность, уверенность 4, достижение, истинность, отношение, удовлетворение 3, абсолютность, боль, всегда, желание, заблуждение, знание, индивидуальность, не всем дана, необходимость, непредвзятость, обида, отчаяние, поровну, правильно 2.</i>
Объекты	172	<i>закон 68, суд 43, общество 8, судья 7, человек 5, бог, мужское, полиция, президент 4, армия, власти, партия, семья, страна 3, государство, друзья, коллектив, люди, мальчик/девочка 2.</i>
Действие	79	<i>поступок 10, борьба, защита, торжество 8, дело 7, решение, выбор, заслуги 6, адекватность 4, помощь, поступки 3, возмездие, дела, отстаивать, способы, цель 2.</i>
Морально- этическая составляющая	31	<i>понимание 10, мораль 6, этика 5, воспитание 4, беспристрастие, характер 3.</i>
Речевые синонимы/ однокоренные слова	27	<i>справедливый 12, честный 7, уважаемый 6, настойчивый 2.</i>
Символы	19	<i>Весы 11, знак 6, коммунизм, конституция 4, награда, социализм, Фемиды 2.</i>

Проанализировав полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента данные, можно констатировать, что структура ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ содержит 36 единиц, обозначающих другие ценности, и их общее количество составляет 446, что соответствует 35,88%. Этот факт доказывает тесную связь ценностей между собой и то, что они функционируют в сознании личности как система. При этом три самых частотных реакции-ценности – **честность, равенство и правда** – составляют 67% всех ответов. Кроме системы ценностей в представленной нами тематической классификации ассоциативного поля СПРАВЕДЛИВОСТЬ присутствуют такие категории, как отношение/мнение/оценка, объекты и действие. Вся эта группа уже была отражена в 3 семантических узлах дефиниций словарных статей в форме интегральных гиперсем (отношение, объект, соотношение, действие). Дифференциальные гипосемы семантического узла «направленность» также нашли свое отражение в форме таких ассоциатов, как «основанный на законе», что говорит о безусловной связи толкований и некоторых элементов ассоциативного поля СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Применим к полученным результатам свободного ассоциативного эксперимента математический метод – интеллектуальный анализ текстовых данных или Text Mining (ТМ), который широко применяется в линейной алгебре и помогает уменьшать большие данные для анализа, при этом не теряя основные свойства исходной матрицы. Данный инструмент входит в программное обеспечение Statistica. В лингвистике этот метод возможно использовать для выявления оптимального числа концептов, которые «являются совокупностью терминов, взятых с определенным весом» [Казаченко 2021: 76], а «интерпретация выполняется в конце процесса путем анализа частотности терминов, встречающихся в данном кластере или категории» [Казаченко 2021: 80]. Суть процедуры ТМ заключается в том, что в компьютерную программу вводится весь массив полученных данных и каждому элементу (в нашем случае – каждой реакции на заданный стимул) присваивается определенный вес, исходя из его частотности и места нахождения в цепочке реакций. Самые часто повторяющиеся реакции, стоящие на первом месте, набирают самый большой вес. Они и формируют содержание каждого отдельного концепта (CONCEPT). Важно отметить, что здесь мы употребляем термин «концепт» не в его привычном лингвистическом значении, а как элемент массива данных, имеющий определенный вес, поэтому оставим ему название из программы Statistica, а именно CONCEPT.

В качестве примера приведем фрагмент таблицы, полученной при использовании метода сингулярного разложения, чтобы показать, что все реакции ассоциативного поля связаны между собой. По горизонтали можно увидеть первые ядерные элементы, вертикально расположены реакции на ценность СПРАВЕДЛИВОСТЬ в алфавитном порядке, причем здесь представлены слова-основы без грамматических формантов (Таблица 5).

Таблица №5

**Коэффициенты слов при сингулярном разложении стимула
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
(в алфавитном порядке)**

	Коэффициенты слов при сингулярном разложении		
	Concept 1	Concept 2	Concept 3
абсолютн*	0,000941	0,000777	0,000874
адвокат*	0,000052	-0,000539	-0,000326
адекватн*	0,000490	0,000755	0,000686
анализ*	0,000036	0,000004	0,000060
априор*	-0,000000	0,000000	-0,000000
арбитраж*	0,000052	-0,000531	-0,000321

Самые частотные элементы должны, следуя логике, формировать CONCEPTы в таблице. Рассмотрим CONCEPTы 1, 2 и 3.

Самым «весомым» элементом в CONCEPTе 1 является ассоциат *честность*, следующими *равенство* и *закон*, что совпадает с набором самых частотных элементов ассоциативного поля СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Таким образом, CONCEPTом 1 будет ассоциат *честность*.

Самым «весомым» элементом в CONCEPTе 2 также является *честность*, но далее следуют элементы *порядочность* и *правильность*. Вероятно, появление ассоциата *честность* в CONCEPTе 2 вызвана его большой частотностью, поэтому CONCEPTом 2 будет являться не первый, а второй элемент системы, то есть *порядочность*.

В качестве самого «весомого» элемента в CONCEPTе 3 выступает *равенство*, дальнейшими значимыми элементами являются *суд* и *умный*. Соответственно, CONCEPT 3 представлен ассоциатом *равенство*.

Таким образом, главными CONCEPTами ассоциативного поля СПРАВЕДЛИВОСТЬ на основании результатов сингулярного разложения матрицы являются *честность*, *порядочность* и *равенство*.

Исходя из частотности ассоциатов респондентов, основными элементами ассоциативного поля ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ являются: *честность* 127, *равенство* 73, *закон* 57, *правда* 49, *суд* 34, *равноправие* 23. Однако при сравнении с результатами ТМ выясняется, что ядерные элементы несколько отличаются, а именно, ими являются *честность*, *порядочность* и *равенство*, при том, что ассоциат *порядочность* в ассоциативном поле занимает лишь 8-е место с коэффициентом 17. Это свидетельствует о том, что при изучении результатов ассоциативного поля важно учитывать не только частотность ассоциатов, но также и их место в цепочке реакций респондентов.

При этом неудивительно, что названия CONCEPTов при ТМ совпадает с элементами тематической классификации «ценности», выделенным нами ранее. При сопоставлении всех десяти самых «весомых» реакций в 3-х CONCEPTах неединичными будут следующие элементы: *порядочность*, *правильно*, *равенство*, *суд*, *уважение*, *честность*. Именно эти элементы и будут формировать содержание ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Обсуждение

На основании лингвистических и психолингвистических методов анализа выявлено, что лексема *справедливость* в толковых словарях разных лет имеет три семантических узла, которые в виде интегральных гиперсем и дифференциальных гипосем присутствуют во всех словарных определениях: сущность явления, направленность и объект. Большинство определений объясняют искомую лексему как отношение, свойство или действие, направленное либо на человека, либо на общество. Объектом выступает человек и/или его отношение/действие к кому- или чему-либо. Очевидно, что для понимания сущности феномена справедливость и ее роли в жизни человека этого недостаточно, поэтому представляется необходимым дополнить эти сведения.

Изучение данных ассоциативных словарей, а также привлечение результатов собственного свободного ассоциативного эксперимента позволили зафиксировать ассоциации носителей русского языка и культуры в динамике, а также дать им современную оценку и интерпретацию.

Повторяющимися ядерными ассоциатами в ассоциативных словарях были следующие: *правда*, *честность*, *суд* и *закон*. В свободном ассоциативном эксперименте повторились те же реакции, однако в несколько иной последовательности (*честность*, *закон*, *правда*, *суд*), но важно отметить и появление других значимых элементов – *равенство* и *равноправие*. Метод анализа данных, позволяющий учитывать не только частотность ассоциатов, но и их место в цепочке ответов респондентов, свидетельствует о наличии ключевых CONCEPTов в ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ: *честность*, *порядочность* и *равенство*. Выделенные при помощи тематической классификации блоки ассоциативного поля ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ показывают наличие множества других ценностей, указывают на наличие в понимании искомого феномена законодательно-правовых характеристик, а также выражают отношение, мнение и оценку (как и в словарных дефинициях) к социальной справедливости.

Выводы

Комплексное изучение ценностей, входящих не только в русскую языковую картину мира, но и аксиологическую подсистему русского образа мира, безусловно необходимо на настоящем этапе развития нашей страны в связи с переоценкой системы ценностей и новым вектором – от либеральных к традиционным ценностям, инициированным государством. Эта задача отчасти может быть решена при помощи лингвистических и психолингвистических методов, выявляющих реальные смыслы, заложенные в словах родного языка.

Ценность СПРАВЕДЛИВОСТЬ связана с множеством других ценностей, которые объединяются в образе мира человека в систему сложноорганизованных понятий, детерминирующих эмоции и поведение личности. Ассоциации респондентов иллюстрируют значительную роль государства в виде его законодательно-правовой системы формирования социальной справедливости для общественного блага. Будучи морально-этической проблемой, феномен справедливости вызывает эмоциональный отклик в содержании высказываемых мнений, суждений, отношений и оценок, что соответствует «особенностям» и «исключениям» в духе И.А. Ильина.

© Казаченко О.В., 2024

Литература

БЦНРК – Базовые ценности носителей русской культуры. Отв. ред.: д.ф.н., профессор Е.Ф. Тарасов. Автор идеи: Е.Ф. Тарасов. Авторы словарных статей: И.В. Вашунина, В.В. Дронов, В.А. Ильина, Д.В. Маховиков, А.А. Нистратов, С.Л. Нистратова, Е. К. Ощепкова, Е.Ф. Тарасов М., 2019. 550 с.

Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (Дата обращения: 18.09.2024).

Гордеева Е.М. Семантика «ключевых слов эпохи» в общественно-политическом дискурсе Германии: На материале периода объединения Германии 1989–2000 гг.: дисс.... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 186 с.

Ильин И.А. Поющее сердце: книга тихих созерцаний. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/poyushhee-serdtse-kniga-tihih-sozertsanij/#0_4 (Дата обращения: 23.09.2024).

Казаченко О.В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: дисс. ... д-ра филол. наук, 2021. 399 с.

Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): монография. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 216 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [Монография]. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 347 с.

Коробка П.Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 156 с.

Крахтунова О.В. Шифтерный лингвокультурный концепт «справедливость»: на материале русской лингвокультуры: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 203 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». М.: Академия Наук СССР, Институт языкознания. 1988. С. 105–106.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.

Ожегов – Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2012. 735 с.

Путин В.В. Текст обращения Владимира Путина. URL: <https://www.interfax.ru/russia/865716> (Дата обращения: 17.09.2024).

Табачкова З.П. Справедливость как ценность русской ментальности // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 12-5(46). С. 306–310.

Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения России) / [И.Г. Дубов, Л.М. Смирнов, Н.Н. Толстых и др.; Под общ. ред. Дубова И.Г.]; Рос. акад. образования, Психол. ин-т, Имидж-контакт. М.: Фирма «Имидж-контакт», 1997. 474 с.

Фирсов А. Развенчание элит. Как внутри нации случился ценностный раскол. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/367269-razvenchanie-elit-kak-vnutri-nacii-sluchilsya-cennostnyu-raskol> (Дата обращения: 17.09.2024).

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 319 с.

Щепотина Е.В. Вербализация мифологем CRIME, PUNISHMENT, FREEDOM, JUSTICE, LAW в американской лингвокультуре: дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 198 с.

Cattell R.B. The scree test for the number of factors // Multivariate Behavioral Research. Vol. 1, №2, 1966. P. 245–276.

Contemporary linguistics: an introduction / Ed. W. O'Grady, M. Dobrovolsky, F. Katamba London; New York: Longman, 1997.

Словари

АСП – *Гуц Е.Н.* Ассоциативный словарь подростка; М-во образования и науки Рос. Федерации, Ом. гос. ун-т, Филол. фак., Лаб. когнитив. исслед. Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. 153 с.

ЕВРАС – *Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России): [в 2 т.] / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова; Российская академия наук, Институт языкознания РАН, Московская международная академия. М.: Московская междунар. акад., 2018-2019. Т. 1: От стимула к реакции. 2018. 542 с.

Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург, 1998. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (Дата обращения: 09.12.2024).

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер.: М., 1998. 797 с.

Морковкин – *Морковкин В.В.* Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / под редакцией проф. В.В. Морковкина; Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2018. 1451 с.

РАСШ – *Гольдин В.Е.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. Т. 1: От стимула к реакции. 2011. 499 с.

САС – Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н.В. Уфимцева [и др.]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. лингвист. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.], 2004. 790 с.

СИБАС – *Шапошникова И.В.* Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Российская акад.

наук, Сибирское отд-ние, Ин-т филологии, Новосибирский гос. ун-т, Московский ин-т лингвистики. М.: Московский ин-т лингвистики, 2014. Т. 1: От стимула к реакции. 2014. URL: <http://adictru.nsu.ru/dictright#> (Дата обращения 09.12.2024).

Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975.

Словарь языка Пушкина: В 4 т. / АН СССР, Ин-т языкознания; Гл. ред.: Акад. В.В. Виноградов (отв. ред.) и др.; [Предисл. В.В. Виноградова]. М: ГИС, 1956.

Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1633 с.

Стоян – Малый толковый словарь русского языка: с 1300 рисунками / составитель П.Е. Стоян. 2-е изд. Петроград: Печатня К.П. Шрадера, 1915. 736 с.

Чернышев – Словарь современного русского литературного языка / [Глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В.И. Чернышев (глав. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1965. Т. 14. 700 с.

Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82 000 слов и фразеологических выражений) / [Н.Ю. Шведова, Л.В. Куркина, Л.П. Крысин]; отв. ред. Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2008. 1164 с.

Сведения об авторе:

Казаченко Оксана Васильевна – профессор департамента филологии ГАОУ ВО МГПУ, доктор филологических наук, доцент;

профессор департамента английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доктор филологических наук, доцент

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4;

125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2,

ORCID: 0000-0001-9208-6785,

email: kazachenko_07@mail.ru

Для цитирования:

Казаченко О.В. Комплексный анализ ценности СПРАВЕДЛИВОСТЬ: психолингвистический аспект // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 34–51. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-34-51

UDC 81’(23+27)

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-34-51

**A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE VALUE *JUSTICE*:
A PSYCHOLINGUISTIC ASPECT**

Oksana V. Kazachenko

Moscow City University

Financial University

Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the psycholinguistic analysis of the value JUSTICE. This phenomenon is considered to be an element of the public consciousness of the Russian

language picture, as well as a part of the individual worldview in the form of its personal meanings. Using component analysis, a fragment of the Russian language picture of the world has been revealed. It was found out that the lexeme *justice* in Russian dictionaries of different years of publishing has three semantic nodes, which in the form of integral hypersemes and differential hyposemes are present in all dictionary definitions: the essence of the phenomenon, orientation and object. Most definitions explain the desired lexeme as an attitude, property, or action directed either at a person or society. The object is a person or an attitude/action towards someone or something. Based on the analysis of associative dictionaries and a free associative experiment held on a large sample of respondents of the Russian Federation, the content of the value JUSTICE was revealed consisting of nuclear and peripheral elements. The nuclear elements show generally accepted associations, the peripheral ones show individual and personal reactions. The nuclear elements highlighted in associative dictionaries did not fully manifest themselves and their sequence as different compared to the free associative experiment, which indicates the dynamics of the respondents' understanding of this value over time. The results of the free associative experiment of the value JUSTICE were studied using a quantitative method of data mining in order to determine the optimal number of concepts that define the structure of the desired value, based on their frequency and place of reaction to the stimulus in the chain of associations of respondents. The value JUSTICE is associated with many other values, such as honesty, decency, equality and others, which are combined in the worldview into a system of complex concepts that determine the emotions and behavior of a person, which ultimately contribute to the formation of a certain state ideology.

Keywords: data mining, component analysis, worldview, free associative experiment, value system, justice, value

© Kazachenko O.V., 2024

Bionotes:

Oksana V. Kazachenko – Professor of the Department of Philology of the Moscow City University, Doctor of Philology, Associate Professor;

Professor of the Department of English and Professional Communication at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Philology, Associate Professor

Contact information:

42nd 2-j Sel'skokozyajstvennyj pass., Moscow, 129226

49/2 Leningradsky ave., Moscow, 125167

ORCHID: 0000-0001-9208-6785,

e-mail: kazachenko_07@mail.ru

For citation:

Kazachenko O.V. A comprehensive analysis of the value JUSTICE: a psycholinguistic aspect // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 34–51. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4- 34-51 (In Russian)

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ДОНБАССА В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОНФЛИКТА¹

Курмакаева Нина Петровна
Донецкий государственный университет
Донецк, Россия

Аннотация

В статье рассматривается аксиологическая составляющая «языка войны» в Донбассе. Актуальность данного исследования связана с необходимостью словарной фиксации и лингвокультурной квалификации активизирующихся в повседневной коммуникации слов и выражений, влияющих на изменение региональной картины мира и на становление новой региональной языковой личности, ее субэтнической идентичности. Анализируется специфический кластер региональных дискурсивных практик, обслуживающих реалии военных событий в Донбассе, с точки зрения традиционных и меняющихся ценностных приоритетов. Выявлены тропеизация, усиление субъективно-оценочного, коннотативного компонента в значениях ранее нейтральных слов и выражений, аксиологическое расподобление номинатом по линии «свое – чужое». Региональная языковая личность Донбасса охарактеризована как продуцент и манифестатор новых ценностных ориентиров. Произведена систематизация основного массива аксиологически нагруженных единиц донецкого региолекта. Обнаружено расширение лексико-семантического поля приоритетной ценности Донбасса *труд*, воплощенной во множестве паремий и слоганов, в связи с изменившимися социально-экономическими условиями жизни региона. Отмечена особая функция таких явлений, как креативизация речи и языковая игра со словом.

Ключевые слова: Донбасс, региональные дискурсивные практики, региональная языковая личность, региональная идентичность, ценностные приоритеты, язык войны, языковое сознание

Введение

Наше исследование осуществляется в рамках изучения и описания донецкого диффузного региолекта (первые результаты отражены в монографии [Донецкий региолект 2018]), составной частью которого является ряд единиц проанализированной здесь эмпирической базы.

Региолект жителей донецкого региона за последние 10 лет военного противостояния претерпел значительные трансформации и обновления: он пополнился лексико-

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

семантическими, ономастическими, фразеологическими, прецедентными и другого рода новшествами; заметно изменились коннотативная и оценочно-экспрессивная наполненность речевых единиц в связи с изменившейся социокультурной средой. Расширилась география употребления созданных в регионе важных для него символов и кодов культуры, несущих не только регионально значимую, но и общечеловеческую аксиологическую нагрузку.

Актуальность представленного исследования обусловлена: 1) необходимостью фиксации динамических процессов в дискурсивных практиках в разгар военного противостояния и выявления говорящими основных (ключевых, значимых для социума) обозначений некоторых реалий окружающей действительности в связи с социальной обстановкой [Курмакаева 2023]; 2) необходимостью отчленить в потоке языковых нововведений и осмыслений событий последних лет аксиологические факты и оценки от «языкового мусора» [Нередкова 2019; Соснина 2021]; 3) необходимостью дальнейшей систематизации составляющих «языка войны» в виде словарей и справочников, в частности, «Словаря языка войны в Донбассе» [Теркулов 2022], а также [Власкина 2019] и др.

Цель нашего исследования – проанализировать специфический кластер региональных дискурсивных практик, обслуживающих происходящие в Донбассе события, с точки зрения их ценностных категорий и приоритетов.

Материалом исследования послужили тексты донецких пользователей соцсетей, тексты постов местных блогеров, стихи донецких авторов в поэтических сборниках 2014–2023 гг., устная речь дончан.

Наше исследование продолжает традиции, заложенные в лингвокультурологических ([Воркачев 2001; Карасик 2002, Карасик 2013, Карасик 2018; Карасик 2023; Красных 2003] и др.), психолингвистических ([Залевская 1999; Красных 2012; Уфимцева 1993] и др.), лингворегионоведческих ([Маслова 2017; Кошарная 2017] и др.) трудах отечественных ученых на материале донецкого региолекта, возникшего в условиях локального военного противостояния на территории Донбасса и пока еще недостаточно изученного. Будучи долгое время в значительной изоляции и переживая мощную информационно-пропагандистскую, социокультурную и военно-политическую турбулентность, воюющий Донбасс превратился из шахтерского мира с его порядком в воюющий регион с вынужденно новыми условиями жизни и интерпретировал и транслировал вовне через устную разговорную речь, общение в соцсетях и печатные тексты содержание своего трансформировавшегося сознания.

На наших глазах в 2014 году рождалась и по сей день активно развивается новая ценностная картина мира, которую уже некорректно называть региональной. При этом «ценностное осмысление» реалий, вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем как «соотнесение объектов с основными направлениями квалификации реальности как опасной или безопасной, полезной или вредной, красивой или отталкивающей, соответствующей или противоречащей определенным нормам этики» [Карасик 2023: 193]. Подробную характеристику и классификацию ценностей В.И. Карасик дал в монографии [Карасик 2013: 6–13]. Наша работа дополняет ее наблюдениями регионального характера.

Результаты исследования

Было бы несправедливо начать анализ собранного эмпирического материала времен войны, не упомянув доминантный хороним *Донбасс*. За время существования Донбасса как обжитого географического места и промышленного региона о нем написано много (можно упомянуть, в частности, труды донецких ученых по истории края и его топонимике: [Отин 1997; Мозговой 2003; Першина 2015 и др.]); как объект культурологического и лингвистического уровня он представлен в работах [Кравченко 2018; Емельянова 2021; Курмакаева 2023; Нередкова, Скиба 2019 и др.]). Динамические процессы в донецком региолекте особенно наглядно отразились в номинационно-оценочных трансформациях денотата: от возвышенных *«сердце России»*, *«родина угля»*, *«край угля и металла»*, романтических *«Донетчина – извечный мой причал»* (В. Герланец) и шутливо-экспрессивных *«Всесоюзная Кочегарка»*, *«страна Террикония»* до новых поэтических перифраз, в которых Донбасс интерпретирован современными авторами то как *«уставшая, израненная Атлантида»* (А. Федорова) [Великий блокпост 2023: 79], то как *«четвертый Рим»*: *«...гори-гори, четвертый Рим, / для новой сводки»* (Д. Трибушный) [Великий блокпост 2023: 113]), то как *«форпост затяжной войны»* [Ревякина 2016: 25], то как *«страна, куда не ходят поезда»* (Д. Трибушный) [Воскресшие... 2023: 358] и *«край, измученный войной»* (В. Агаркова).

Чтобы понять значение употребленного продуцентом ключевого слова или выражения, как известно, используются «контекстуальные индикаторы», определенные конвенциональные условия, позволяющие членам коммуникации адекватно воспринимать речь друг друга. Разница только в том, что для регионального сообщества высказывания региональной языковой личности – это повседневная практика, для представителя другого региона (невоюющего) – это новшество, зачастую требующее толкования. Причина кроется в том, что региональная языковая личность Донбасса обладает дополнительными фоновыми знаниями, обусловленными сложившейся ситуацией в регионе.

Особенно ярко это проявляется в творчестве местных поэтов, о которых удачно сказано, что «донбасский поэт по своей экзистенции — шахтер, провидец и прорицатель» [Кравченко 2018: 93]. Он рисует окружающий мир так, как это способен сделать лишь истинный донбассовец: связать с помощью привычных для местного жителя регионализмов в тугой, неразрывный узел шахтерский мир с войной, взорвавшей сознание и привычный уклад жизни: *Грянет «бахом» недальний отвал, / пласт вздохнет и хребтом шевельнет. / Не туда, но как будто попал. / Недолет. Недолет. Недолет. // Плюнет штыбом, смыкаясь, забой. / Воздух прочь – как с разбегу об лед. / Он и наш, и не наш этот бой... / Раз прилет. Два прилет. Три прилет* (В. Русанов) [[https://reading-hall.ru/lit_gazeta/21\(6599\)2017.pdf](https://reading-hall.ru/lit_gazeta/21(6599)2017.pdf)]. Примененный автором стилистический прием повторов, с одной стороны, как бы замедляет жизненный ритм, а с другой – усиливает воздействие на психику адресата, четче прорисовывает субъективно-авторскую оценку происходящего. Поэт как творческая языковая личность не просто подбирает слова для описания событий, он сознательно включает приемы пересемантизации и милитаризации, когда слову в тексте придается функция «сиюминутно» социально значимой деятельности. Во время войны это проявляется специфически: *Еще один обстрел – и Новый год* (Д. Трибушный) [Великий блокпост 2023: 52], где обстрел приравнивается к категории времени; *Кто не из гиблых мест,*

/ тот не поймет, боюсь, / что попадание здесь / обозначает «плюс». // В раненых городах / выживший понял сам: / правильное, когда / бахают «минусá» (О. Старушко) [Великий блокпост 2023: 271], где **плюс** и **минусá** не математические понятия, а составляющие военного жаргона с милитаризированной семантикой.

В Донбассе давно перестали отличаться новизной смыслов, возникших в самом начале военного конфликта, такие слова и выражения, как *бахи* – ‘звуки артиллерийских ударов’; *«бахи и шуманы»* – шутливо о любых звуках военного назначения; *плюсы* и *минусы* (*минусá*) – ‘прилеты к нам и отлеты снарядов от нас’; *громко / тихо* – характеристика военной обстановки в городе: о сильном звуке недалеких прилетов или отсутствии их в данный момент; *падает, ложится, гупает* – о взрыве снаряда; *плюсануло, гупнуло, жаснуло* – ‘прилетел и взорвался снаряд’; *насыпают* – ‘интенсивно и в большом количестве отправляют снаряды по назначению’; *Петровка / Октябрьский слушают; на Бакинах слышим; Горняк принял* – о восприятии любых звуков войны в районах города в данный момент; *«приняли – отвечаем»* – ставшее фразеологически связанным выражение о перестрелке в пределах слышимости, *огненная денацификация* – ‘уничтожение противника с помощью установки «солнцепек»’; *свái забивают, ковры выколачивают* – именование работы артиллерийских установок по сходству издаваемых звуков; *гуманитарка летит* – ‘полет снарядов’ и многие др.

Как справедливо отмечается, сегодня язык повседневного общения в Донбассе впитывает «узко специальную воинскую терминологию наряду с окопным сленгом» [Власкина 2019: 404]. Этот микс несет большой аксиологический заряд, заключающийся в воплощении «ценностей в языковом сознании и коммуникативном поведении» [Карасик 2002: 8] либо как «высших ориентиров поведения» [Карасик 2013: 6], либо как способности оценивать реальную ситуацию по шкале «хорошо – плохо». Повседневными и обыденными стали тексты следующего содержания: *Перед зачисткой позиций противника по ВСУ отработала артиллерия. Как шутят сами военные, «насыпали им семечек полный кулек»* [Военный Донецк, 9.12.23]; *Выдали всушиников из нор. Но на поверхности их ждал более опасный сюрприз – горячий привет от FPV. Контракт этих тарасов завершён раньше срока. Дружно отправились к бандере* [Военный Донецк, 22.07.24]. Такие субъективно-оценочные «сводки» с фронтов, регулярно транслируемые блогерами Донецка, помогают донбассовцам выживать и верить в победу, а также имеют цель поддерживать дух несломленности и воинского азарта.

В группах, обсуждающих военную ситуацию по населённым пунктам ДНР, как правило, фиксируется не только положение дел в действительности, но и усиление субъективно-оценочного, коннотативного компонента в значениях слов, например, через аксиологическое наполнение таких эпитетов, как *ювелирная работа наших дроницков, плотный бой, дружественный огонь* и др.; выражение отношения к происходящему через метафоризацию речи: *В катакомбах укронацистов гидрометцентр прогнозирует град* [ВКонтакте, Армия Горящих Сердец, 10.07.22]; *После выявления позиций врага отправляем им пламенные подарки* [Военный Донецк, 11.11.23], где последнее словосочетание – яркий пример метафорического синлекса-неологизма, означающего действие установки «солнцепек».

Следует отметить, что в сетевом общении чрезвычайно активно применяется языковая игра, которая служит не столько средством самовыражения продуцента речи

(ведь он реально никак не проявляется, кроме как через текст), сколько фактором характеристики описываемой ситуации и отношения к ней, фактором манифестации силы характера региональной языковой личности как представителя субэтноса, как его прочной основы.

Пребывая все это время в эпицентре военных действий, под постоянными обстрелами, часто без света, тепла и уже третий год почти без воды, т.е. в условиях полной социально-бытовой неустроенности, донбассовцы продолжают сохранять веру, надежду и, что особенно удивительно, чувство юмора. Экстралингвистические социальные факторы обуславливают активизацию внутренних ресурсов языка, когда, с одной стороны, усиливается игровой, креативный элемент речи как своеобразный вызов критическому положению дел: *Слушаем симфонию Баха в отдалении* (Военный Донецк, 21.04.22) – о звуках военных действий; *Надеюсь, это наши угледарят* (АГС, 26.01.23) – о тех же звуках, но в определенную сторону (окказионализм *угледарят* от названия населенного пункта в Донбассе *Угледар*, в окрестностях которого идут бои). А с другой стороны, наблюдается четкая дифференциация по линии «свой – чужой; наши – не наши; мы – они», о чем особенно зримо свидетельствуют поэты и подчеркивают коммуниканты в соцсетях: *«На войне не бывает ничьих, только свой и чужой. / По чужому стрелять, своего прикрывать, что есть силы»* [Ревякина 2016: 19]; *«Позже нас назовут придонбашенными»* (А. Долгарева) [Военный блокпост 2023: 116]; *«Мы – подвальные, мы – опальные, / кандалы наши тяжелы. / Мы – идея национальная, / мы – форпост затяжной войны»* [Ревякина 2016: 25]. *Наши разобрали блиндаж с боевиками* [Военный Донецк, 27.10.23];

Последние примеры всецело подтверждают мысль Т.Ю. Власкиной о том, что «мы – наиболее цельная и одновременно динамичная категория среди идентичностей Донбасса» [Власкина 2021: 131]. На момент начала войны данная поэтом А. Ревякиной характеристика *нас* (донбасских жителей) абсолютно адекватна положению дел в действительности. В проекции на сегодня она лишь частично сохраняет свою корректность: суть современного *мы* донбассовцев – во второй фразе текста: *Мы – идея национальная, / мы – форпост затяжной войны*.

Региональная языковая личность Донбасса выступает как транслятор состояния социокультурной среды, которую она стремится креативно манифестировать в ценностных категориях, даже если ситуация предельно напряженная: *Донецк, без паники. Слышно аргументы и факты в пользу мира. Огрызаются* [ВКонтакте, Армия Горящих Сердец, 10.07.22]; *Донецкая и Горловская агломерации: длительное время слышны звуки денацификации* [Военный Донецк, 06.07.23]. Она ментально формирует и в речевых практиках закрепляет и продвигает разного типа символы как ценностные ориентиры, среди которых традиционные, не теряющие актуальности для региона, и новые, родившиеся в военной обстановке:

– имена почитаемых в шахтерской среде святых: *Святой Варварой живы мы, / Покуда есть о ком молиться* (И. Лысый) [Лысый 2019: 185], где Св. Варвара – покровительница и заступница шахтеров – остается символом заступничества и в среде военных, где много бывших шахтеров: *– А если убьют? – Не может быть, мы Варваре свечку ставим перед боем или заданием. Она нас бережет* (из беседы деда с внуком в кафе, 01.05.2022);

– образные и мифологические номинации: *Шубин* ('горный дух', 'хозяин подземных кладовых'): *И Шубин нам поет из тьмы* (И.Лысый) [Лысый 2019: 185]; *Карлсон, Вжик* (шутливо-уважительное именование беспилотника, отправляемого на задание);

– образные сравнения с именами, имеющими в сознании человека высокий аксиологический статус: *Сегодня, Донбасс, ты – наш Сталинград, твердыня меж тьмою и светом* (С. Буйвидович), либо с номинациями, наполненными фольклорными мотивами: *Бьет война тебя в центр и в околицы, моя Горловка, моя горлица* (И. Быковская) [Час мужества 2015: 8];

– переосмысленные и новые паремические единицы: *Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано* (П. Беспощадный); *Донбасс порожняк не гонит; Не хочу ничего знать про твоего Мессии, у меня тут город родной девятую зиму в замесе./ В кровавом замесе.* (А. Ревякина) [<https://dzen.ru/>]; *Пока Донбасс не грянет, укроп не перекрестится;*

– новые символы как коды культуры и как аксиологические доминанты: *Ангелы Донбасса* (о погибших детях Донбасса за все годы военного противостояния) – «вершина аксиологической пирамиды» (по Т.Ю. Власкиной); *поколение Z* – о молодежи Донбасса и РФ с высоким патриотическим содержанием и др.

В Донбассе как важнейшая ценность изначально культивировался труд, потому донбассовец, как правило, предпочтет в своих высказываниях относительно темы труда и сейчас употребить выражения: *Работает как Стаханов; пашет как Паша Ангелина; устал как шахтер / как в шахте поработал.* Однако в аксиологическую копилку лингвистики войны можно отнести новые сравнения: *устал, как с передовой вернулся* (из разговорной речи мужчины-дончанина 45-50 лет; сентябрь 2023 г.); *наработался, как снарядов натаскался* (32-летний сын-фронтовик отцу, Донецк, 24.06.2024).

Следует отметить любопытную зависимость: чем более затягивается военная ситуация, тем многочисленнее примеры креативного осмысления военной темы в сетевом общении дончан. Этим подтверждаются два факта: 1) процессы, происходящие в языке, чрезвычайно подвержены влиянию извне, в первую очередь их определяют меняющиеся социально-политические условия; 2) активное включение языковой игры в качестве экспрессивного средства выражения отношения языковой личности к происходящему свидетельствует о сильном характере продуцента и о требующей дополнительного изучения ментальности жителей воюющего региона.

Выводы

В проделанном исследовании предпринята попытка выявления и анализа специфики бытования в донецком региолекте единиц, несущих ярко выраженную аксиологическую нагрузку и являющихся ценностными ориентирами для субэтноса Донбасса. Вскрыты особенности языковой манифестации и приемов трансляции регионально обусловленных ценностей.

Показана корреляция между культивируемыми в Донбассе ценностями и характером (ментальностью) их продуцента и хранителя – региональной языковой личности как основы донбасского субэтноса.

Установлено, что склонная к креативизации речи и языковой игре со словом региональная языковая личность донбассовца и во время войны, как огромную ценность, сохраняет на вербальном уровне чувство юмора, способность к метафоризации, индивидуально-авторской оценочности и экспрессивной окрашенности текстов. Это

не только придает этим текстам привлекательность и убедительность, но и усиливает самоидентификацию личности, ее субэтническую идентичность, аксиологическую значимость и приоритетность ее речевых находок.

© Курмакаева Н.П., 2024

Литература

Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса // Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: историко-антропологические очерки. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНВ РАН, 2019. С. 402–419.

Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей непризнанных Республик Донбасса: по материалам общения в Интернете // Вопросы психолингвистики 2021. №1(47). С. 126–139.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64–72.

Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»; Фонд «Русский мир». Донецк: [ООО «НПП Фолиант»], 2018. 264 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы Международной научной конференции 16.11.2018, г. Тяньцзинь: Тяньцзиньский университет иностранных языков, 2018. С. 3–9.

Карасик В.И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. 524 с.

Карасик В.И. Символизация крови в языковом сознании // Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации: сб. статей. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 193–201.

Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. Белгород, 2017. С. 14–25.

Кравченко О.А. Донбасс как топос и пафос // Современное есениноведение. 2018. №4. С. 93–96.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, дополненное. М.: Гнозис, 2012. 333 с.

Курмакаева Н.П. Донецкий речевой дискурс в фокусе креативности: вчера и сегодня // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология. Донецк, 2023а. № 1. С. 41–49.

Курмакаева Н.П. Динамика регионального речевого дискурса в условиях военного противостояния / Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля): сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023б. С. 241–246.

Маслова В.А. Языковая личность и языковой портрет жителя Витебщины / А.А. Бувечич, В.А. Маслова, Е.Ю. Муратова // Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов. Коллективная монография. Минск: УП «Энциклопедикс», 2017. С. 71–116.

Мозговой В.И. Донбасс с высоты свободного полета. Донецк: «Кардинал», 2003. 360 с.

Нередкова С.С., Скиба И.Г. Языковая картина современного Донбасса в условиях социальных потрясений (на материале лингвистических экспертиз) // Русский язык в поликультурном мире: сб. статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Т.1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 56–62.

Отин Е.С. Избранные работы. Донецк: «Донеччина», 1997. 426 с.

Першина К.В. Топонимы Донбасса в этнокультурном измерении // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). Макеевка, 2015. С. 286–289. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://donnasa.ru>.

Соснина Л.В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 3. С. 3–8.

Теркулов В.И. Словарь языка войны в Донбассе: лингвистические и лингвокультурологические особенности // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье / редкол. С.Н. Стародубец и др. Брянск, 2022. С. 25–29.

Список источников

Армия горящих сердец (АГС) Донбасса. URL: https://vk.com/ags_donbass (дата обращения: 25.05.2024).

Великий Блокпост: Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. / Редактор-составитель А. Ревякина. «Питер», 2023. 400 с.

Военный Z Донецк // Переключка ДНР. URL: https://t.me/militarydonetsk_pereklichka (дата обращения: 25.05.2024).

Военный Донецк / Сводки / СВО. URL: <https://vk.com/military.donetsk> (дата обращения: 25.05.2024).

Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022 гг. Стихи / Составители: А.Ю. Колобородов, З. Прилепин, О.В. Демидов. СПб: Питер, 2023. 416 с.

Лысый И.О. Ловец ветра. Сборник стихотворений. Донецк: Большой Донбасс, 2019. 288 с.

Ревякина А.Н. Шахтерская дочь. Поэма / А.Н. Ревякина. Харьков: Водный спектр Джи-Эм-Пи, 2016. 56 с.

Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов. Сборник стихов. М.: Издательство «Перо», 2015. 112 с.

Сведения об авторе:

Курмакаева Нина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, филологический факультет, Донецкий государственный университет

Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Россия

ORCID: 0009-0005-3472-0203

e-mail: kurmakaeva@mail.ru

Для цитирования:

Курмакаева Н.П. Ценностные приоритеты в дискурсивных практиках Донбасса в период военного конфликта // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 52–61. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4- 52-61

UDC 81

LBC 81.411.2-02

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-52-61

Review article

VALUE PRIORITIES IN THE SPEECH PRACTICES OF DONBAS
DURING THE MILITARY CONFLICT

Nina P. Kurmakaeva

Donetsk State University

Donetsk, Russia

Abstract

The article considers the dynamically developing value segment of the “language of war” in Donbas. The relevance of this axiological study is connected with the necessity of dictionary fixation and linguocultural qualification of words and phrases activating in everyday communication, which influences the change of the linguistic world-image and the emergence of a new regional linguistic personality, its sub-ethnic identity.

The specific cluster of regional discursive practices serving the realities of military events in Donbas is analyzed from the point of view of traditional and changing value priorities. Tropeization, strengthening of subjective-evaluative, connotative component in the meanings of previously neutral words and expressions, axiological dissimilation of nominatem along the line “us – them” are revealed. The regional linguistic personality of Donbass is characterized as a producer and manifestor of new value orientations. The main array of axiologically loaded units of the Donetsk regional dialect has been systematized. It was found that the lexical-semantic field of the priority value of Donbas *labor*, embodied in a number of paremi and slogans, has expanded. This expansion occurred due to the changed social and economic conditions of life in the region. The special function of such phenomena as creativization of speech and language play with words is noted.

Keywords: Donbass, regional discursive practices, regional linguistic personality, regional identity, value priorities, language of war, language consciousness

© Kurmakaeva N.P., 2024

Bionotes:

Kurmakaeva Nina Petrovna – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language Department, Donetsk State University

Contact information:

24, Universitetskaya St., Donetsk, Russia, 283001

ORCID: 0009-0005-3472-0203

e-mail: kurmakayeva@mail.ru

For citation:

Kurmakayeva N.P. Value priorities in the linguistic perception and discursive practices of Donbas during the military conflict // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 52–61. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-52-61 (In Russian)

СВЯЗЬ МЕЖДУ ВОЗРАСТОМ УСВОЕНИЯ СЛОВ ДЕТЬМИ И ПОКАЗАТЕЛЯМИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ НОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Григорьев Андрей Александрович
Институт психологии РАН,
Москва, Россия

Аннотация

На материале русскоязычных категориальных норм и нормативных данных о возрасте усвоения слов носителями русского языка исследуются связи возраста усвоения слов с показателями категориальных норм. Получены следующие результаты. 1) Возраст усвоения члена категории связан отрицательно, а словарная частотность положительно, с долей респондентов, назвавших его, и с долей респондентов, назвавших его первым; это согласуется с результатом, полученным в исследовании Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023] на англоязычном материале. 2) Возраст усвоения не вносит независимого от степени кластеризации категории вклада в предсказание продуктивности категории. Возможно, степень кластеризации категории, отражающая количество и силу ассоциативных связей между ее членами, выступает как медиатор в связи возраста усвоения с продуктивностью категории.

Ключевые слова: возраст усвоения слов, категориальные нормы, частотность слов, продуктивность категорий, степень кластеризации категорий

В работе Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023] на материале англоязычных нормативных данных было показано, что возраст усвоения слов отрицательно связан с показателями легкости их продуцирования: с вероятностью называния члена лексико-семантической категории в задаче их перечисления, с вероятностью называния его первым в последовательности перечисления и с продуктивностью категории – со средним числом названных членов категории. Связь с первыми двумя показателями была зафиксирована, когда в регрессионное уравнение были включены частотность слов и взаимодействие возраста усвоения с частотностью; что же касается продуктивности категории, то был продемонстрирован значимый вклад в ее предсказание возраста усвоения и взаимодействия возраста усвоения с частотностью при контроле длины слов и их частотности.

Эти результаты согласуются с данными более ранних исследований. В работе [Hernández-Muñoz, Izura, Ellis 2006], выполненной на испаноязычных данных, на основе подобных показателей рассчитывалась лексическая доступность (lexical availability) слов; было показано, что одним из ее значимых предикторов является возраст усвоения слов. Его эффект был продемонстрирован при контроле знакомости

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00269).

членов категорий, их типичности, образности, частотности и длины их имен. Роль возраста усвоения как фактора лексической доступности была показана и в том случае, когда исследование проводилось на иноязычной лексике: испанских словах, усвоенных носителями английского языка, изучавшими испанский язык [Hernández-Muñoz, Izuga, Tomé 2013]. Эффект возраста усвоения обнаружился при контроле знакомости членов категорий, их образности, типичности, частотности их имен и их близости в испанском и английском языках.

В работе [Grigoriev, Oshhepkov 2013] были рассчитаны корреляции возраста усвоения имен членов категорий с частотой названия его в задаче перечисления, общей и на первом месте. Эти корреляции (отрицательные) оказались хотя невысокими, но значимыми, причем при стандартизации оценок возраста усвоения, нивелирующей различия по этому показателю между категориями, они становились несколько теснее.

В работе [Григорьев, Лаптева 2018] приведены корреляции первого из этих показателей с возрастом усвоения, а также с тремя другими психолингвистическими переменными, для 10 категорий отдельно; среднее этих корреляций составило $-0,362$, это значение было близким к полученному в работе [Grigoriev, Oshhepkov 2013]. Была также сделана попытка выявить, какие психолингвистические переменные могут являться факторами продуктивности категорий. С продуктивностью категории тесно связана степень ее кластеризации (см. [Григорьев 2019]). Для выяснения того, вносят ли рассматривавшиеся четыре психолингвистические переменные значимый вклад в предсказание продуктивности при контроле степени кластеризации, в уравнение регрессии вводились все возможные комбинации этих переменных. Значимого увеличения эффективности предсказания не было получено ни в одном случае. Авторы сочли возможным, что такие результаты были обусловлены малой выборкой категорий и очень тесной корреляцией ($0,945$) продуктивности со степенью кластеризации.

Григорьев, Балясникова и Пашнева [2023], отмечая, что у них не было возможности провести аналогичный анализ на англоязычных данных, выражают намерение провести такую работу на русскоязычном материале в будущем, используя собранные к тому времени оценки возраста усвоения слов русского языка его носителями. В настоящее время такие оценки собраны. Это оценки возраста усвоения 30856 слов, полученные путем опроса взрослых респондентов. Эти оценки характеризуются высокими надежностью и валидностью. Их использование позволит включить в анализ 22 категории, по которым в [Григорьев 2004] приведены значения продуктивности. Кроме того, категории будут представлены полнее, чем в работе Григорьева и Лаптевой [2018], авторы которой располагали незначительным количеством оценок возраста усвоения.

Первой задачей настоящей работы является проверка результатов исследования Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023], касающихся связи возраста усвоения членов категории с легкостью их продуцирования, полученных на материале английского языка, на аналогичных русскоязычных данных. Второй задачей будет определение того, вносят ли две психолингвистические переменные – возраст усвоения и частотность – значимый вклад в предсказание продуктивности категорий при контроле степени их кластеризации.

Методы

В исследовании используются русскоязычные категориальные нормы, представленные в работе Григорьева [2004]. Как и в исследовании Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023], в анализ были включены два показателя: доля

респондентов, назвавших данный член категории, и доля респондентов, назвавших данный член категории первым². В используемых нормах имеются значения указанных показателей для 23 категорий: **Драгоценный камень, Четвероногое животное, Вид ткани, Цвет, Предмет мебели, Овощ, Инструмент плотника, Предмет одежды, Вид транспортного средства, Кухонная посуда, Вид спорта, Наука, Ягода, Рыба, Родственник, Музыкальный инструмент, Часть здания, Цветок, Фрукт, Металл, Дерево, Птица, Профессия**. Приведены также данные по продуктивности категорий.

Имена некоторых членов категорий присутствовали в нормах как в единственном, так и во множественном числе (например, *гвоздь* и *гвозди*) – одни респонденты использовали формы единственного числа, а другие множественного. В этих случаях значения показателей членов категорий во множественном числе прибавлялись к значениям показателей членов категорий в единственном числе. К последним также прибавлялись значения «нестандартных» написаний имен членов категорий (например, *?гвозди*). Если в таком написании были упомянуты два члена категории, то его значения прибавлялись к значениям первого из упомянутых членов категории (например, значения у *коза* (*козел*) были прибавлены к значениям у *коза*, но не у *козел*).

Значения продуктивности категорий были взяты из [Григорьев 2004], значения степени кластеризации категорий – из [Григорьев 2019].

В исследовании используются оценки возраста усвоения слов, полученные в ходе выполнения работ по гранту РНФ, по которому проведено настоящее исследование. Частотности слов взяты из словаря Ляшевской и Шарова [2009].

Результаты

Связь возраста усвоения членов категорий с легкостью их продуцирования.

В анализ были включены те члены 23 категорий из работы Григорьева [2004], для которых имелись оценки возраста усвоения и частотности. Число таких членов категории изменялось от 26 (категория **Драгоценный камень**) до 137 (категория **Профессия**) (см. эти числа ниже в Таблице №2. В настоящем исследовании категории представлены значительно полнее, чем в исследовании Григорьева и Лаптевой [2018], где число вошедших в анализ членов категорий изменялось от 6 (категория **Овощ**) до 30 (категория **Четвероногое животное**) (число членов последней категории в настоящем анализе составило 70). Всего в анализируемом материале было 1173 слова, некоторые из которых повторялись, так как входили более чем в одну категорию.

Для каждой категории были рассчитаны средние и стандартные отклонения возраста усвоения и частотности (см. ниже в Таблице №2); они были использованы, как и в работе Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023], для стандартизации значений этих переменных³. Корреляции показателей легкости продуцирования в категориальных нормах, а именно, доли респондентов, назвавших тот или иной член категории при их перечислении ($D1^4$), и доли респондентов, назвавших тот или иной член категории первым ($D2$), со стандартизированным возрастом усвоения (VU), составили $-0,364$ и $-0,253$, со стандартизированной словарной частотностью: $0,277$ и $0,308$. Все эти корреляции значимы и близки к полученным в работе Григорьева,

² В источнике приведены частоты, они были переведены в доли.

³ То есть, стандартизация проводилась внутри каждой категории, полученные z-оценки были объединены.

⁴ От «доминантность»: часто упоминаемые члены категории называют доминантными, редко – периферийными.

Балясниковой и Пашневой [2023] (–0,309 и –0,256, 0,234 и 0,302, соответственно). Для оценки значимости ВУ и частотности, а также взаимодействия этих переменных, как предикторов Д1 и Д2, был проведен регрессионный анализ. Его результаты представлены в Таблице №1.

Таблица №1

Коэффициенты регрессий Д1 и Д2 на ВУ, частотность и взаимодействие этих переменных

Зависимые переменные	Предикторы			Нормированный квадрат корреляции
	ВУ	Частотность	ВУ*Частотность	
Д1	–0,065 (p=0,0000...)	0,016 (p=0,1226...)	–0,012 (p=0,1370...)	0,147
Д2	–0,011 (p=0,0000...)	0,006 (p=0,0321...)	–0,007 (p=0,0014...)	0,116

Как явствует из таблицы №1, ВУ оказался значимым предиктором для обоих показателей легкости продуцирования, в то время как частотность и взаимодействие ВУ с частотностью оказались значимыми предикторами для Д2, но не для Д1.

Таким образом, полученные результаты согласуются с результатами исследования Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023] в том, что касается связи ВУ с показателями легкости продуцирования членов категории. Однако, относительно связи частотности с этими показателями данные несколько расходятся: в настоящей работе коэффициент регрессии только в случае Д2 оказался значимым, в то время как в работе Григорьева, Балясниковой и Пашневой значимыми были оба коэффициента. Что касается взаимодействия ВУ и частотности, то оно в обеих работах оказалось значимым предиктором только одного из показателей легкости продуцирования, причем, если в работе Григорьева, Балясниковой и Пашневой этим показателем был Д1, то в настоящей – Д2.

Между работой Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023] и настоящей имеется существенное различие в использованном материале. В первой анализ проводился, в основном, на множестве членов категорий, названных пятью и более процентами респондентов (хотя небольшое их число имело меньший процент называния). В настоящей же работе в анализ включались все члены категорий, в том числе названные только одним респондентом. В этом случае как показатели легкости продуцирования (значения доминантности членов категории), так и словарные частотности должны быть прологарифмированы. Это было сделано: Д1 и словарная частотность были прологарифмированы по формуле $\lg(x)$, Д2 – по формуле $\lg(x+0,001)$. Логарифмы словарных частотностей были затем стандартизированы. В результате корреляции Д1 и Д2 с ВУ изменились с –0,364 и –0,253 на –0,357 и –0,278, корреляции Д1 и Д2 со словарной частотностью – с 0,277 и 0,308 на 0,348 и 0,341. Таким образом, единственное сколько-нибудь значительное изменение, к которому привело логарифмирование, – это увеличение корреляции Д1 со словарной частотностью с 0,277 до 0,385. Результаты регрессионного анализа с прологарифмированными переменными представлены в Таблице №2.

Таблица №2

Коэффициенты регрессий Д1 и Д2 на ВУ, словарную частотность и взаимодействие этих переменных при логарифмировании Д1, Д2 и словарной частотности

Зависимые переменные	Предикторы			Нормированный квадрат корреляции
	ВУ	Ig (частотность)	ВУ* Ig (частотность)	
Ig(Д1)	-0,152 (p=0,0000...)	0,115 (p=0,0000...)	-0,024 (p=0,1714...)	0,146
Ig(Д2)	-0,083 (p=0,0055...)	0,218 (p=0,0000...)	-0,045 (p=0,0293...)	0,140

Как можно видеть, при логарифмировании показателей из категориальных норм и словарной частотности значимыми предикторами первых являются как возраст усвоения членов категорий, так и их словарная частотность. Сравнив значения нормированных квадратов корреляции в Таблицах №№ 1 и 2, приходится констатировать, что логарифмирование фактически не изменило эффективность регрессионных моделей.

Теперь попробуем улучшить анализируемый материал, исключив из состава категорий слова, в них не водящие. Например, в категории **Драгоценный камень** присутствуют слова *золото*, *серебро*. В подобных случаях слова обычно имеют низкие значения показателей доминантности, хотя могут иметь высокие их значения в «своей» категории (те же *золото* и *серебро* в категории **Металл**). Но эти низкие значения доминантности обусловлены не тем, что эти слова нелегко продуцируются, а тем, что они в действительности не входят в категорию, хотя отдельные респонденты включают их в нее. Удаление таких ошибочных включений должно сделать выявленные связи более четкими.

В англоязычных категориальных нормах, использованных в предыдущей работе [Григорьев, Балясникова, Пашнева 2023], тоже есть ошибочные включения, но мы тогда предпочли, имея дело с иноязычным материалом, проводить расчеты только на исходных данных, ничего из них не удаляя. В настоящей же работе ничто не препятствует изъять из состава категорий слова, не являющиеся их членами.

Были исключены не только явно не входящие в категории слова, но и некоторые (но не все) неоднозначные слова. Например, из категории **Цвет** были удалены слова *малиновый*, *сиреневый*, *бирюзовый* и т.д. Всего было удалено 143 слова. Оставшиеся 1030 слов были подвергнуты такому же анализу, как и в предыдущем случае.

Все корреляции стали несколько более тесными: корреляции Д1 и Д2 с ВУ изменились с -0,357 и -0,278 на -0,447 и -0,355, корреляции Д1 и Д2 со словарной частотностью – с 0,385 и 0,323 на 0,482 и 0,463. Результаты регрессионного анализа представлены в Таблице №3.

Таблица №3

Коэффициенты регрессий Д1 и Д2 на ВУ, словарную частотность и взаимодействие этих переменных при логарифмировании Д1, Д2 и словарной частотности и исключении из состава категорий, не входящих в них, и некоторых неоднозначных слов

Зависимые переменные	Предикторы			Нормированный квадрат корреляции
	ВУ	lg (частотность)	ВУ* lg (частотность)	
lg(Д1)	-0,157 (p=0,0000...)	0,194 (p=0,0000...)	-0,053 (p=0,0016...)	0,261
lg(Д2)	-0,079 (p=0,0113...)	0,303 (p=0,0000...)	-0,077 (p=0,0002...)	0,224

Как возраст усвоения, так и словарная частотность вновь оказались значимыми предикторами показателей категориальных норм. Кроме того, в данном анализе взаимодействие этих переменных оказалось значимым предиктором не только второй, как и в двух предыдущих случаях, но и первой зависимой переменной: характер связи предикторов с ними меняется при изменении другого предиктора. Сравнив значения нормированных квадратов корреляции в Таблицах №№ 2 и 3, можно заключить, что «рафинирование» состава категорий привело к повышению эффективности регрессионных моделей.

Оценка значимости возраста усвоения и словарной частотности слов как факторов продуктивности категорий

В Таблице №4 представлены количество членов категорий, средний возраст усвоения и частотность членов категорий для 23 категорий, значения степени кластеризации и продуктивности для 22 категорий. Для категории **Ягода** значения двух последних показателей в источниках не приведены.

Таблица №4

Количество, средний возраст усвоения и частотности членов категорий, степень кластеризации и продуктивность категорий

Категория	Количество членов категории	Средний возраст усвоения	Средняя частотность	Степень кластеризации	Продуктивность
Драгоценный камень	26	10,03	5,72	0	5,45
Четвероногое животное	70	5,52	14,40	11	8,26
Вид ткани	42	10,71	7,87	0	6,00
Предмет мебели	48	7,25	43,18	9	8,05
Овощ	30	6,54	10,82	6	6,99
Цвет	46	6,53	49,30	8	8,48
Инструмент плотника	40	8,02	11,99	0	5,09

Предмет одежды	62	6,78	18,17	11	8,66
Вид транспортного средства	50	6,39	214,43	7	7,08
Кухонная посуда	56	7,17	14,72	10	7,53
Вид спорта	42	7,80	14,21	7	6,78
Наука	49	10,90	42,43	3	6,10
Ягода	33	6,31	4,21	-	-
Рыба	58	9,06	3,53	4	7,43
Родственник	44	7,58	75,65	11	9,73
Музыкальный инструмент	35	8,53	17,66	5	7,37
Часть здания	77	7,78	58,05	5	6,25
Цветок	49	8,98	3,67	2	7,28
Фрукт	31	6,37	5,70	7	7,16
Металл	29	10,96	7,91	2	5,90
Дерево	52	7,78	10,87	6	8,56
Птица	67	7,16	4,91	11	8,45
Профессия	137	8,57	29,47	2	6,81

Средний возраст усвоения членов категорий варьирует довольно широко: от 5,52 года (категория **Четвероногое животное**) до 10,96 лет (категория **Металл**). Еще более значительными кажутся различия средней частотности членов категорий: от 3,53 (категория **Рыба**) до 214,43 словоупотреблений на млн (категория **Вид транспортного средства**). Связаны ли эти различия с различиями продуктивности категорий?

С целью ответа на этот вопрос был проведен анализ, в котором продуктивность категории фигурировала как зависимая переменная, а средний возраст усвоения членов категории, средняя частотность членов категории и степень кластеризации категории – как независимые переменные. В Таблице №5 представлены корреляции рассматриваемых переменных.

Таблица №5

Корреляции переменных

	Средняя частотность	Степень кластеризации	Продуктивность
Средний возраст усвоения	-0,231	-0,762	-0,588
Средняя частотность		0,195	0,115
Степень кластеризации			0,838

Корреляция между степенью кластеризации и продуктивностью категории (0,838) уже приводилась в [Григорьев 2019], она показывает тесную связь этих двух переменных.

Рассмотрим полученные в настоящем исследовании корреляции возраста усвоения и частотности с продуктивностью. Средний возраст усвоения отрицательно коррелирует с продуктивностью ($r = -0,588$; $p < 0,01$), т.е. категории, члены которых в среднем усваиваются раньше, имеют тенденцию характеризоваться более высокой продуктивностью. Между тем, средняя частотность не обнаружила значимой корреляции с продуктивностью ($r = 0,115$). Более тесно, чем с продуктивностью, средние возраст усвоения и частотность коррелируют со степенью кластеризации категорий (хотя корреляция со средней частотностью и здесь не достигает значимой величины).

Для оценки того, вносят ли вклад в предсказание продуктивности категорий возраст усвоения и частотность, независимо от степени кластеризации, был проведен регрессионный анализ. В него вошли данные по 22 категориям, для которых имелись значения всех показателей.

Результаты для возраста усвоения представлены в Таблице №6, для частотности – в Таблице №7.

Таблица №6

Регрессии продуктивности категории на степень кластеризации, и на степень кластеризации и возраст усвоения

Предикторы модели	Коэффициенты регрессий	Нормированный квадрат корреляции
Степень кластеризации	0,258 ($p=0,0000\dots$)	0,687
Степень кластеризации, возраст усвоения	0,287 ($p=0,0001\dots$); 0,091 ($p=0,5346\dots$)	0,677

Таблица №7

Регрессии продуктивности категории на степень кластеризации, и на степень кластеризации и частотность

Предикторы модели	Коэффициенты регрессий	Нормированный квадрат корреляции
Степень кластеризации	0,258 ($p=0,0000\dots$)	0,687
Степень кластеризации, частотность	0,261 ($p=0,0000\dots$); -0,001 ($p=0,6971\dots$)	0,672

Коэффициенты регрессии при возрасте усвоения и частотности незначимые. Нормированный квадрат корреляции при вводе этих предикторов в регрессионное уравнение уменьшается. Таким образом, ни возраст усвоения, ни частотность не вносят независимого от степени кластеризации вклада в предсказание продуктивности категорий.

Обсуждение

В данной работе на русскоязычном материале исследовалась роль возраста усвоения слов как фактора легкости их продуцирования в задаче перечисления членов категорий в свободном порядке. Роль возраста усвоения рассматривалась «внутри категорий» – связан ли он с вероятностью продуцирования членов категорий и «между категориями» – связан ли он с продуктивностью категорий. Рассматривалась также связь частотности слов с продуктивностью категорий.

Результаты «внутрикатегориальных» корреляционного и регрессионного анализов указывают на связь ВУ с легкостью продуцирования в задаче перечисления членов категории. Эта психолингвистическая переменная оказывалась значимым предиктором обеих мер доминантности членов категории, общей частоты называния и частоты называния на первом месте, при анализе со всеми вариантами данных. Частотность при логарифмировании тоже становится значимым предиктором, более того, она в целом теснее коррелирует с зависимыми переменными, чем ВУ. Результаты, особенно при изъятии не входящих в категории и некоторых неоднозначных слов, указывают также на значимый эффект взаимодействия ВУ со словарной частотности.

Данные о рассматриваемых в данной работе связях уже были получены на англоязычном материале [Григорьев, Балясникова, Пашнева 2023]. Одной из задач настоящей работы является сопоставление результатов, полученных на англоязычном и русскоязычном материале.

Сравнивая результаты регрессионного анализа с полученными в работе Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023], можно констатировать, что в обоих исследованиях были получены сходные результаты: продемонстрирована роль возраста усвоения и частотности как факторов легкости продуцирования членов категорий в задаче их перечисления. Кроме того, результаты обоих исследований указывают на определенную роль взаимодействия этих переменных.

В данной работе также исследуется возраст усвоения и частотность слов как факторы продуктивности категорий. Корреляция среднего возраста усвоения членов категории с продуктивностью категории значима. Эта корреляция близка к полученной в работе Григорьева, Балясниковой и Пашневой [2023] на англоязычном материале ($-0,588$ vs $-0,602$), а вот различие с корреляцией со средней частотностью более заметно ($0,115$ vs $0,313$). Можно, однако, отметить, что в обоих исследованиях корреляция со средней частотностью ниже корреляции со средним возрастом усвоения.

Основной задачей в исследовании связи этих двух психолингвистических переменных с продуктивностью категории было определение того, вносят ли они независимый вклад в ее предсказание при контроле степени кластеризации категорий. Согласно результатам регрессионного анализа, они такого вклада не вносят. Этот результат повторяет полученный ранее в работе Григорьева и Лаптевой [2018]. Дело, по-видимому, не в особенностях выборки категорий, чем в данной работе допускалась возможность объяснения отрицательного результата. Более правдоподобным представляется другое объяснение.

Степень кластеризации выступает как опосредующее звено, медиатор в связи возраста усвоения с продуктивностью категории. Степень кластеризации категории отражает, очевидно, количество ассоциативных связей между ее членами. Влияние возраста усвоения на продуктивность, таким образом, может быть приписано, по крайней мере, частично, тому, что категории, состоящие из ранее усваиваемых слов, характеризуются большим количеством ассоциативных связей между входящими в них словами. Это предположение имеет теоретическое основание. Одна из теорий, объясняющих влияние возраста усвоения слов на протекание вербальных процессов, утверждает, что рано усваиваемые концепты имеют больше семантических связей, находятся в центре сети, что делает их легко доступными [Catling, Elsherif 2020]. Есть эмпирические подтверждения этой теории [там же]. С ней согласуются

продемонстрированные в работе Григорьева и Балясниковой [2024] связи возраста усвоения слов с количественными показателями обратного ассоциативного словаря.

Заключение

В настоящем исследовании получено еще одно подтверждение влияния возраста усвоения слов – членов лексико-семантических категорий – на легкость их продуцирования при выполнении задачи перечисления членов категории. Ранее усваиваемые в онтогенезе члены категории называются при выполнении этой задачи чаще и с большей вероятностью на первом месте. Категории, средний возраст усвоения членов которых ниже, являются, в большинстве случаев, более продуктивными при выполнении этой задачи. Можно предположить, что опосредующим звеном в связи среднего возраста усвоения членов категорий с их продуктивностью является количество ассоциаций внутри категорий.

© Григорьев А.А., 2024

Литература

Григорьев А.А. Репрезентация лексических категорий в сознании носителя языка. М.: Институт языкознания РАН, 2004. 179 с.

Григорьев А.А. Связь степени кластеризации лексико-семантической категории со скоростью перечисления входящих в нее объектов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 1. С. 181–190. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-1-181-190

Григорьев А.А., Балясникова О.В. Психолингвистические переменные как предикторы количественных показателей обратного ассоциативного словаря // Вопросы психолингвистики №2(60), 2024. С. 27–37, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-27-37

Григорьев А.А., Балясникова О.В., Пашнева С.А. Связь возраста усвоения слов детьми с показателями категориальных норм // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023, С. 44–57, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-44-57

Григорьев А.А., Лантева Е.М. Задача семантической беглости с различными лексико-семантическими категориями: факторы выполнения и проблема общности модели поиска // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал, 2018. 4 (4). С. 8–28.

Ляшевская О.Н. Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. (Электронная версия издания). (<http://dict.ruslang.ru>)

Catling J.C., Elsherif M.M. The hunt for the age of acquisition effect: It's in the links! // Acta Psychologica. 2020. №209. 103138. doi.org/10.1016/j.actpsy.2020.103138

Grigoriev A., Oshhepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables // Behavior Research Methods. 2013. №45. P. 1208–1217. DOI 10.3758/s13428-013-0319-0

Hernández-Muñoz, N., Izura, C., & Tomé, C. Cognitive factors of lexical availability in a second language // Lexical availability in English and Spanish as a second language. Springer, 2013. P. 169–186. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-7158-1-10>

Natividad Hernández-Muñoz, Cristina Izura & Andrew W. Ellis Cognitive aspects of lexical availability // European Journal of Cognitive Psychology. 18:5, 2006. P. 730–755. DOI: 10.1080/09541440500339119

Сведения об авторе:

Григорьев Андрей Александрович – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН»

Контактная информация:

129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13

ORCID: 0000-0002-6186-2320

e-mail: andrey4002775@yandex.ru

Для цитирования:

Григорьев А.А. Связь между возрастом усвоения слов детьми и показателями категориальных норм (на материале русского языка) // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 62–73. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-62-73

UDC 159.922.72

LBC 81, 88.4

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-62-73

Research article

**RELATIONSHIP BETWEEN A CHILD'S AGE OF WORDS ACQUISITION
AND INDICATORS OF CATEGORY NORMS:
BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Andrei A. Grigoriev

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract

Based on the material of Russian-language category norms and normative data on the age of acquisition of words by native speakers of the Russian language, the relationship of the age of acquisition of words with indicators of category norms is investigated. The following results were obtained. (i) The age of acquisition of a category member is negatively associated, and vocabulary frequency is positively associated, with the proportion of respondents who named it and with the proportion of respondents who named it first; this is consistent with the result obtained in the study of Grigoriev, Balyasnikova and Pashneva [2023] on English-language material. (ii) The age of acquisition does not contribute to the prediction of the potency of the category, when of the degree of clustering of the category is controlled for. Perhaps the degree of clustering of a category, reflecting the number and strength of associative links between its members, acts as a mediator in the relationship of the age of acquisition with the potency of the category.

Keywords: word age of acquisition, category norms, word frequency, potency of categories, degree of clustering of categories

© Grigoriev A.A., 2024

Bionotes:

Andrei A. Grigoriev – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

13, Yaroslavskaia st., Moscow, Russia, 129366

ORCID: 0000-0002-6186-2320

e-mail: andrey4002775@yandex.ru

For citation:

Grigoriev A.A. Relationship between a child's age of word acquisition and indicators of category norms: based on the material of the Russian language // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 62–73. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-62-73 (In Russian)

ПРОВЕРКА ВАЛИДНОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК ВОЗРАСТА
УСВОЕНИЯ СЛОВ МЕТОДОМ ТЕСТИРОВАНИЯ:
РЕПЛИКАЦИЯ И УТОЧНЕНИЕ¹

Сугоняев Константин Владимирович

Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Пашнева Светлана Александровна

Курский государственный университет,
Курск, Россия

Аннотация

В последнее десятилетие во всем мире наблюдается всплеск интереса к вопросам воспроизводимости результатов исследований в области гуманитарных и поведенческих наук. Метанаучные оценки воспроизводимости ранее опубликованных величин эффекта существенно ниже, чем это часто предполагается. В этом контексте было предпринято репликационное исследование связи между субъективными оценками возраста усвоения (ВУ) слов русского языка, предположительно усваиваемых в возрасте 6,8–14,4 лет, и объективными оценками точности идентификации смысла слов в словарных тестах, адресованных школьникам 2–4–6–8-классов. Подтверждение такой связи могло бы повысить доверие к субъективным рейтингам как источнику информации о ВУ слов русского языка. Новое исследование в основных чертах повторяло дизайн предыдущего (2023 г.), но отличалось применением более изощренных методов статистического анализа данных. Результаты репликационного исследования в целом подтвердили знак и уровень тесноты связей между субъективными оценками ВУ слова и точностью его опознания в словарном тесте, составив в среднем $-0,48$ до коррекции артефактов (ошибки измерения и ограничения диапазона) и $-0,84$ после; аналогичные оценки 2023 г. составили, соответственно, $-0,43$ и $-0,80$. Различия между оценками первого и второго исследований оказались не значимыми. Полученные результаты свидетельствует о том, что субъективные рейтинги являются достаточно валидными индикаторами ВУ слов в исследованном возрастном диапазоне и пригодны для нормирования этой характеристики.

Ключевые слова: возраст усвоения слов, воспроизводимость, словарный тест, надежность, валидность, коррекция артефактов

В 2023 г. была опубликована статья, в которой нами был представлен ряд эмпирических свидетельств о пригодности субъективного метода оценки возраста усвоения (ВУ) слов для нормирования этой характеристики [Сугоняев, Григорьев 2023]. Одним из таких свидетельств стало выявление связи между субъективными оценками

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00269 «Сбор норм по возрасту усвоения для большого корпуса слов русского языка».

ВУ слов и точностью идентификации их значения в традиционном тестовом формате множественного выбора ответа в четырех возрастных группах школьников. Результаты исследования оказались в согласии с предположением о наличии выраженной отрицательной связи между сопоставляемыми переменными, которое, в свою очередь, базировалось на результатах многочисленных зарубежных исследований, выполненных за последние полвека в США, Великобритании, Нидерландах, Китае и др.; краткий обзор этих исследований был дан в упомянутой публикации. Однако, несмотря на внушительный список обнародованных к настоящему времени национальных норм ВУ слов, полученных путем опроса взрослых респондентов, ряд авторов критикует данный метод за недостаточную точность [Barrow, Bjorkenstam, Strombergsson 2019; Smolik, Filip 2022].

Оценки величины эффекта в контексте возраста усвоения слов русского языка были получены нами в ходе однократного исследования, проведенного на относительно небольшой (хотя и сопоставимой с зарубежными) выборке. Эти оценки могут быть поставлены под сомнение, поскольку могут являться следствием идиосинкразических особенностей исследовательской выборки и иных иррелевантных обстоятельств. Для того чтобы частный эмпирический факт мог претендовать на роль составной части кумулятивного научного знания, он должен быть неоднократно подтвержден.

Проблема воспроизводимости научных результатов в гуманитарных науках в последнее время стала важной частью научного дискурса. Хотя предупреждения о том, что воспроизводимость результатов психологических и социальных исследований может быть ниже, чем это предполагается по умолчанию, высказывались достаточно давно [напр., Cohen 1973, 1992], они долгое время игнорировались [Ioannidis 2005; Schmidt S. 2009]. Тем не менее, в последние полтора десятилетия количество критических публикаций приняло взрывной характер и перешло в новое качество, что дало основание одним авторам характеризовать этот период времени как «кризис» [Maxwell, Lau, Howard 2015], другим – как «революцию» [Vasire 2018] или «возрождение» [Nelson, Simmons, Simonson 2018]. Впервые воспроизводимость публикуемых эффектов стала объектом аудита многих независимых исследовательских групп и отдельных авторов. Полученные ими оценки репликабельности существенно варьируют. Например, в проекте, посвященном проверке воспроизводимости 101 связи между личностными свойствами и поведением, сопоставимая величина эффекта была зафиксирована в 91% случаев [Soto 2019], тогда как по оценкам «Коллаборации открытой науки», проверявшей воспроизводимость результатов 100 публикаций 2008 г., сходная величина эффекта была достигнута лишь в 49% [Open Science Collaboration 2015]. Хотя более свежие оценки не столь радикальны, они в любом случае существенно отличаются от 100%. Например, в обзоре Б. Носека с соавт. усредненная воспроизводимость эффектов в психологии оценивается величиной около 2/3 [Nosek, Hardwicke, et al. 2022: 725]. Предполагается, что в отечественных публикациях эта доля едва ли выше, чем за рубежом [Корнеев, Рассказова, Кричевец, Койфман 2016: 7]. Основной вклад в появление ошибок I рода вносят специфика выборки, недостаточная статистическая мощность исследований, «дихотомическое мышление» (стремление во что бы то ни стало преодолеть порог статистической значимости $p < 0,05$) и др. [Maxwell 2004; Simmons, Nelson, Simonsohn 2011; Cumming 2013].

В свете развернувшихся дискуссий по проблеме воспроизводимости и учитывая множество факторов, способных оказать влияние на результаты тестирования школьников, важно получить дополнительные свидетельства существования зависимости между субъективными оценками ВУ слов и объективными тестовыми оценками, подтверждающими факт точного понимания их смысла. В этой связи было предпринято повторное исследование такого же типа на новом контингенте учащихся, к анализу результатов которого были применены дополнительные методы статистического анализа. Аналогичные методы ретроспективно были применены и к ранее полученным данным.

Основываясь на результатах уже опубликованных зарубежных и собственных исследований, нами были выдвинуты следующие гипотезы. (Н1) Между оценками субъективного ВУ слов и точностью идентификации их смыслового значения имеется выраженная отрицательная связь, которая должна проявиться в каждой из четырех исследованных возрастных групп; (Н2) при предъявлении одинаковых слов в двух смежных возрастных группах успешность их идентификации должна быть значимо выше в старшей по возрасту группе; (Н3) оценки величины эффекта, зарегистрированные на новом контингенте, должны быть сопоставимы с таковыми, полученными в первичном исследовании, свидетельствуя о воспроизводимости ранее установленных закономерностей.

Наряду с тремя гипотезами, сформулированными в конфирматорном ключе, были выдвинуты также две гипотезы относительно ранее не исследованных феноменов. В частности, исходя из способа конструирования словарных субтестов, адресованных школьникам определенного класса, было выдвинуто предположение, что если между субъективными оценками ВУ и уровнем понимания смысла слов, измеренным объективно, имеется достаточно сильная связь, субтесты должны обеспечивать получение статистически неразличимых результатов (Н4).

Подтверждение любой из этих гипотез могло бы трактоваться как свидетельство пригодности субъективного метода оценки ВУ слов для формирования нормативного материала для этой характеристики.

Наконец, была предпринята попытка рассчитать альтернативные субъективные оценки ВУ ряда слов, учитывающие вероятность выбора варианта «не знаю». Для некоторых слов не все респонденты могли указать возраст усвоения; в таких случаях они ставили прочерк в регистрационном бланке или букву «Н» в Excel-таблице. Подобные слова имелись и среди слов, включенных в состав тестов. Анализ результатов оценивания свыше 30 тысяч слов показал, что среди слов, возраст усвоения которых указали более 50% респондентов, максимальная усредненная оценка ВУ составила 21 год. Основной способ расчета усредненных оценок ВУ учитывал только те ответы, в которых был указан ВУ. Было выдвинуто предположение, что вариант расчета, при котором ответы «не знаю» заменяются на 21, может дать более точные оценки ВУ слов. Если это предположение верно, то альтернативный способ расчета субъективных оценок ВУ должен повысить тесноту связи между ВУ и тестовыми оценками точности идентификации смысла слов (Н5).

Материалы и методы

Количественные характеристики субъективно оцениваемого ВУ множества из 7500 слов были получены путем обработки 597 протоколов, каждый из которых

включал по 300 тестовых, 10 вводных (ознакомительных) и 30 контрольных слов. Порядок сбора данных о субъективных оценках ВУ слов описан в [Сугоняев, Григорьев 2023].

Для конструирования словарных тестов для 2, 4, 6 и 8 классов из множества 7500 слов, возраст усвоения которых оценивался в 2022 г., были отобраны слова с субъективным ВУ от 6,8 до 14,4 лет, пригодных для предъявления в перечисленных классах. Для каждого из этих слов было подобрано словосочетание или синоним, наиболее точно отражающие его смысл, а также четыре дистрактора. Детали конструирования и примеры тестовых пунктов представлены в упомянутой выше статье.

Поскольку целью исследования была оценка воспроизводимости и уточнение ранее полученных оценок связи субъективного ВУ тестового слова с точностью идентификации его смысла, абсолютное большинство пунктов повторяли те, которые использовались ранее в исследовании 2023 г. В то же время, наборы тестовых заданий 2024 г. имели некоторые принципиальные отличия от наборов 2023 г., а именно:

- из тестовых заданий были исключены семь слов, ответы на которые указывали на искаженное представление об их смысле у большинства респондентов, а также два слова, которые точно опознавались почти всеми респондентами; взамен были сгенерированы новые тестовые задания с максимально близкими (к исключенным) значениями ВУ;

- количество тестовых заданий для 6 класса было сокращено до 280, массивы слов для 6 и 8 классов были слегка смещены в сторону меньших ВУ, в результате чего 20 слов со значениями ВУ более 14,4 лет были исключены;

- были исправлены формулировки около 30 дистракторов, которые характеризовались повышенной частотой выбора из-за смысловой близости к ключевой опции ответа;

- частично изменено количество общих слов между парами смежных классов: между тестами для второго и четвертого, а также четвертого и шестого классов число общих слов было увеличено до 60, а между тестами для шестого и восьмого классов сокращено до 160 (в 2023 г. было, соответственно, 50 и 180 общих заданий). Принцип включения общих слов в тесты остался прежним: в финале теста, адресованного младшему классу, предъявлялись слова предположительно самые сложные для данного возраста (с наибольшими ВУ); в тесте для старшего класса эти же слова являлись начальными.

Как и ранее, задания, адресованные учащимся каждого из четных классов, в интересах практической выполнимости в течение учебного часа делились на два субтеста, которые приравнивались по средним значениям ВУ, стандартному отклонению и размаху оценок, а также по количеству и статистическим характеристикам слов, общих со смежными классами. Слова в субтесте размещались в порядке предполагаемого увеличения ВУ.

Обозначения субтестов были унифицированы: первый знак отражает класс, которому адресованы задания, второй – номер субтеста. Формальные характеристики субтестов 2024 г. (и – для сравнения – 2023 г.) отражены в таблице 1.

Таблица №1

**Характеристики словарных субтестов, включенных в исследования
2023 и 2024 гг.**

Класс	Обозначение субтеста	Кол-во заданий 2023/2024 гг.	Параметры ВУ слов, включенных в тесты 2023 г.		Параметры ВУ слов, включенных в тесты 2024 г.	
			М ± СтО	Размах	М ± СтО	Размах
2	Словарь 21	80	8,25 ± 0,79	6,81–9,44	8,25 ± 0,79	6,87–9,44
	Словарь 22	80	8,27 ± 0,79	6,87–9,46	8,27 ± 0,79	6,82–9,46
4	Словарь 41	120	10,09 ± 0,65	8,84–11,18	9,99 ± 0,66	8,68–11,08
	Словарь 42	120	10,09 ± 0,63	8,86–11,13	9,99 ± 0,65	8,70–11,00
6	Словарь 61	150/140	11,90 ± 0,62	10,70–13,09	11,66 ± 0,58	10,54–12,58
	Словарь 62	150/140	11,85 ± 0,61	10,70–13,00	11,64 ± 0,58	10,55–12,57
8	Словарь 81	150	12,92 ± 0,86	11,80–15,30	12,74 ± 0,76	11,60–14,37
	Словарь 82	150	12,89 ± 0,89	11,76–15,44	12,71 ± 0,77	11,61–14,40

Примечание: М – средняя; СтО – стандартное отклонение

Общее число оригинальных заданий, включенных в субтесты для 2–8 классов, составило 700. Средний субъективный ВУ всего массива тестовых слов, использованных для формирования тестовых заданий, составил $10,95 \pm 1,88$. Таким образом, вариативность ВУ полного массива слов в 2,4–3,2 раза превосходит вариативность ВУ слов, включенных в субтесты, адресованные определенному классу.

Исследовательская выборка

Исследования проводились в восьми школах (г. Курск; пос. Власиха Московской области) и суммарно охватили 424 учащихся 2, 4, 6 и 8 классов (далее по тексту – респонденты). В 6 и 8 классах большинство респондентов выполняли оба субтеста (в разные дни), во втором и в четвертом классе каждый респондент выполнял по одному субтесту. Соседи по парте всегда выполняли разные субтесты².

Всего было получено 546 протоколов выполнения субтестов, однако, как и в 2023 г., часть из них была исключена из анализа. Причинами отсева были признаки хаотического реагирования, невыполнение субтеста до конца или пропуск более 10% заданий. В итоге в анализ включено 482 протокола, полученных от 388 респондентов. Таким образом, отсев составил 11,7% протоколов, что сопоставимо с отсевом 2023 г. (11,4%). Более детальная характеристика исследовательских выборок отражена в таблице 2.

Таблица №2

Характеристики выборки респондентов, включенных в тестирование в 2024 г.

Класс	Субтест	Колво и происхождение протоколов		Характеристики респондентов		
		Курск	Власиха	Кол-во (из них девочек)	Возраст (М±СтО)	Размах
2	Словарь 21	52	-	108 (59)	8,38 ± 0,33	7,60–9,04
	Словарь 22	56	-			

² Сбор части первичных данных был выполнен В.Г. Володичевой и О.Е. Солохой, за что авторы выражают им глубокую признательность.

4	Словарь 41	60	-	121 (69)	10,33 ± 0,31	9,25– 10,88
	Словарь 42	61	-			
6	Словарь 61	-	52	68 (40)	12,67 ± 0,31	12,03– 13,37
	Словарь 62	-	62			
8	Словарь 81	-	72	91 (43)	14,57 ± 0,36	13,69– 15,45
	Словарь 82	-	67			

Сравнение с аналогичными характеристиками выборки 2023 г. показывает, что возраст респондентов в этот раз в среднем на 2–6 месяцев меньше, чем при первом исследовании (при сопоставимой вариативности). Это различие объясняется тем, что первичное исследование проводилось в последней четверти учебного года, тогда как нынешнее (репликационное) – в первой половине учебного года.

Методы обработки данных

Подготовка тестовых материалов и оцифровка заполненных регистрационных бланков, как и 2023 г., осуществлялись с помощью универсального компьютерного психодиагностического комплекса (КПДК). Обработка количественных данных и статистический анализ выполнялись с использованием вычислительных возможностей программы КПДК (в части психометрических характеристик субтестов), табличного процессора Microsoft Excel 10, а также статистического программного пакета Statsoft Statistica, v.8.

Результаты исследования

Количество заданий, оставшихся без ответа, составило в 2024 г. в среднем 0,5% (от 0,27 до 1,03% в разных субтестах). Как видно из данных, представленных в таблице 3, в целом качество решения тестовых заданий в среднем оказалось в 2024 г. примерно на том же уровне, что и в ранее проведенном исследовании.

Таблица №3

Характеристики качества выполнения заданий на опознание слов по классам и субтестам в 2023 и 2024 гг.

Класс	Субтест	2023 г.		2024 г.	
		Доля правильных ответов в %	Надежность (KR-20)	Доля правильных ответов в %	Надежность (KR-20)
2	Словарь 21	66,50	0,867	54,01	0,827
	Словарь 22	69,04	0,854	59,84	0,892
4	Словарь 41	56,27	0,951	59,82	0,947
	Словарь 42	59,84	0,918	59,65	0,947
6	Словарь 61	50,78	0,952	63,23	0,945
	Словарь 62	49,08	0,925	59,88	0,930
8	Словарь 81	56,15	0,954	60,53	0,956
	Словарь 82	57,02	0,937	56,34	0,952

Примечание: KR-20 – коэффициент надежности / согласованности Кьюдера–Ричардсона №20.

Одной из основных целей настоящей работы была проверка воспроизводимости эффектов, зарегистрированных ранее (в исследовании 2023 г.), а именно – корреляций между субъективным ВУ слов и точностью их опознания в контексте объективного

тестирования, а также различий в точности опознания слов, являющихся общими между парами субтестов, адресованных смежным классам.

Исследование тесноты связей между субъективными оценками ВУ и результатами тестирования осуществлялось в три этапа. На первом и втором этапах процедура оценки величины эффектов в точности повторила ту, которая была описана в [Сугоняев, Григорьев 2023]: 1) рассчитывались коэффициенты корреляции между объективной характеристикой точности идентификации смысла слова (долей правильных ответов на задание) и предполагаемым возрастом его усвоения, полученным в результате усреднения субъективных оценок ВУ; 2) наблюдаемые коэффициенты корреляции были скорректированы с учетом существенного ограничения диапазона варьирования одной из коррелируемых переменных, а именно – субъективных оценок ВУ, предъявляемых учащимся каждого из четырех классов [Carretta, Ree 2022; Oh, Mendoza, Le 2023]. Напомним, что для такой коррекции применима формула Р. Торндайка, известная как *Case II formula* [Thorndike 1949]:

$$R_{\text{корр}} = Ur / \sqrt{(U^2r^2 - r^2 + 1)}, \text{ где}$$

$R_{\text{корр}}$ – истинная корреляция между двумя переменными;

U – отношение вариативности переменной в неселективной (полной) выборке (в исследовании 2024 г. это 1,883) к таковой в селективной;

r – наблюдаемая корреляция между двумя переменными, вариативность одной из которых искусственно ограничена.

На третьем этапе процедура коррекции наблюдаемых корреляций была дополнена коррекцией на неидеальную надежность второй коррелируемой переменной, а именно – количества (доли) правильных ответов, рассчитанных для каждого тестового задания. Эта коррекция осуществлялась по известной формуле дизаттенюации [Фер, Бакарак 2010: 166]:

$$r_{\text{ист}} = \frac{r_{\text{набл}}}{\sqrt{r_{xx}} \sqrt{r_{yy}}}, \text{ где}$$

$r_{\text{ист}}$ – истинная корреляция двух переменных;

$r_{\text{набл}}$ – наблюдаемая корреляция двух переменных;

r_{xx} – надежность переменной x ;

r_{yy} – надежность переменной y .

В качестве индекса надежности субтестов принимались значения коэффициента Кьюдера–Ричардсона KR-20. Поскольку надежность субъективных оценок ВУ слов неизвестна, мы принимали ее за 1,0³, т.е. учитывалась неидеальная надежность только одной из коррелируемых переменных.

В соответствии с рекомендациями Дж. Хантера с соавт. [Hunter, Schmidt F., Le 2006], в случае, когда может быть количественно оценен вклад обоих источников искажений связи между переменными, вначале проводится коррекция ошибки измерения (результат такой коррекции ниже обозначен как R^*), а затем – коррекция на ограничение диапазона варьирования (результат – R^{**}).

Основные компоненты расчетов по данным 2024 г. и их результаты представлены в таблице 4. Для удобства сравнения с результатами аналогичных расчетов, выполненных на данных 2023 г., последние представлены в правой части таблицы.

³ В реальности, скорее всего, существенно меньше.

Таблица №4

Расчет наблюдаемых и скорректированных коэффициентов корреляции между успешностью выполнения тестовых заданий на опознание слов и субъективными оценками ВУ

Субтест	2024 г.						2023 г.		
	KR-20	СтО с/т	U	r	R^*	R^{**}	r	R^*	R^{**}
21	0,827	0,790	2,383	-0,435	-0,478	-0,792	-0,348	-0,374	-0,707
22	0,892	0,788	2,389	-0,495	-0,524	-0,827	-0,384	-0,416	-0,750
41	0,947	0,665	2,830	-0,544	-0,559	-0,886	-0,547	-0,561	-0,901
42	0,947	0,653	2,886	-0,455	-0,467	-0,836	-0,392	-0,409	-0,808
61	0,945	0,583	3,228	-0,328	-0,337	-0,756	-0,358	-0,367	-0,780
62	0,930	0,576	3,268	-0,535	-0,555	-0,909	-0,481	-0,501	-0,880
81	0,956	0,764	2,466	-0,553	-0,565	-0,861	-0,537	-0,550	-0,832
82	0,952	0,776	2,427	-0,482	-0,494	-0,809	-0,325	-0,336	-0,617

Примечание: СтО с/т – стандартное отклонение субъективных оценок ВУ слов, включенных в состав субтеста; значения индексов U , r , R^* и R^{**} объяснены в тексте.

Сравнение показателей точности идентификации смысла слов, общих между смежными классами, осуществлялось с помощью двухфакторного дисперсионного анализа. Его результаты показали существенное превосходство старшего класса над младшим во всех сравниваемых парах. Хотя год исследования оказывал некоторое влияние на результат ($F=19,12$, $p=0,00001$, $\eta^2=0,017$), эффект старшинства был на порядок мощнее ($F=230$, $p=0,00000$, $\eta^2=0,171$); данный факт иллюстрируется рисунком 1.

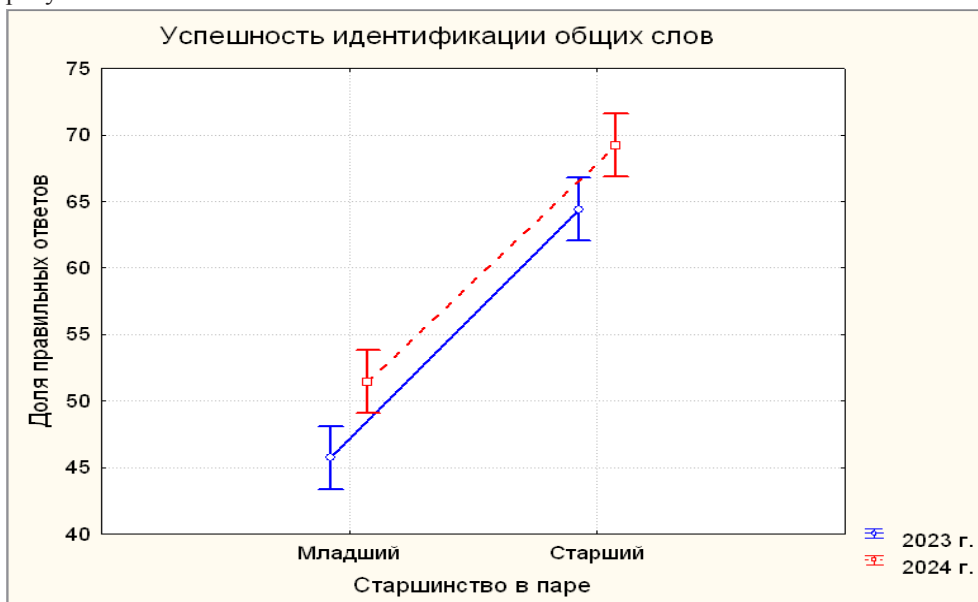

Рис. 1. Успешность решения общих заданий в смежных парах классов.

Двухфакторный дисперсионный анализ на уровне пар смежных классов подтвердил сильный эффект старшинства ($F=213$, $p=0,00000$, $\eta^2=0,161$; значимость различий во всех парах 0,00002 по критерию Тьюки), в то время как эффект номера пары оказался в 23 раза слабее.

Средняя разность между долями правильных ответов в старшем и младшем классе достигла в 2024 г. 17,8%, в 2023 г. – 18,5%. Это составляет, соответственно, 30,1% и 31,7% от средних уровней успешности решения заданий в текущем году. Однако если в 2023 г. различия в успешности идентификации общих слов в трех парах классов были примерно одинаковыми, то в 2024 г. различия в парах 4/2 и 6/4 классы превысили 25%, а различие в паре 8/6 классы снизилось до 11% (сохранив, вместе с тем, высокий уровень значимости). Возможная причина этого состоит в том, что в 2023 г. шестые классы оказались слабейшими из всех (что обусловило значительное различие между результатами 6 и 8 классов), тогда как в 2024 г. они, напротив, оказались наиболее успешными. Детализация успешности решения общих заданий в смежных классах представлена в таблице 5.

Таблица №5

**Успешность идентификации общих слов смежными классами
в 2023 и 2024 гг.**

Год исследования	Сравниваемые классы	Кол-во общих слов	Доля правильных ответов		<i>p</i> (критерий Тьюки)
			в младшем классе	в старшем классе	
2023	2 vs. 4	50	54,87	73,41	0,00011
	4 vs. 6	50	45,59	61,33	0,00181
	6 vs. 8	180	43,23	62,78	0,00002
2024	2 vs. 4	60	45,22	73,37	0,00002
	4 vs. 6	60	46,18	71,96	0,00002
	6 vs. 8	160	55,74	66,64	0,00002

Оценка измерительной эквивалентности субтестов. Хотя представленный в таблице 3 количественный материал не противоречат гипотезе о психометрической эквивалентности субтестов (в пределах каждой пары, адресованной определенному классу), для получения более точных оценок были выполнены варианты одно- и двухфакторного дисперсионного анализа применительно как к массивам ответов на задания, так и к индивидуальным результатам выполнения тестов.

Однофакторный дисперсионный анализ на уровне ответов на задания показал, что между индексами успешности решения входящих в них заданий значимых различий нет ни при одном из вариантов анализа данных: при объединении данных за оба года ($F=0,200$; $p=0,658$), при анализе данных каждого года по отдельности (2023 г.: $F=0,350$; $p=0,554$; 2024 г.: $F=0,116$; $p=0,733$) и в каждом классе. Результаты последнего сравнения и оценка значимости различий успешности выполнения субтестов с помощью *post hoc* критерия Тьюки представлены в таблице 6.

Таблица №6

Результаты применения ANOVA к анализу эквивалентности субтестов

Год исследования	Сравниваемые субтесты	Кол-во заданий в субтесте	Доля правильных ответов		p (критерий Тьюки)
			в 1-м субтесте	во 2-м субтесте	
2023	21 vs. 22	80	66,50	69,04	0,486
	41 vs. 42	120	56,27	59,84	0,988
	61 vs. 62	150	50,78	49,08	0,985
	81 vs. 82	150	56,15	57,02	1,000
2024	21 vs. 22	80	54,01	59,84	0,646
	41 vs. 42	120	59,82	59,64	1,000
	61 vs. 62	140	63,23	59,88	0,885
	81 vs. 82	150	60,53	56,34	0,665

Аналогичный анализ, выполненный применительно к уровню успешности выполнения субтестов отдельными респондентами, привел к сходным результатам: ни в одном из вариантов сравнения не выявлено значимых различий между результатами выполнения субтестов в пределах своего класса. Наглядное представление о результатах этого сравнения дают графики на рис. 2.

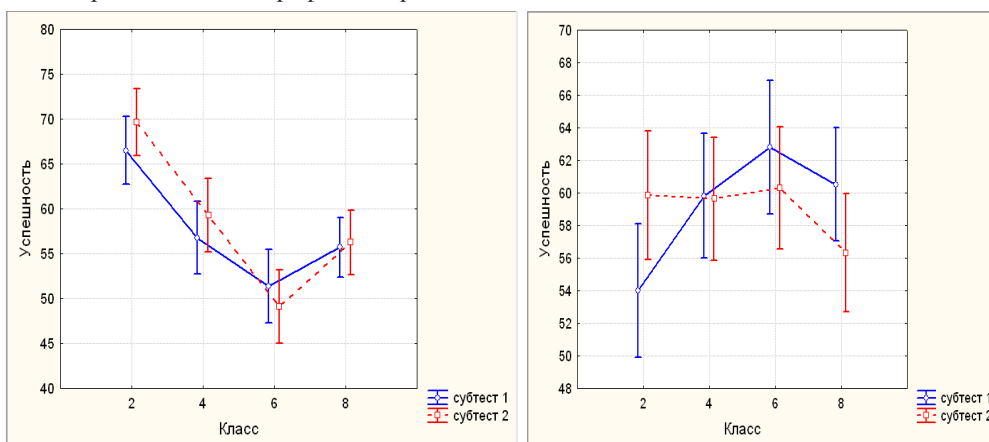

Рис. 2. Результаты сопоставления успешности выполнения респондентами словарных субтестов в разных классах в 2023 г. (слева) и 2024 г. (справа).

Во всех случаях доверительные интервалы для средней оценки успешности в парах субтестов перекрываются. В то же время, из представленных на рис. 2 данных следует, что в 2024 г. успешность выполнения субтестов была примерно одинаковой во всех классах (все различия незначимы), тогда как в 2023 г. учащиеся 2 и 4 классов продемонстрировали более высокую долю правильных ответов.

Для оценки «гендерной беспристрастности» субтестов также был проведен ряд сеансов одно- и двухфакторного дисперсионного анализа: на общей выборке, годовых выборках и выборках отдельных классов. Во всех без исключения случаях эффект номера субтеста оказался незначим как среди мальчиков, так и среди девочек.

В целом полученные результаты сравнения субтестов показали их измерительную эквивалентность и возможность повышения статистической мощности исследуемых эффектов за счет объединения результатов, полученных в данном классе с помощью разных субтестов. Учитывая это, оценка влияния коррекции субъективных оценок ВУ слов на число ответов «не знаю» («Н») на величину корреляции с тестовыми оценками проводилась для суммарного количества заданий каждого класса (без деления на субтесты). После коррекции частных значений ВУ стандартное отклонение среднего ВУ по всему множеству 700 слов, включенных в тесты, возросло до 2,052, при этом возросла и вариативность ВУ слов, включенных в тесты для классов старше второго. Корреляции между успешностью выполнения тестовых заданий на опознание слов и субъективными оценками ВУ, рассчитанные до и после коррекции на долю ответов «не знаю», представлены в таблице 7.

Таблица №7

Наблюдаемые и скорректированные коэффициенты корреляции между успешностью выполнения тестовых заданий на опознание слов и субъективными оценками ВУ, рассчитанными двумя способами

Класс	До коррекции на долю «Н»				После коррекции			
	СтО кл	U	r	R*	СтО кл	U	r	R*
2	0,787	2,393	-0,461	-0,779	0,787	2,606	-0,459	-0,803
4	0,658	2,863	-0,498	-0,855	0,697	2,945	-0,490	-0,856
6	0,579	3,253	-0,428	-0,839	0,683	3,006	-0,440	-0,828
8	0,769	2,450	-0,513	-0,826	1,103	1,861	-0,528	-0,756

Примечание: СтО кл – стандартное отклонение субъективных оценок ВУ слов, включенных в состав теста для данного класса; значения индексов U, r и R* объяснены в тексте.

Как видно из представленных в таблице данных, несмотря на незначительное увеличение *наблюдаемых* корреляций в старших классах, *скорректированные* коэффициенты корреляции оказались несколько ниже из-за повышения вариативности оценок ВУ тестовых слов.

Обсуждение результатов

Подтверждение гипотез Н1–Н4 позволило бы существенно укрепить доказательную базу основного допущения трехлетнего цикла исследований о том, что усредненные субъективные оценки ВУ слов могут использоваться в качестве заслуживающего доверия источника информации для нормирования этой характеристики. Результаты нынешнего исследования, сохранившего в основном дизайн предшествующего этапа, не только подтвердили эти гипотезы, но и – благодаря применению более тонких методов статистического анализа и более полной коррекции наблюдаемых значений эффектов – позволили уточнить оценки ранее выявленных эффектов и установить ряд новых фактов.

Во-первых, удалось подтвердить, что между оценками субъективного ВУ слов и точностью идентификации их смыслового значения имеется достаточно сильная отрицательная связь, которая проявилась в каждой из четырех исследованных

возрастных групп. Эта связь имеет высокий уровень статистической значимости и характеризуется следующими значениями величины эффекта: наблюдаемое среднее⁴ (по всем классам и субтестам) значение корреляции Пирсона $r = -0,48$, которое после двухэтапной коррекции достигает величины $-0,84$. Для сравнения: в 2023 г. соответствующие значения составили $-0,43$ и $-0,80$. Таким образом, гипотеза H1 получила подтверждение.

Во-вторых, при анализе успешности решения общих заданий в смежных классах подтверждено устойчивое и высоко значимое превосходство учащихся старшего класса над младшим. Обобщенно средний прирост успешности решения общих заданий в старшем классе приближается к трети от средней успешности идентификации смысла всех тестовых слов в годовых выборках. Таким образом, гипотеза H2 получила подтверждение.

В-третьих, несмотря на различия в результативности выполнения субтестов между некоторыми одноименными классами, в исследованиях 2023 и 2024 гг. были получены сопоставимые значения величин эффекта и статистической значимости по всем направлениям анализа, отражающим наличие отрицательной связи между оценками субъективного ВУ и объективными тестовыми оценками⁵. Это согласуется с гипотезой о воспроизводимости ранее полученных результатов (H3).

Наконец, подтверждение не исследованной ранее измерительной эквивалентности субтестов (H4) может рассматриваться как еще один довод, хотя и более косвенный, в пользу справедливости допущения о пригодности оценок субъективного ВУ для нормирования этой характеристики. Действительно, если бы субъективные оценки ВУ слов не являлись валидными коррелятами реального ВУ, едва ли можно было рассчитывать на измерительную эквивалентность *всех* пар субтестов, сформированных на основе приравнивания уровня и вариативности субъективных оценок.

Гипотеза H5 о том, что корректировка значений ВУ на долю ответов «не знаю» приведет к увеличению тесноты связи «уточненных» оценок ВУ с тестовыми оценками, подтверждения не получила. Вместе с тем, рост *наблюдаемых* значений коэффициентов корреляции в старших классах (где доля неопознанных слов ожидаемо растет) в результате применения предложенного метода коррекции (замены «Н» на 21) оставляет открытым вопрос о возможности выработки какого-либо иного подхода к уточнению значений ВУ для таких слов.

Заслуживает дополнительного комментария и обоснования вопрос о правомерности использованных нами методов коррекции наблюдаемых коэффициентов корреляции между субъективными оценками ВУ и показателями успешности выполнения словарного теста. Коррекция артефактов является стандартной процедурой в таких сферах психологии, как метаанализы и профотбор [Wiernik, Dahlke 2020; Van Iddekinge, Ployhart 2008]. Однако, несмотря на то, что проблема ослабления корреляций вследствие ограничения диапазона варьирования переменных в контексте психолингвистических исследований признается [Brybaert 2017], коррекция артефактов в этой области исследований пока еще не является распространенной практикой и требует дополнительной аргументации.

⁴ Рассчитано через z-преобразование Фишера.

⁵ Различие между годовыми усредненными коэффициентами корреляции не значимо ($z = 1,56$, $p > 0,1$).

В качестве довода в пользу адекватности использованных нами процедур коррекции предлагаются следующие расчеты, также основанные на материалах текущего исследования.

Среди переменных, учитываемых при исследовании процессов опознания слов и принятия лексических решений, наряду с ВУ, наиболее часто фигурируют *длина слова* (в буквах или слогах), *частота его употребления* в письменной и устной речи и *сходство* с другими словами [Kuperman, Stadthagen-Gonzalez, Brysbaert 2012]. В частности, положительная связь ВУ с длиной слова многократно подтверждена в различных языках и наборах данных; ее значения обычно находятся в пределах 0,2–0,4 [Bonin, Barry, et al. 2004; Brysbaert 2017; Brysbaert, Biemiller 2017; Cortese, Khanna 2007; Montefinese, Vinson, et al. 2019].

Собранные в течение 2022–24 гг. при нашем участии материалы позволили рассчитать предварительные субъективные оценки ВУ почти 31 тысячи слов русского языка, в том числе, 30025 слов, для которых вероятность узнавания респондентами превысила 50%. Для этого массива данных, который может быть принят за генеральную совокупность, была рассчитана корреляция ВУ с длиной слова в буквах; она оказалась равна 0,308, что согласуется с оценками зарубежных авторов. В то же время средневзвешенная *выборочная* корреляция между этими переменными, рассчитанная на частных (классных) выборках, составила 0,144 в 2023 г. и 0,175 в 2024 г.; усредненная оценка за оба исследования равна 0,160, что составляет примерно 52% от *истинной* корреляции 0,308.

Для того чтобы ответить на вопрос, насколько недооцененными являются выборочные (классные) корреляции между субъективными оценками ВУ и тестовыми оценками успешности их опознания, были рассчитаны средние корреляции до и после коррекции для каждого этапа исследования. Поскольку распределение выборочных коэффициентов корреляции, превышающих 0,25, заметно отличается от нормального, их усреднение осуществлялось с помощью процедуры z-преобразования Фишера [Gorsuch, Lehmann 2010]. Полученные при этом усредненные оценки корреляции Пирсона, соответствующие им значения *z* и отношения между ними приведены в таблице 8.

Таблица №8

Соотношения между исходными и скорректированными усредненными индексами связи субъективных оценок ВУ слов с успешностью выполнения тестовых заданий на их опознание

Этап исследования	<i>n</i>	<i>z</i>	<i>r</i>	<i>Z**</i>	<i>R**</i>	Отношение <i>r/R**</i>
2023 г.	428	-0,454	-0,425	-1,097	-0,800	0,53
2024 г.	482	-0,524	-0,480	-1,224	-0,841	0,57

Примечание: *n* – число респондентов; *z*, *r* – усредненные по всем субгруппам индексы тесноты связи до коррекции; *Z*** и *R*** – усредненные индексы после двухэтапной коррекции.

Как видно из представленных в таблице данных, коэффициенты *наблюдаемой* корреляции между субъективными оценками ВУ слов и тестовыми оценками

успешности идентификации их смысла составляют 53–57% от скорректированных значений, что сопоставимо с недооценкой индексов силы связи между ВУ и длиной слова в приведенном выше примере. Таким образом, имеются основания утверждать, что предпринятая нами коррекция является обоснованной и позволяет приблизиться к истинным оценкам тесноты связи между исследуемыми переменными.

Заключение

В соответствии с современными тенденциями в социальной организации науки было предпринято репликационное исследование связи между субъективными оценками ВУ слов и тестовыми (объективными) оценками успешности идентификации их смыслового значения.

Его результаты позволили подтвердить и уточнить выводы, сделанные на первом этапе исследования. Все гипотезы, сформулированные в русле ранее полученных результатов, получили подтверждение. В качестве дополнительного свидетельства о наличии тесной связи между субъективными оценками ВУ слов и тестовыми оценками успешности идентификации их смысла, продемонстрирована измерительная эквивалентность субтестов, сформированных на основе субъективных оценок ВУ. В то же время попытка с помощью тестов обосновать альтернативный способ расчета субъективных оценок ВУ, учитывающий ответы «не знаю», успехом не увенчалась.

Представлены аргументы в обоснование использованных в статье процедур коррекции наблюдаемых коэффициентов корреляции.

© Сугоняев К.В., Пашнева С.А., 2024

Литература

Корнеев А.А., Рассказова Е.И., Кричевец А.Н., Койфман А.Я. Критика методологии проверки нулевой гипотезы: ограничения и возможные пути выхода. Часть II // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 6. doi:10.54359/ps.v9i47.468

Сугоняев К.В., Григорьев Н.А. Оценка достоверности данных о возрасте усвоения слов, получаемых путем опроса взрослых респондентов // Вопросы психолингвистики. 2023. № 3(57). С. 92–110, doi:10.30982/2077-5911-2023-57-3-92-110.0

Фер Р.М., Бакарак В.Р. Психометрика: Введение / Пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: ЮУрГУ, 2010. 445 с.

Barrow C.W., Bjorkenstam K.N., Strombergsson S. Subjective ratings of age-of-acquisition: exploring issues of validity and rater reliability // Journal of Child Language, 2019. Vol. 46. P. 199–213, doi:10.1017/S0305000918000363

Bonin P., Barry C., Meot A., Chalard M. The influence of age of acquisition in word reading and other tasks: A never ending story? // Journal of Memory and Language. 2004. Vol. 50. N 4. P. 456–476, doi:10.1016/j.jml.2004.02.001

Brybaert M. Age of acquisition ratings score better on criterion validity than frequency trajectory or ratings ‘corrected’ for frequency // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2017. Vol. 70. N 7. P. 1129–1139, doi:10.1080/17470218.2016.1172097

Brybaert M., Biemiller A. Test-based age-of-acquisition norms for 44 thousand English word meanings // Behavior Research Methods. 2017. Vol. 49. № 4. P. 1520–1523, doi:10.3758/s13428-016-0811-4

Carretta T.R., Ree M.J. Correction for range restriction: Lessons from 20 research scenarios // Military Psychology. 2022. Vol. 34. N 5. P. 551–569, doi:10.1080/08995605.2021.2022067

Cohen J. Statistical power analysis and research results // *American Educational Research Journal*. 1973. Vol. 10. N 3. P. 225–229, <https://doi.org/10.2307/1161884>

Cohen J. A power primer // *Psychological Bulletin*. 1992. Vol. 112. N. 1. P. 155–159, doi:10.1037/0033-2909.112.1.155

Cortese M.J., Khanna M.M. Age of acquisition predicts naming and lexical-decision performance above and beyond 22 other predictor variables: An analysis of 2,342 words // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2007. Vol. 60. N 8. P. 1072–1082, doi:10.1080/17470210701315467

Cumming G. The new statistics why and how // *Psychological Science*. 2013. Vol. 25. N 1. P. 7–29, doi:10.1177/0956797613504966.

Gorsuch R.L., Lehmann C.S. Correlation coefficients: Mean bias and confidence interval distortions // *Journal of Methods and Measurement in the Social Sciences*. 2010. Vol. 1. N 2. P. 52–65, doi:10.2458/v1i2.114

Hunter J.E., Schmidt F.L., Le H. Implications for direct and indirect range restriction for meta-analysis methods and findings // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol. 91. N 3. P. 594–612, doi:10.1037/0021-9010.91.3.594

Ioannidis J.P.A. Why most published research findings are false // *PLOS Medicine*. 2005. Vol. 2. N 8, e124, <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124>

Kuperman V., Stadthagen-Gonzalez H., Brysbaert M. Age-of-acquisition ratings for 30,000 English words // *Behavior Research Methods*. 2012. Vol. 44. N 4. P. 978–990, <https://doi.org/10.3758/s13428-012-0210-4>

Maxwell S.E. The persistence of underpowered studies in psychological research: causes, consequences, and remedies // *Psychological Methods*. 2004. Vol. 9. N 2. P. 147–163, doi:10.1037/1082-989X.9.2.147

Maxwell S.E., Lau M.Y., Howard G.S. Is psychology suffering from a replication crisis? What does “failure to replicate” really mean? // *American Psychologist*. 2015. Vol. 70. N 6. P. 487–498, <https://doi.org/10.1037/a0039400>.

Montefinese M., Vinson D., Vigliocco G., Ambrosini E. Italian age of acquisition norms for a large set of words (ItAoA) // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. e278, doi:10.3389/fpsyg.2019.00278

Nelson L.D., Simmons J.P., Simonsohn U. Psychology’s renaissance // *Annual Review of Psychology*. 2018. Vol. 69. P. 511–534, <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011836>

Nosek B.A., Hardwicke T.E., Moshontz H., Allard A., et al. Replicability, robustness, and reproducibility in psychological science // *Annual Review of Psychology*. 2022. Vol. 73. P. 719–748, <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-020821-114157>

Oh I.-S., Mendoza J., Le H. To correct or not to correct for range restriction, that is the question: Looking back and ahead to move forward // *Industrial and Organizational Psychology*. 2023. Vol. 16. N 3. P. 322–327, doi:10.1017/iop.2023.38

Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science // *Science*. 2015. Vol. 349. No 6251, doi:10.1126/science.aac4716

Schmidt S. Shall we really do it again? The powerful concept of replication is neglected in the social sciences // *Review of General Psychology*. 2009. Vol. 13. N 2. P. 90–100, doi:10.1037/a0015108

Simmons J.P., Nelson L.D., Simonsohn U. False-positive psychology: Undisclosed flexibility in data collection and analysis allows presenting anything as significant // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. N 11. P. 1359–1366, doi:10.1177/0956797611417632

Smolik F., Filip M. Corpus-based age of word acquisition: Does it support the validity of adult age-of-acquisition ratings? // *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17. N 5: e0268504. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0268504>

Soto C.J. How replicable are links between personality traits and consequential life outcomes? The life outcomes of personality replication project // *Psychological Science*. 2019. Vol. 30. N 5. P. 711–727, doi:10.1177/0956797619831612

Thorndike R.L. *Personnel Selection: Test and Measurement Techniques*. New York: Wiley. 1949.

Van Iddekinge C.H., Ployhart R.E. Developments in the criterion-related validation of selection procedures: A critical review and recommendations for practice // *Personnel Psychology*. 2008. Vol. 61. N 4. P. 871–925, doi:10.1111/j.1744-6570.2008.00133.x

Vazire S. Implications of the credibility revolution for productivity, creativity, and progress // *Perspectives on Psychological Science*. 2018. Vol. 13. N 2. P. 411–417, <https://doi.org/10.1177/174569161775188>

Wiernik B.M., Dahlke J.A. Obtaining unbiased results in meta-analysis: The importance of correcting for statistical artifacts // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. 2020. Vol. 3. N 1. P. 94–123, doi:10.1177/2515245919885611

Сведения об авторе:

Сугоняев Константин Владимирович – Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Контактная информация:

129366 Москва, ул. Ярославская, д.13

ORCID: 0000-0002-6207-7228

e-mail: skv-354@yandex.ru

Пашнева Светлана Александровна – Курский государственный университет, Курск, Россия

Контактная информация:

305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33

ORCID: 0000-0001-7547-4655

e-mail: spashneva@gmail.com

Для цитирования:

Сугоняев К.В., Пашнева С.А. Проверка валидности субъективных оценок возраста усвоения слов методом тестирования: репликация и уточнение // *Вопросы психолингвистики* №4(62) 2024, С. 74–91. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-74-91

UDC 159.922.72

LBC 81, 88.4

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-74-91

Research article

VALIDATION OF ADULT AGE-OF-ACQUISITION RATINGS
OF RUSSIAN WORDS BY VOCABULARY TESTING:
REPLICATION AND ELABORATION

Konstantin V. Sugonyaev

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Svetlana A. Pashneva

Kursk State University,
Kursk, Russia

Abstract

Age of acquisition (AoA) is an important psycholinguistic variable that affects the speed and accuracy of lexical processing tasks. In earlier [2023] study quite strong associations between AoA ratings for Russian words provided by adults and vocabulary tasks performance by school students were shown. In line with the trends in modern sociology of science the research aimed at checking reproducibility of earlier obtained results was undertaken. 700 tasks for testing previously or results obtained earlier (with five response options each) were allocated between eight subtests that were given to pupils of the 2nd, 4th, 6th, and 8th grades (two subtests each). In total, 546 test protocols were obtained, 482 from which were included in the analysis (from 108 to 139 protocols for each grade) after excluding protocols with signs of insufficient efforts. The results of replication study confirmed the sign and level of relations between AoA word rating and the percentage of correct answers to the corresponding test item in the vocabulary test. The following effect sizes averaged across four grades were obtained: observed correlation in 2024 was equal to -.48 but it increased to -.84 after artifact correction (measurement error for test scores and range restriction for ratings of words used within the grade). The corresponding estimates calculated for 2023 data were -.43 and -.80. Differences between estimates of the first and second studies appeared not significant. The results of current study confirms that subjective ratings are valid indicators of Russian words acquisition in the age range studied and are suitable for norming this characteristic.

Keywords: subjective ratings of age-of-acquisition, reproducibility, word recognition, vocabulary test, reliability, validity, range restriction, measurement error

© Sugonyaev K.V., Pashneva S.A., 2024

Bionotes:

Konstantin V. Sugonyaev – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

13, Yaroslavskaya Str., Moscow, Russia, 129366

ORCID: 0000-0002-6207-7228

e-mail: skv-354@yandex.ru

Svetlana A. Pashneva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Translation and Intercultural Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kursk State University”

Contact information:

33, Radishcheva st., Kursk, Russia, 305000

ORCID: 0000-0001-7547-4655

e-mail: spashneva@gmail.com

For citation:

Sugonyaev K.V., Pashneva S.A. Validation of adult age-of-acquisition ratings of Russian words by vocabulary testing: replication and elaboration // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 74–91. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-74-91 (In Russian)

Трибуна молодых ученых

УДК 81'272

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-92-101

Научная статья

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСОВ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ма Лина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

Понятие «родной язык» занимает важное место в культурно-лингвистической картине Китая и России. В данной статье проведен сопоставительный анализ этого понятия на материале национальных корпусов китайского и русского языков с целью выявления его содержания и особенностей языкового сознания их носителей. Результаты исследования показали, что понятие «母语/родной язык» в языковом сознании как русских, так и китайцев обладает положительной коннотацией. Исследование подчеркивает важность сохранения и развития родных языков в рамках языковой политики, направленной на продвижение национального языка и обеспечение языкового разнообразия и инклюзивного развития общества.

Ключевые слова: родной язык, корпус китайского языка, корпус русского языка, языковая политика, языковое сознание

Введение

В многоязычной среде понятие «родной язык» обладает множественными характеристиками. В «Словаре современного китайского языка» [2016] и «Словаре социолингвистических терминов» под ред. В.Ю. Михальченко [2006] предлагаются развернутые описания данного понятия. В китайском словаре даны следующие определения: «1) язык, который человек усваивает первым, обычно это стандартный язык его этнической группы или один из его диалектов; 2) общий источник некоторых языков, который может считаться их родным языком» [2016: 926] (Здесь и далее перевод с китайского наш – М.Л.). В российском словаре «родной язык» определяется следующим образом: «1) материнский язык человека, усвоенный человеком с раннего детства, служащий одним из основных признаков национальной (этнической) принадлежности человека; 2) то же, что этнический язык человека или этнической общности, являющийся одним из основных показателей национальной принадлежности; 3) функционально первый язык» [2006: 187].

Из вышеуказанных определений термина «родной язык» в китайской и российской социолингвистике можно вывести два общих параметра:

1) символ идентичности и принадлежности к национальности; родной язык не только служит средством коммуникации, но и важным критерием для классификации этнической группы и национальной культуры. Научные традиции обеих стран подчеркивают его значительную роль в самоидентификации;

2) первый усвоенный язык. В обоих источниках родной язык описывается как первый язык, который человек усваивает на раннем этапе своей жизни, что подчеркивает его особое положение и порядок в процессе овладения. Хотя родной язык не является единственным языком в жизни человека, но он является основным языком, сопровождающим человека на протяжении его взросления, и обладает характеристиками уникальности и наибольшей эмоциональной и культурной значимостью.

Соответствующие варианты наименования «母语 (mǔyǔ)» и «родной язык» представляют собой ключевые понятия в китайской и русской социолингвистике. Значение и восприятие понятий «母语/родной язык» демонстрирует как общие черты, так и отличия, которые связаны с этнокультурными особенностями, языковой ситуацией, языковой политикой Китая и России. Данное исследование, основанное на сопоставительном анализе корпусов данных, способствует пониманию роли языковой политики в определении статуса родного языка и может служить ориентиром для других полиэтнических государств в продвижении государственного языка при сохранении языкового разнообразия и инклюзивного развития общества.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей языкового восприятия термина «родной язык» среди китайцев и русских. Для реализации поставленной цели требуется выполнить следующие задачи:

1) составить список лексических коллокаций, связанных с понятием «母语(mǔyǔ)/родной язык» на основе корпусов китайского и русского языков;

2) выявить основные коллокации в обоих языках с помощью метода сопоставительного анализа; 3) опираясь на полученные результаты, проанализировать, как понятие «родной язык» представлено в сознании китайцев и русских.

1. «母语 (mǔyǔ)/ родной язык» в корпусах китайского и русского языков

В.П. Захаров рассматривает корпус как «систематизацию большого объема языковых данных. С помощью корпуса можно решать разнообразные конкретные лингвистические задачи» [Захаров 2005: 3]. Одним из преимуществ корпуса является «его эмпиричность, так как он обобщает языковую интуицию большого числа носителей языка, что делает анализ языка более объективным» [McEnery & Wilson 2001: 103].

Коллокации рассматриваются как статистически устойчивые словосочетания. Изучение коллокаций имеет большое значение, так как они присутствуют во всех языках и являются одной из ключевых особенностей языка [Павельева 2016: 57]. Частотность коллокаций не только отражает их значимость и распространенность в использовании языка, но и указывает на особое положение определенного понятия или явления в рамках темы исследования.

Языковым материалом для изучения понятий «母语(mǔyǔ)» и «родной язык» послужили, соответственно, «Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета» и «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ). В качестве инструмента для корпусного анализа использовалась программа AntConc 4.3.1. В исследовании рассматривались коллокации с термином «母语/родной язык», встречающиеся с частотой выше 5-и; расстояние слева было установлено как 1, а справа – 0. Результаты представлены в таблицах №1 и №2.

Таблица №1

Коллокации словосочетания «родной язык» в корпусе НКРЯ

Rank	Freq(L)	Collocate	Rank	Freq(L)	Collocate
1	223	свой	21	10	переходить
2	89	говорить	22	10	считать
3	43	наш	23	9	отношение
4	37	владеть	24	9	описание
5	34	забывать	25	8	богослужение
6	31	слово	26	8	богатство
7	29	знать	27	8	чувство
8	27	изучение	28	8	урок
9	25	обучение	29	8	обучаться
10	23	ребенок	30	8	ваши
11	22	грамматика	31	7	переводить
12	19	преподавание	32	7	песня
13	18	образование	33	7	общаться
14	14	язык	34	7	чистота
15	13	объяснять	35	7	вестись
16	13	писать	36	7	употребление
17	13	знание	37	6	пособие
18	12	звук	38	5	сохранение
19	11	второй	39	5	передача
20	10	читать			

Таблица №2

Коллокации словосочетания «母语(мǔyǔ) / родной язык» в «Корпусе китайского языка Пекинского лингвистического университета»

Rank	Freq(L)	Collocate	Rank	Freq(L)	Collocate
1	139	使用(shǐyòng) 'использовать'	20	9	熟悉(shúxī) 'хорошо знать'
2	118	自己(zìjǐ) 'свой'	21	8	尊重(zūnzhòng) 'уважать'
3	97	英语(yīngyǔ) 'английский язык'	22	8	强调(qiángdiào) 'подчеркивать'
4	75	我们(wǒmen) 'мы'	23	8	第二(dìèr) 'второй'
5	58	亲近(qīnjìn) 'близкий'	24	8	我国(wǒguó) 'Китай'
6	39	说(shuō) 'говорить'	25	7	失去(shīqù) 'терять'
7	37	学习(xuéxí) 'учиться'	26	7	规范(guīfàn) 'нормировать'
8	36	学生(xuéshēng) 'ученик'	27	7	采用(cǎiyòng) 'применять'
9	34	热爱(rèài) 'горячо любить'	28	7	测试(cèshì) 'тестировать'
10	31	学好(xuéhǎo) 'выучить'	29	7	借助(jièzhù) 'с помощью'

11	28	作为 (<i>zuòwéi</i>) 'в качестве'	30	6	享受 (<i>xiǎngshòu</i>) 'наслаждаться'
12	20	受到 (<i>shòudào</i>) 'получить', 'подвергнуться'	31	6	面对 (<i>miànduì</i>) 'столкнуться'
13	18	中文 (<i>zhōngwén</i>) 'китайский язык'	32	6	推行 (<i>tuīxíng</i>) 'продвигать'
14	17	掌握 (<i>zhǎngwò</i>) 'владеть'	33	6	推动 (<i>tuīdòng</i>) 'стимулировать'
15	16	儿童 (<i>értóng</i>) 'ребенок'	34	5	翻译成 (<i>fānyì chéng</i>) 'переводить'
16	13	影响 (<i>yǐngxiǎng</i>) 'влиять'	35	5	相应 (<i>xiāngyìng</i>) 'соответственный'
17	11	轻 (<i>qīng</i>) 'пренебрегать', 'недооценивать'	36	5	加强 (<i>jiāqiáng</i>) 'усиливать'
18	11	捍卫 (<i>hànwèi</i>) 'защищать'	37	5	领悟 (<i>lǐngwù</i>) 'осознавать'
19	10	重视 (<i>zhòngshì</i>) 'высоко ценить'	38	5	削弱 (<i>xiūruò</i>) 'ослаблять'

В НКРЯ для словосочетания «родной язык» было выявлено 849 коллокаций, из них 44 различающихся. В корпусе китайского языка для «母语/родной язык» было найдено 933 коллокации, из них 38 различаются. Проведенное сопоставление показало, что в обоих языках существует значительное сходство в классификации по частям речи понятия «母语/родной язык».

Таблица №3

Классификация полученных слов по частям речи и значению

часть речи		корпус русского языка	корпус китайского языка
глагол/отглагол. сущ.	об обучении родному языку	<i>владеть</i> (37), <i>знать</i> (29), <i>изучение</i> (27), <i>обучение</i> (25), <i>преподавание</i> (19), <i>образование</i> (18), <i>обучаться</i> (8)	学习/ 'учиться' (36), 学好/ 'выучить' (31), 掌握/ 'владеть' (17), 规范/ 'нормировать' (7), 测试/ 'тестировать' (7)
	об использо- вании родного языка,	<i>говорить</i> (89), <i>писать</i> (13), <i>объяснять</i> (13), <i>читать</i> (10), <i>переводить</i> (7), <i>общаться</i> (7), <i>употребление</i> (7)	说/ 'говорить' (39), 翻译成/ 'переводить' (5), 使用/ 'использовать' (139), 采/ 'применять' (7)

	эмотивный глагол	<i>сохранение</i> (5), <i>передача</i> (5)	熟悉/ ‘хорошо знать’ (9), 亲近/ ‘приближаться’ (58), 热爱/ ‘горячо любить’ (34), 享受/ ‘наслаждаться’ (6), 尊 重/ ‘уважать’ (8), 重视/ ‘высоко ценить’ (10), 捍 卫/ ‘защищать’ (11), 强 调/ ‘подчеркивать’ (8), 推行/ ‘продвигать’ (6), 推动/ ‘стимулировать’ (6), 加强/ ‘усиливать’ (5), 领悟/ ‘осознавать’ (5)
	глагол с негативной коннотацией	<i>забывать</i> (34), <i>переходить</i> (10)	轻/ ‘пренебрегать’, ‘недооценивать’ (11), 失 去/ ‘терять’ (7), 削弱/ ‘ослаблять’ (5)
	глагол нейтральный	<i>считать</i> (10), <i>вестись</i> (7)	受到/ ‘получить’ (20), 影 响/ ‘влиять’ (13), 面对/ ‘столкнуться’ (6), 作为/ ‘в качестве’ (28)
имя сущ.	<i>ребенок</i> (23), <i>грамматика</i> (22), <i>язык</i> (14), <i>знание</i> (13), <i>звук</i> (12), <i>описание</i> (9), <i>отношение</i> (9), <i>богослужение</i> (8), <i>богатство</i> (8), <i>чувство</i> (8), <i>урок</i> (8), <i>чистота</i> (7), <i>пособие</i> (6), <i>песня</i> (7)		英语/ ‘английский язык’ (97), 学生/ ‘ученик’ (36), 中文/ ‘китайский язык’ (18), 儿童/ ‘ребенок’ (16), 我国/ ‘Китай’ (8)
имя прил.			相应/ ‘соответственный’ (5)
лич. мест.	<i>свой</i> (223), <i>наш</i> (43), <i>ваш</i> (8)		自己/ ‘свой’ (118), 我 们/ ‘наш’ (75)
числ.	<i>второй</i> (11)		第二/ ‘второй’ (8)

Из таблицы 3 выявляются следующие особенности:

1) глаголы: в обоих корпусах наибольшее количество коллокаций со словосочетанием «родной язык» образуют глаголы (включая и отглагольные существительные), которые можно разделить на следующие смысловые группы:

а) «обучение родному языку»: повторяющиеся в обоих корпусах слова *владеть*, *изучать*;

б) «использование родного языка»: повторяющиеся слова *говорить*, *переводить*, *использовать*;

2) существительные: слово *дети* встречается в обоих языках;

3) порядковые числительные: слово *второй* также встречается в обоих языках;

4) прилагательные: в китайском корпусе встречается слово *соответственный*, в то время как в русском корпусе не найдено ни одного прилагательного;

5) местоимения: в обоих корпусах встречаются такие местоимения, как *свой*, *наш*;

6) нет качественных прилагательных.

2. Анализ понятия «родной язык» в контексте языковой политики

Как отмечает А.Н. Биткеева, «родной язык является одним из определяющих факторов формирования этнического самосознания человека. Актуальность исследования роли родного языка в этнической идентичности народа объясняется изменившейся языковой ситуацией под воздействием глобализационных и миграционных процессов в современном мире» [Биткеева 2016: 149]. Языковая политика играет значительную роль в сохранении и развитии функциональной сферы родного языка.

На основе сопоставительного анализа корпусных данных были сделаны следующие выводы об особенностях организации языковой политики в КНР и РФ.

1) В области языкового планирования корпуса: уделение особого внимания нормализации родного языка. КНР и РФ обращают внимание на нормализацию родного языка с целью повышения навыков его владения и использования. В корпусе китайского языка встречаются слова-коллокации «нормализовать/规范», сочетающиеся с понятием родного языка, что соответствует языковому планированию КНР. После образования КНР нормализация, стандартизация и информатизация иероглифов стали главными задачами в работе с языком и письменностью в КНР, включая китайские иероглифы и письменность национальных меньшинств. Эти меры направлены на стандартизацию их грамматики, лексики и орфографии.

В корпусе русского языка также присутствуют слова-коллокации *грамматика* и *звук*, подчеркивающие конкретные аспекты нормализации родного языка. «Конституция РФ не только определяет русский язык как государственный язык, но и предоставляет всем народам право на сохранение своего родного языка, а также создает условия для его изучения и развития» (ст. 68, п. 1, 3 Конституция РФ 2022). Кроме того, наличие слова *чистота* в корпусе русского языка отражает стремление к сохранению чистоты русского языка как одной из важнейших задач языковой политики РФ.

2) В области языкового планирования: защита родного языка и повышение его статуса и престижа.

В корпусах китайского и русского языков обнаружены некоторые слова, указывающие на снижение статуса и снижение уровня использования родного языка. Например, в русском корпусе встречаются слова *забывать* и *переходить*, а в китайском – 轻 (‘пренебрегать’), 失去 (‘терять’), 削弱 (‘ослаблять’). Эти слова отражают обеспокоенность в обеих странах относительно снижения статуса родного языка и риска отсутствия его передачи будущим поколениям. Одновременно в обоих корпусах присутствует множество слов с положительной эмоциональной окраской, указывающих на принимаемые меры по сохранению и развитию родного языка. В русском корпусе встречаются слова *сохранение* и *передача*, в то время как в китайском – 重视 (‘высоко ценить’), 捍卫 (‘защищать’), 强调 (‘подчеркивать’), 推行 (‘продвигать’), 推动 (‘стимулировать’), 加强 (‘усиливать’). С точки зрения семантики, в китайском корпусе глаголы, связанные с защитой и продвижением родного языка, часто имеют в качестве субъекта государственные учреждения, что отражает государственное руководство в этом процессе в Китае. Помимо этого, в китайском корпусе содержится больше оценочных слов, включая такие слова, как 亲近 (‘близкий’), 热爱 (‘горячо любить’), 尊重 (‘уважать’).

Кроме того, в обоих корпусах присутствуют общие местоимения, которые занимают высокие позиции в рейтинге частотности. Например, слово *свой* занимает первое место в русском корпусе и второе место в китайском, а слово *наш* — третье место в русском и четвертое место в китайском корпусе. Эти местоимения указывают на тесную связь родного языка с личной идентичностью, отражая акцент на роли родного языка в формировании культурной и национальной идентичности в языковой политике обеих стран. Это также отражено в статье 68 (4) Конституции РФ: «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, государство поддерживает и охраняет культуру» [Конституция РФ 2020]. В русском корпусе также встречаются такие эмоционально окрашенные существительные, как *отношение*, *богатство* и *чувство*, которые подчеркивают уникальность родного языка в эмоциональном выражении и его важную роль в качестве символа выражения эмоций и культурной идентичности. Как отмечает В.М. Алпатов, «возможно, видимо, сохранение престижа если не во всем, то хотя бы в каких-то сферах, прежде всего, эмоциональных» [Алпатов 2020: 122].

Для сохранения и развития родного языка наиболее эффективным способом является расширение его функциональной сферы. Так, в китайском и русском корпусах встречаются слова, связанные с использованием родного языка, такие как *говорить*, *переводить*, *использовать*. В русском корпусе также присутствуют слова *читать*, *писать*, *общаться*, что акцентирует внимание на повышении коммуникативной функции родного языка.

3) В области овладения родным языком: акцент на получении образования на родном языке и его преподавании.

В данной области китайский и русский корпус обращают внимание на слово «ребенок», подчеркивая важную роль детей в сохранении родного языка. В китайском корпусе также упоминается слово 学生/‘ученик’, а в русском – такие слова, как *пособие*, *урок*. ЮНЕСКО призывает «страны внедрять многоязыковую политику в области образования, заключающуюся в сочетании обучения на родном языке и на государственном языке на начальных этапах школьного образования» [О многоязыковой политике... [http](#)]. Этой сфере оба государства, Китай и Россия, уделяют особое внимание. В процессе изучения родного языка дети знакомятся со своей национальной культурой, традициями и ценностями, что способствует формированию национальной идентичности. Это имеет решающее значение для их будущего в многонациональном обществе. Кроме того, в многоязычных странах обучение родному языку в детстве закладывает основу для изучения общеупотребительного языка и других иностранных языков, что имеет важное значение в условиях глобализации.

Стоит отметить, что среди слов-коллокаций в русскоязычном корпусе появилось одно слово, связанное с религией – *богослужение*. Среди критериев формирования и сохранения идентичности конфессиональная принадлежность оказывается значимым фактором в процессе языковой и культурной ассимиляции [Уфимцева 2017: 20]. Это отражает особенности языкового сознания, связанные с родным языком в русском контексте, в то время как в китайском корпусе такие ассоциации отсутствуют.

3. Заключение

В данном исследовании выявлено, что около 1/4 слов-коллокаций со словосочетанием «*матерный/родной язык*» совпадают в китайском и русском корпусах, что указы-

вает на определенные сходства данного понятия в двух странах. Проведенный сопоставительный анализ показал, что в обоих языках данное понятие воспринимается положительно. Большинство слов-коллокаций в обоих корпусах связано с глаголами. Кроме того, в русском корпусе была обнаружена коллокация с религиозной окраской, которая отсутствует в китайском корпусе. Также слово *ребенок* выступает общим объектом в контексте обучения родному языку как в КНР, так и РФ, что подчеркивает важность передачи родного языка следующему поколению. Сохранение и развитие родного языка тесно связано с языковой политикой. Данное исследование также указывает на необходимость учета языкового разнообразия при разработке языковой политики, во избежание простой унификации или принудительных мер.

© Ма Лина, 2024

Литература

Алпатов В.М. Языковая политика и родной язык. Социолингвистика. 2020. №3. С. 114–124.

Биткеева А.Н. Родной язык этноса в многонациональном государстве // *Oriental Studies* (Вестник КИГИ РАН). 2016. С. 146–160.

Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учеб.-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.

Захарова Н.Е., Захарова А.Е. Содержание концепта «родной язык» в языковой картине мира современных долган Хатанго-Анабарского региона (социопсихолингвистический аспект) // *Филология: научные исследования*. 2023. №1. С. 1–10.

Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // *Вестник Тамбовского университета*. 2016. №3. С. 56–61.

Словарь современного китайского языка (7-ое издание). М.: Шаньу иньшугуань, 2016. 1800 с.

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 2006. 312 с.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: коллективная монография / под ред. Н.В. Уфимцевой. М. Ярославль: Канцлер, 2017. 240 с.

McEnery T. & Wilson A. *Corpus Linguistics* [M]. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2001. 235 p.

Источники

Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета [BCC北京语言大学汉语语料库]. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 15.09.2024).

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).

Конституция Российской Федерации, 2020 [электронный ресурс] URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 30.09.2024).

О многоязыковой политике в области образования от ЮНЕСКО [электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/zh/story/2023/02/1115317> (дата обращения: 30.09.2024).

Сведения об авторах:

Ма Лина – Аспирантка кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2844-4075>

e-mail: malinadeyouxiang@mail.ru

Для цитирования:

Ма Лина. Сопоставительный анализ понятия «Родной язык» в языковом сознании китайцев и русских (на материале корпусов китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 92–101. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-92-101

UDC 81'272

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-92-101

**A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT “MOTHER TONGUE”
IN THE CONSCIOUSNESS OF THE CHINESE AND RUSSIANS:
A CASE STUDY OF THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGE CORPORA**

Ma Lina

Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The concept “mother tongue” occupies a significant place in the cultural and linguistic landscapes of China and Russia. This article presents a comparative analysis of this concept based on the national corpora of both countries, aiming to identify its content and the characteristics of the linguistic consciousness among the Chinese and Russian speakers. The study’s results demonstrate that the concept “mother tongue” has got a positive connotation in the linguistic consciousness of both Russians and the Chinese. The research underscores the importance of preserving and developing native languages within the framework of language policies aimed at promoting national languages and ensuring linguistic diversity and inclusive societal development.

Keywords: mother tongue, the Chinese language corpus, Russian language corpus, language policy, linguistic consciousness

© **Ma Lina, 2024**

Bionotes:

Ma Lina – PhD Student of the Department of General and Historical-Comparative Linguistics, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University

Contact information:

Leninskie gory, 1. Moscow, Russia, 119991

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2844-4075>

e-mail: malinadeyouxiang@mail.ru

For citation:

Ma Lina. A comparative analysis of the concept “mother tongue” in the consciousness of the Chinese and Russians: A case study of the Chinese and Russian language corpora // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 92–101. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-92-101 (In Russian)

**СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ
И СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ГЛАГОЛА БЕГАТЬ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
РАЗНОГО ВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА**

Шереметова Анна Сергеевна

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

Аннотация

Исследование проведено в русле ассоциативной грамматики и посвящено определению стабильных и изменчивых семантических и синтаксических связей глагола БЕГАТЬ. Предмет исследования – особенности семантики и синтаксического функционирования глагола БЕГАТЬ, зафиксированные в общерусских и региональных ассоциативных словарях разного временного периода (РАС и СИБАС). Цель статьи – выявить динамичность и стабильность актуальных связей глагола БЕГАТЬ в языковом сознании носителей русского языка одного возраста. Анализ ассоциативных полей исследуемого глагола в словарях показал следующее. Стимул стабильно вызывает ассоциации двух типов: словосочетания и свернутые конструкции (синтаксические примитивы, по Ю.Н. Караулову). Ассоциации без грамматической связи актуальнее для студентов 1990-х гг., чем для студентов 2010-х гг., что говорит о более тесных грамматических и семантических связях стимула с реакциями у современных молодых носителей языка. Варьирующиеся синтаксические конструкции немногочисленны. Реакции-словосочетания проявляют типичное речевое действие респондентов, реализующее сирконстантную (в современном синтаксисе) позицию. У современных носителей языка (СИБАС) отмечается небольшое уменьшение процентного содержания сирконстантов. Реакции респондентов, выражающие актантную позицию в семантике глагола, сохраняют свою стабильность во времени, передают типичные смыслы. Для свернутых конструкций были определены доминантные семантические разряды, а также сюжетные ассоциации. Смысловой анализ всех ассоциаций позволил установить семантические разряды реакций, связанных с доминированием определенных смыслов в сознании носителей русского языка 1990-х гг. и 2010-х гг. Структурный анализ выявил типовые синтаксические конструкции, стабильность и/или варьирование синтаксических связей глагола-стимула.

Ключевые слова: ассоциативная грамматика, ассоциативное поле, семантика, синтаксическая конструкция, грамматические структуры, глагол БЕГАТЬ

Введение

Современные лингвисты и психолингвисты видят необходимость в обращении к слову как к живому знанию. Александра Александровна Залевская в своих работах признавала тот факт, что существуют различия между «словом в словаре» и «словом в голове»; она осознавала также потребность в переходе от построения описательных

моделей языка к моделям объяснительного типа – такой переход означал необходимость «подходить к языку как к одному из психических процессов человека» [Залевская 2014: 59–60]. А.А. Залевская суммирует идеи А.А. Леонтьева, связанные с тем, что значение слова ведет двойную жизнь, и делает на их основе следующий вывод: с одной стороны, значения, описанные в лингвистике, являются частью системы, а, с другой стороны, значения являются частью индивидуального сознания и подсознания, что обеспечивает взаимопонимание при общении [Залевская 2014: 77].

Мысли о разграничении «слова в словаре» и «слова в голове» начали формироваться еще в конце XIX – начале XX вв. в работах А.А. Потебни [Потебня 1976], Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 1973], И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963а; Бодуэн де Куртенэ 1963б], Н.В. Крушевского [Крушевский 1973], Л.В. Щербы [Щерба 1974].

Данное исследование включает ряд вопросов, связанных с формой существования грамматики в сознании носителя языка, способов «выведения» на поверхность грамматических участков ассоциативно-вербальной сети [Шапошникова 2022], поэтому в роли необходимого способа описания языка была выбрана ассоциативная грамматика, которая ищет ответы на то, каким образом знание языка и грамматики существует в сознании носителя языка. Наш вариант анализа глагола субъективного перемещения БЕГАТЬ [Опыт... 1982: 47] основан на идеях Ю.Н. Караулова, который представил свой подход к данному феномену в книге «Ассоциативная грамматика русского языка» [Караулов 1993]. Свой подход автор обозначил так: «Ассоциативная грамматика – это такой способ представления грамматических фактов и закономерностей, который является не просто разновидностью описания языка, но и претендует на то, чтобы дать ответы на онтологические вопросы: *Что есть знание грамматики и языка в целом? и Как существует это знание?*, а значит, как, в каком виде существует грамматика для носителя языка» [Караулов 1993: 5].

По мнению Ю.Н. Караулова, грамматика не существует отдельно от лексики, а ассоциативно-вербальная сеть (АВС) является способом существования лексики и грамматики в сознании носителя языка. АВС объективируется с помощью речевых произведений носителей языка и в виде ассоциативных словарей и тезаурусов. Согласно Ю.Н. Караулову, АВС содержит экстралингвистическую информацию, связанную с предметами и явлениями жизни носителей языка, которые могут быть сиюминутными (мода, политика) или постоянными (национальный характер, история народа). АВС отражает также языковое сознание носителей языка, так как содержит рефлексию по поводу языка и культуры, содержит оценку событиям, понятиям и ситуациям действительности [Русский ассоциативный... 2002: 194].

Материалы и методы

Сопоставительный анализ глагола БЕГАТЬ проводился на основе материалов двух ассоциативных словарей: Русский ассоциативный словарь (РАС) и Русская региональная ассоциативная база данных (СИБАС). Материалы Русского ассоциативного словаря были получены в ходе проведения массового эксперимента в период с 1988 по 1998 г., возраст студентов-информантов – 17–25 лет. Русская региональная ассоциативная база данных формировалась в период с 2008 по 2021 гг., возраст студентов-информантов – 16–25 лет.

С целью выделения типов синтаксических конструкций и семантических разрядов в ассоциативном поле глагола БЕГАТЬ применялся метод классификации. В работе был

использован также описательный метод и его приемы (наблюдение и интерпретация), чтобы дать характеристики и выявить смыслы, репрезентированные ассоциатами; типы отношений между стимулом и реакциями устанавливались благодаря структурному и семантическому анализу; реакции, грамматически не связанные со стимулом, реконструировались трансформационным методом; полученные результаты сравнивались с помощью методов количественного и сопоставительного анализа.

Обсуждение результатов исследования

Сопоставление состава ассоциативных полей глагола БЕГАТЬ в РАС (1988–1998) и СИБАС (2008–2021) позволило проследить динамику и/или стабильность актуальных грамматических связей глагола в сознании носителей русского языка одной возрастной группы.

Количественный состав указанных ассоциативных полей сопоставим: в словарной статье анализируемого стимула в Русском ассоциативном словаре (РАС) 516 реакций, в Русской региональной ассоциативной базе данных (СИБАС) – 505 реакций.

Семантико-синтаксический анализ АП выявил два преобладающих типа отношений между стимулом и реакциями: **вербализованные ассоциации-словосочетания** и **свернутые конструкции**. Кроме этого, выделены и малочисленные синтаксические структуры: **вербализованные ассоциации-потенциальные предложения** (РАС), **сворачиваемые высказывания** и **незаконченные словосочетания** (СИБАС). АП глагола БЕГАТЬ в СИБАС отличается большим разнообразием типов конструкций (3 типа конструкций в РАС и 4 типа конструкций в СИБАС). В составе обоих АП есть реакции, не имеющие грамматических связей со словом-стимулом.

В **вербализованных ассоциациях-словосочетаниях** слова связаны между собой грамматически: *бегать медленно, бегать по траве, бегать на занятия*. В своей работе Ю.Н. Караулов предпочитает использовать вместо слова «словосочетание» более широкий термин Н.И. Жинкина «модель двух слов» [Караулов 1993: 8–9, 210–211]. Лингвист, например, квалифицирует однородные члены предложения, сочетания с причастиями как модели двух слов, но в нашей работе они в сочетании со словом-стимулом образуют предложение, поэтому нами был оставлен общепринятый термин «словосочетание» (ниже см. о выделенных нами вербализованных ассоциациях-потенциальных предложениях, сворачиваемых высказываниях).

Свернутые конструкции отличаются такими синтаксическими отношениями между словом-стимулом и словом-реакцией, которые не вербализованы, поэтому для их развертывания нужно мысленно связать стимул и реакцию (*БЕГАТЬ – дети > дети бегают. БЕГАТЬ – стадион > бегать на стадион / бегать на стадионе / бегать по стадиону*). Ю.Н. Караулов такие невербализованные синтаксические конструкции называет синтаксическими примитивами, благодаря их небольшой трансформации реакции превращаются в сирконстанты или актанты стимула [Караулов 1993: 86–95, 191–244].

Третий тип конструкций, выделенный при анализе АП глагола в РАС, был обозначен как **вербализованные ассоциации-потенциальные предложения** (3 реакции). В АП БЕГАТЬ есть такие реакции, которые вместе со стимулом образуют, скорее, однородные члены предложения или/и сравнительный оборот. Первый тип выражен структурой, присоединяемой сочинительным союзом **и**, *и кричать* (1) > бегать и кричать. Второй тип представлен следующими реакциями: БЕГАТЬ – *как от огня* (1); *как ошпаренный* (1). В силу синтаксических особенностей оба типа соотнесены с предикативными структурами в рамках предложений.

Реакции **сворачиваемые высказывания** состоят из нескольких слов, имеющих либо лемматизированный вид, либо вид последовательности лексем, перечисленных через запятую. Например, АП СИБАС: БЕГАТЬ – *быстро, стадион* 1 > быстро бегать на стадионе / быстро бегать по стадиону; *вдаль, по дороге* 1 > бегать вдаль по дороге; *польза, спорт* 1; *спорт, кайф* 1 (4 реакции).

Реакции **незаконченные словосочетания**, входящие в состав АП глагола БЕГАТЬ в СИБАС, указывают на грамматическую и семантическую направленность возможного словосочетания: БЕГАТЬ – *от* 1 > бегать от волка, бегать от маньяка и т.д. (1 реакция). Наличие местоимения *от* обозначает то, что далее в словосочетании будет указана причина движения. Слово-стимул у носителя языка в сознании активирует необходимое сочетание предлога с именем в определенном падеже. Заметим, что обычно реакции в виде изолированного предлога редки.

Количественный анализ полученных данных в их соотношении с общим числом реакций показал, что среди всех выделенных синтаксических конструкций преобладают **вербализованные ассоциации-словосочетания**: РАС (342/516*100 = 66,3%¹), СИБАС (288/505*100 = 57%). По результатам анализа видно, что в СИБАС процент данного типа синтаксических конструкций уменьшился на 9,3%. **Вербализованные ассоциации-словосочетания** содержат две группы словосочетаний – **актант** и **сирконстант**.

В Большой российской энциклопедии **актант** определяется как «термин, обозначающий любой член предложения, называющий участника ситуации, обозначаемой предикатным словом – чаще глаголом» [Большая... http]. Здесь именные и местоименные реакции оформляют вместе с глаголом-стимулом актантную структуру (*бегать кросс, бегать от себя* и т.д.). В той же энциклопедии дано определение и для **сирконстанта**: Сирконстант – «термин, обозначающий любой член предложения, указывающий на время, место, образ действия и др. обстоятельства ситуации, названной предикатным словом, напр. глаголом» [Большая... http]. Следовательно, словосочетания этой группы образуют сирконстантную структуру, которая складывается из наречных и именных сирконстантов (*бегать быстро, бегать по улице* и т.д.).

Обнаружилось, что основная часть **вербализованных ассоциаций-словосочетаний** реализует **сирконстантную структуру**: РАС (294 = 57%) и СИБАС (240 = 47,5%). Малочисленная группа для РАС и СИБАС – **актант** – практически равно представлена в АП СИБАС (48 = 9,5%) и РАС (48 = 9,3%), что говорит о стабильности такого типа реагирования.

В АП СИБАС относительно АП РАС увеличилась группа **свернутые конструкции** (147 = 29,1%), которая по численности находится на втором месте среди грамматических структур, в процентном соотношении эта группа конструкций в два раза меньше в РАС (80 = 15,5%).

В РАС группа ассоциаций, в которых **нет грамматической связи**, но присутствует семантическая связь (93 = 18%), актуальнее, чем **свернутые конструкции** (80 = 15,5%). При этом для респондентов они практически одинаково важны, так как процентный разрыв не столь значителен (разница составила 2,5%). В СИБАС, наоборот, **свернутые конструкции** (147 = 29,1%) заметно доминируют над ассоциациями **без грамматической связи** (72 = 14,3%). Результаты последних лет показывают, что студенты в большей степени связывают грамматически и семантически глагол

¹ Здесь и далее % определяется по отношению к общему количеству реакций в АП.

БЕГАТЬ с реакциями, так как в свернутых конструкциях имплицитно предполагается грамматическая и семантическая связь глагола со словами-реакциями.

В АП РАС группа **сирконстант** включает 13 семантических разрядов, а в СИБАС – 11. В СИБАС нет типов реакций *количественной характеристики перемещения*, включающей меру и степень, *результата*. Таким образом, группа **сирконстант** у студентов поколения 1990-х годов более разнообразна семантически, чем у студентов поколения 2000-х гг. (см. Таблицу №1).

Таблица №1

Семантические разряды, входящие в группу «сирконстант»

РАС		СИБАС	
Вербализованные ассоциации-словосочетания (342 реакции = 66,3%)		Вербализованные ассоциации-словосочетания (288 реакций = 57%)	
Группа сирконстант (294 реакции = 57%)		Группа сирконстант (240 реакций = 47,5%)	
1. Качественная характеристика движения			
Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количественные данные	Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количественные данные
<i>быстро (87); хорошо (2); быстрее (1); легко (1); медленно (1); резво (1).</i>	93 реакции (18%)	<i>быстро 110; медленно 3; бистро 1; отлично 1; плохо 1; полезно 1; хорошо 1.</i>	118 реакций (23,4%)
2. Характер движения			
<i>босиком (22); наперегонки (13); по кругу (11); трусцой (10); вприпрыжку (7); втапски (5); кругами (4); рысцой (3); бегом (2); вокруг дома (2); галопом (2); без штанов (1); вдогонку (1); ветром (1); вприсядку (1); задом (1); кругом (1); по пятам (1); под дождем (1); рысью (1).</i>	90 реакций (17,4%)	<i>трусцой 12; по кругу 11; босиком 7; кругом 3; рысцой 3; рысью 2; бегом 1; вокруг елки 1; за команду 1; изо всех сил 1; на время 1; на лыжах 1; наперегонки 1; наперегонки (быстро) 1. БЕГАТЬ – бежать по кругу (1).</i>	47 реакций (9,3%)
3. Место движения (73 реакции = 14%)		Место движения (35 реакций = 6,9%)	
3.1. Место разнонаправленного действия (с целью и без цели)			
<i>по лужам (8); по улице (8); по траве (5); по дорожке (4); по дороге (3); вокруг (2); по двору (2); по лесу (2); по тротуару (2); дома (1); кругом (1); по берегу (1); по городу (1); по залу (1); по канату (1); по пересеченной местности (1); по песку (1); по полю (1); по полям (1); по путям (1); по росе босиком (1); по саду (1); по стадиону (1); по стенке (1).</i>	51 реакция (9,9%)	<i>вокруг 4; по полю 4; кругом 3; по дорожке 2; по дистанции 1; по дороге 1; по залу 1; по лезвию 1; по песку 1; по подиуму 1; по полу 1; по стадиону 1; по траве 1; по улице 1.</i>	23 реакции (4,6%)

3.2. Место повторяющегося движения (направление к месту как к конечному пункту)			
<i>в магазин (3); в кино (2); в лес (2); в парк (1); в университет (1); на занятия (1); на пляж (1); на улицу (1).</i>	12 реакций (2,3%)	<i>в магазин (2); в гараж 1; на ФЗК 1.</i>	4 реакции (0,8%)
3.3. Место длительного движения с целью			
<i>на стадионе (2); на кроссе (1); на тренировке (1).</i>	4 реакции (0,8%)	<i>на стадионе 3; на ФЗК 1; на физкультуре 1.</i>	5 реакций (1%)
3.4. Место разнонаправленного и длительного действия с целью			
<i>по магазинам (3); по станциям (1).</i>	4 реакции (0,8%)	нет реакций	
3.5. Место длительного движения (с целью или без цели)			
<i>во дворе (1); на улице (1).</i>	2 реакции (0,4%)	<i>на улице 2; во дворе 1.</i>	3 реакции (0,6%)
4. Время действия			
<i>по утрам (10); утром (5).</i>	15 реакций (2,9%)	<i>по утрам 9; утром 5; вечером 1; с утра 1.</i>	16 реакций (3,2%)
5. Направление движения			
<i>домой (4); вперед (2); взад-вперед (1); прямо (1); куда? (1).</i>	9 реакций (1,7%)	<i>вперед 3; туда-сюда 3; прочь 1.</i>	7 реакций (1,4%)
6. Цель			
<i>в поисках (1); зачем (1); тренироваться (1) > тренироваться бегать.</i>	3 реакции (0,6%)	<i>тренироваться 3; для здоровья 1; просто так 1.</i>	5 реакций (1%)
7. Отношение субъекта к движению			
<i>неохота (1).</i>	1 реакция (0,2%)	<i>бояться 1; надо 1; надоело 1; не буду 1; не люблю 1; не хочется 1; нужно 1.</i>	7 реакций (1,4%)
8. Состояние субъекта движения			
<i>босым (1); голым (1).</i>	2 реакции (0,4%)	<i>голым 1.</i>	1 реакция (0,2%)
9. Указание на расстояние			
<i>далеко (2).</i>	2 реакции (0,4%)	<i>далеко 1; рядом 1.</i>	2 реакции (0,4%)
10. Длительность			
<i>долго (1).</i>	1 реакция (0,2%)	<i>долго 1.</i>	1 реакция (0,2%)
11. Совместность действия / отдельность			
<i>вместе (1).</i>	1 реакция (0,2%)	<i>вдвоем 1.</i>	1 реакция (0,2%)
12. Количественная характеристика перемещения, включающая меру и степень			
<i>много (1); часто (1); до упоминания (1).</i>	3 реакции (0,6%)	нет реакций	
13. Результат			
<i>впустую (1).</i>	1 реакция (0,2%)	нет реакций	

У респондентов всех поколений семантический разряд **качественной характеристики движения**, входящий в группу **сирконстант**, занимает первое место: РАС (93 = 18%) и СИБАС (118 = 23,4%). Типовым сочетанием является БЕГАТЬ *быстро* (РАС: 87; СИБАС: 110), следовательно, семантика высокой скорости при совершении бега является доминантной. Очевидно, в сознании носителя языка скорость тесно связана с бегом, что выражено словами *быстро, быстрее, медленно, резво*. Также носители языка отметили уровень трудности движения-перемещения (*легко*) и качество движения или оценку (*хорошо, отлично, плохо, полезно*).

Семантический разряд **характер движения** занимает второе место: РАС (90 = 17,4%) и СИБАС (47 = 9,3%). В АП разных лет типовые сочетания не совпадают: БЕГАТЬ *босиком* (РАС: 22) и *трусцой* (СИБАС: 12). Носитель языка имеет довольно широкое представление о разнообразии характера движения при совершении бега. В этой группе находятся и наречия, и существительные в падежной форме, передающие буквальное описание характера движения. К этому же разряду отнесены реакции, в которых происходит замена глагола БЕГАТЬ на глагол однонаправленного движения *бежать*: БЕГАТЬ – *бежать по кругу (1)*. В образовании словосочетания сам стимул не принимает участия, словосочетание опознается за счет второй части идиомы, выбранной в качестве реакции.

Семантический разряд **места движения** в словарях занимает третье место, но больший процент реакций у поколения РАС: РАС (73 = 14%), СИБАС (35 = 6,9%). В АП обеих словарей распространенным подразрядом является **место разнонаправленного действия**. Такие реакции передают движение и с целью, и без цели: РАС (51 = 9,9%) и СИБАС (23 = 4,6%). Типовая конструкция данного подразряда: **ходить + по**. НКРЯ фиксирует тот факт, что в речи носителей языка конструкция **ходить + по** является распространенной, ее актуальность подтверждается и в нашем исследовании, так как среди других способов передачи места движения она занимает первое место. При этом отмечается уменьшение процентного содержания таких конструкций в СИБАС (реакций меньше на 5,3%).

В РАС наиболее частотными местами действия, отражающими устойчивые связи глагола в ассоциативно-вербальной сети (АВС) носителя языка в рамках конструкции **Pr + Sub Dat + по**, являются *лужи, улица, трава, дорожка*, в СИБАС это *поле*. Реакция *по лужам* доминантна для респондентов РАС; в СИБАС, наоборот, доминантна реакция *вокруг*.

Типичная конструкция реакций **место повторяющегося движения (направление к месту как к конечному пункту)**: **ходить + в/на**. Конструкция **ходить + в** более частотна в проанализированных нами ассоциативных словарях, чем **ходить + на** у респондентов разных временных периодов. В словарях есть общая доминантная реакция *в магазин*. Данный подразряд у РАС характеризуется семантическим разнообразием, в отличие от СИБАС.

Реакции актантного типа в процентном отношении практически совпадают: АП РАС: 48 = 9,3%, АП СИБАС: 48 = 9,5%.

Таблица №2

Семантические разряды, входящие в группу «актант»

РАС		СИБАС	
Вербализованные ассоциации-словосочетания (342 реакции = 66,3%)		Вербализованные ассоциации-словосочетаний (288 реакций = 57%)	
Группа актант (48 реакций = 9,3%)		Группа актант (48 реакций = 9,5%)	
1. Действие, направленное от объекта			
Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количественные данные	Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количественные данные
<i>от инфаркта (6); от кого-то (2); от себя (2); от волка (1); от врага (1); от дела (1); от долгов (1); от забот (1); от кого (1); от людей (1); от мужчин (1); от опасности (1); от собаки (1); от трамвая (1).</i>	21 реакция (4%)	<i>от милиции 2; от армии 1; от бандитов 1; от кого-то 1; от негра 1; от правды 1; от себя 1; от собаки 1; от судьбы 1.</i>	10 реакций (2%)
2. Действие, направленное на неодушевленный объект			
<i>кросс (9); 3 километра (2); 100-метровку (1); ГТО (1); дистанции (1); марафон (1); 100 метров (1); 3 км (1); на два км (1) > ср. бег на два км; эстафету (1).</i>	19 реакций (3,7%)	<i>кросс 21; круг 2; марафон 2; дистанцию 1; километр 1; километры 1; км 1; круги 1; 100 м 1; тренировку 1.</i>	32 реакции (6,3%)
3. Действие, направленное на объект как цель			
<i>за дефицитом (2); за автобусом (1); за девчонкой (1); за кем-то (1); за ним (1); за одеждой (1); за юбкой (1).</i>	8 реакций (1,6%)	<i>за пивом 2; за водкой 1; за собакой 1; за удачей 1; за чем-то 1.</i>	6 реакций (1,2%)

В картину ассоциативно-вербальной сети глагола входит три семантических разряда: **действие, направленное от объекта**, **действие, направленное на неодушевленный объект**, и **действие, направленное на объект как цель**. Все семантические разряды актантной структуры глагола в словарях совпадают, что говорит о смысловой типичности в реагировании на стимул БЕГАТЬ и стабильности такой структуры.

Группа реакций, которые не подразумевают грамматической связи с глаголом, в РАС преобладают на 3,7% относительно СИБАС.

Таблица №3

**Семантические разряды группы ассоциаций,
в которых нет грамматической связи**

РАС		СИБАС	
группа ассоциаций, в которых нет грамматической связи (93 реакции = 18%)		группа ассоциаций, в которых нет грамматической связи (72 реакции = 14,3%)	
1. Тип движения (через симиляры и оппозицы)			
Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количественные данные	Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количественные данные
БЕГАТЬ – прыгать (52); ходить (6); мчаться (3); сидеть (3); идти (2); скакать (2); стоять (2); догнать (1); играть (1); лежать (1); летать (1); линять (1); мотаться (1); носить (1); плавать (1); ползать (1); прыгать = кувыряться (1); расставаться (1); смываться (1); трогать (1); удирать (1); прыжки (1).	85 реакций (16,5%)	прыгать 30; идти 6; ходить 5; скакать 2; стоять 2; гнать 1; гоняться 1; догонять 1; играть 1; летать 1; лететь 1; мелькать 1; мчаться 1; нестись 1; носить 1; приблизиться 1; резвиться 1; скрываться 1; торопиться 1; суета 1.	61 реакция (12%)
1.2. Тип движения (через симиляры и оппозицы). Деривационные отношения			
бежать (1); оббегать (1); убежать (1).	3 реакции (0,6%)	нет реакций	
2. Индивидуальные ассоциации			
глушить (1); восемь (1); пестрое (1); серьги (1).	4 реакции (0,8%)	shift 1; бороться 1.	2 реакции (0,4%)

3. Характеристика движения			
нет реакций		скорость 7; быстрота 1; ускорение 1.	9 реакций (1,8%)

Среди указанных реакций находится семантический разряд *типа движения (через симиляры и оппозиты)*. Термины **симиляры** и **оппозиты** использовались А.А. Залевской «для обозначения пар слов, которые субъективно переживаются в первом случае как имеющие сходное, а во втором — как противопоставляемое по какому-то параметру значение» [Залевская 2000: 158]. Семантический разряд представлен двумя типами: 1) глаголы движения (симиляры или оппозиты) и позиционные глаголы, обозначающие статичное положение в пространстве (оппозиты), а также существительные с той же семантикой, 2) ассоциации, построенные на деривационных отношениях относительно глагола-стимула БЕГАТЬ (такие ассоциации выделены только в РАС).

В СИБАС уменьшился общий состав реакций по типу движения с глаголом *прыгать* (РАС: 52, СИБАС: 30). Респонденты разных лет устойчиво ассоциируют глагол БЕГАТЬ с глаголом противоположной семантики.

Заметна формирующаяся тенденция к уменьшению реакций, не подразумевающих грамматической связи с глаголом. В АП стимула реакции-симиляры представлены глаголами действия, разными по скорости и способу перемещения (*мчаться, носиться* и т.д.). Оппозиты охватывают позиционные глаголы (*лежать, стоять* и т.д. – их больше в РАС) и глаголы с определенным типом движения (*прыгать, ходить, идти* и т.д.).

Свернутые конструкции как синтаксические примитивы наиболее актуальны для современных студентов (СИБАС: 147 = 29,1%, РАС: 80 = 15,5%) (см. таблицу №4, в которой представлены только совпадающие семантические разряды).

Таблица №4

Семантические разряды свернутых конструкций			
РАС		СИБАС	
Свернутые конструкции (80 реакций = 15,5%)		Свернутые конструкции (147 реакций = 29,1%).	
1. Место перемещения с возможной целью (куда, где)			
Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количес- венные данные	Реакции на глагол БЕГАТЬ	Количес- венные данные
<i>дорога (4) > бегать по дороге, бегать у дороги; стадион (3) > бегать на стадион, бегать на стадионе; дорожка (2); физкультура (2); ипподром (1); лес (1); парк МВО (1); свое дело (1) > бегать по своим делам; поле (1); тренировка (1); угол (1) > бегать за угол (разг.-прост.); улица (1); физо (1).</i>	20 реакций (3,9%)	<i>стадион 10; физкультура 5; дорога 2; тренировка 2; улица 2; аллея 1; дорожка 1; колдобина 1 > бегать по колдобинам; лес 1; луг 1; лужайка 1; олимпиада 1; пляж 1; поле 1; поляна 1; спортзал 1; трек 1; физкультура в школе 1.</i>	34 реакции (6,7%)

2. Дефиниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симиляры)			
<i>спорт (6) > бегать – это спорт; движение (2) > бегать – это движение; двигаться (2) > бегать – значит двигаться; действие (1).</i>	11 реакций (2,1%)	<i>спорт 33; двигаться 3; жизнь 3; унижение 1 > бегать за девушкой – это унижение; быстро передвигаться 1; быстро ходить 1; дар 1; идти быстро 1.</i>	44 реакции (8,7%)
3. Субъект, в том числе партиципный			
<i>спортсмен (4) > спортсмен бегают; ноги (3) > ноги бегают; малыш (1) ; нога (1); черт (1).</i>	10 реакций (1,9%)	<i>ноги 5; дети 2; спортсмен 2; бегун 1; Болт 1; волки 1; лошадь 1; маньяк 1; милиция 1; Усэйн Болт 1.</i>	16 реакций (3,2%)
4. Свернутые суждения причины, цели, последствия или условия с предположением			
<i>здоровье (2) > я бегаю, чтобы было здоровье (цель) / если будешь бегать, то обретишь здоровье (последствия); усталость (2); жить (1); удовольствие (1) > я бегаю, потому что получаю от этого удовольствие (причина); упасть (1); устать (1); худеть (1).</i>	9 реакций (1,7%)	<i>усталость 4; пот 2; потеть 2; уставать 2; зачет 1; здоровый образ жизни 1; радость 1; рана 1; рекорд 1; страх 1; тяжело дышать 1; худеть 1.</i>	18 реакций (3,6%)
5. Одновременность нескольких действий			
<i>вертеть (1) > бегать и вертеть; жевать (1); искать (1); слушать (1); смеяться (1).</i>	5 реакций (0,97%)	<i>дышать 2; думать 1; кричать 1; шуметь 1.</i>	5 реакций (1%)
6. Указание на время или период			
<i>утро (2) > бегать утром; детство (1) > бегать в детстве.</i>	3 реакции (0,58%)	<i>утро 4; весна 1; детство 1.</i>	6 реакций (1,2%)
7. Качественная характеристика			
<i>трудный (1) > бегать – трудное занятие / бег трудный / бегать трудно.</i>	1 реакция (0,2%)	<i>быстрый 1 > быстрый бег.</i>	1 реакция (0,2%)

8. Сюжетные ассоциации			
<i>футбол (2)</i> > во время игры в футбол игроки бегают; <i>дистанция (1)</i> > дистанция преодолевается с помощью бега; <i>мокро (1)</i> > во время бега человек потеет, одежда становится мокрой; <i>полиуретан (1)</i> > бегать по беговой дорожке, сделанной из полиуретана; <i>старт (1)</i> > во время соревнований по бегу участники стоят на старте; <i>эстафета (1)</i> > во время эстафеты участники бегают.	7 реакций (1,4%)	<i>атлетика 1</i> > легкая атлетика – это вид спорта, который включает бег; <i>брызги 1</i> > когда бегаешь по лужам, то летят брызги.	2 реакции (0,4%)
9. Причина движения			
<i>нож (1)</i> > бегать от ножа / бегать из-за ножа; <i>опоздание (1)</i> > бегать из-за опозданий; <i>полный (1)</i> > бегать, потому что полный.	3 реакции (0,58%)	<i>волки 1</i> ; <i>маньяк 1</i> ; <i>милиция 1</i> .	3 реакции (0,6%)
10. Ассоциации, связанные с бегом (часть процесса движения)			
<i>спортивный костюм (1)</i> > бегать в спортивном костюме; <i>трусы (1)</i> > бегать в трусах; <i>кеды (1)</i> > бегать в кедах.	3 реакции (0,58%)	<i>кроссовки 8</i> ; <i>обувь 1</i> ; <i>футболка 1</i> ; <i>шорты 1</i> .	11 реакций (2,2%)
11. Объект как цель			
<i>автобус (1)</i> > бегать за автобусом.	1 реакция (0,2%)	<i>дети 2</i> ; <i>лошадь 1</i> ; <i>маньяк 1</i> .	4 реакции (0,8%)

Основные семантические разряды **свернутых конструкций** совпадают, к общим доминантным относятся: **место, дефиниция стимула и объяснительное суждение**.

В семантическом разряде **места перемещения с возможной целью (куда, где)** представлены слова-локативы. В СИБАС немного обширнее данный семантический разряд, доминантные слова разные (*дорога* для РАС, *стадион* для СИБАС), но многие реакции совпадают (*дорога, стадион, дорожка, физкультура* и др.). **Дефиниция стимула и объяснительное суждение** – это свернутые суждения, которые можно восстановить с помощью союзов-связок *это, значит* [Караулов 1993: 231–233]. Сюда были отнесены реакции, семантически связанные с типом движения (субъективно воспринимающиеся респондентами как симилары).

В обоих АП есть ассоциации, трансформация которых требует реконструкции **сюжета**, не оформленного языковыми средствами.

Выводы

Семантический и синтаксический анализ ассоциативного поля глагола БЕГАТЬ в РАС и СИБАС в сопоставлении позволили выделить общие синтаксические типы конструкций в АП глагола, актуальные в разные периоды времени, установить частотность их использования в процентном соотношении: **вербализованные ассоциации- словосочетания** (РАС: 66,3%, СИБАС: 57%), **свернутые конструкции** (РАС: 15,5%, СИБАС: 29,1%). **Вербализованные ассоциации-словосочетания** стабильно преобладают вне зависимости от времени проведения экспериментов. Группа ассоциаций, в которых нет грамматической связи (18%) у информантов РАС занимает второе место, а **свернутые конструкции** (15,5%) – третье место. Ассоциации без грамматической связи со стимулом актуальнее для студентов 1990-х годов (18%), чем для студентов 2010-х годов (14,3%). У студентов последних лет прослеживается более тесная грамматическая и семантическая связь между глаголом-стимулом и реакциями на него.

Общие типы синтаксических конструкций дополняются и другими структурами, проявление которых не так стабильно: **вербализованные ассоциации-потенциальные предложения** (РАС: 0,6%), **сворачиваемые высказывания** (СИБАС: 0,8%), **незаконченные словосочетания** (СИБАС: 0,2%). Результаты показывают, что более разнообразные типы конструкций находятся в АП глагола БЕГАТЬ в СИБАС (всего 4 типа конструкций).

Вербализованные ассоциации-словосочетания состоят либо из сирконстантной (РАС: 57%, СИБАС: 47,5%), либо из актантной структуры (РАС: 9,3%, СИБАС: 9,5%). Стабильной во времени и вариативной по составу оказывается сирконстантная структура, состоящая из наречных, именных и глагольных распространителей.

Словосочетания с актантной структурой не меняются, отражая смысловую типичность речевого действия вне зависимости от поколения.

Реакции **свернутые конструкции** реализуют речевые действия, связанные с местом, дефиницией стимула и объяснительным суждением, что позволяет говорить о частотной семантике **свернутых конструкций** анализируемого глагола, не зависящей от параметра времени.

Благодаря смысловому анализу ассоциативного поля глагола были выделены семантические разряды (во всех типах конструкций и в группе ассоциаций, в которых нет грамматической связи), свидетельствующие о доминировании определенных и общих смыслов в сознании носителей языка 1990-х гг. и 2010-х гг.: **качественная характеристика движения** (РАС: 18,2%, СИБАС: 23,6%), **характер движения** (РАС: 18,4%, СИБАС: 9,3%), **тип движения через симиляры и оппозиты** (РАС: 17,1%, СИБАС: 12%), **место движения** (РАС: 18%, СИБАС: 13,6%). Типовым сочетанием с качественной характеристикой движения в словарях является БЕГАТЬ *быстро* (РАС: 87; СИБАС: 110), что говорит о доминировании семантики высокой скорости для респондентов. С характером движения выделены разные типовые сочетания: БЕГАТЬ *босиком* (РАС: 22) и *трусой* (СИБАС: 12). Описывая тип движения через симиляры и оппозиты, респонденты разных лет устойчиво ассоциируют глагол БЕГАТЬ с глаголом *прыгать* (РАС: 52, СИБАС: 30). В данном случае реакции-симиляры выражены глаголами действия, разными по скорости и способу перемещения, а оппозиты – позиционными глаголами и глаголами с определенным типом движения. Семантика

места движения является распространенной в рамках типовой конструкции **Pr + Sub Dat + no**, которая уточняется за счет указания на место разнонаправленного действия (с целью и без цели).

Есть в АП глагола БЕГАТЬ ассоциации, которые не оформлены языковыми средствами, но их можно представить в виде сюжета.

© Шереметова А.С., 2024

Литература

Бодуэн де Куртэнэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. Т.1. С. 47–77.

Бодуэн де Куртэнэ И.А. О задачах языкознания // Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963б. Т.1. С. 203–221.

Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1807666> (дата обращения: 25.08.2024).

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Тверь: ТГУ, 2014. 222 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина. М.: Высшая школа, 1973. С. 417–433.

Опыт семантической классификации русских глаголов: Обзор лексико-семантических групп глаголов рус. яз. / Э.В. Кузнецова, И.Т. Вепрева, Е.П. Калечиц, Т.В. Матвеева, М.Ф. Скорнякова, Л.Г. Бабенко, и др. Свердловск: УГУ, 1982. 208 с.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 465–466.

РАС–Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2023): СИБАС 1 (2008–2013); СИБАС 2 (2014–2021) / авторы-составители: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. [Электронный ресурс]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

Фортуатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина. М.: Высшая школа, 1973. С. 308–339.

Шапошникова И.В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

Сведения об авторе:

Шереметова Анна Сергеевна – аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Контактная информация:

644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А
e-mail: anya-sheremetova@mail.ru

Для цитирования:

Шереметова А.С. Стабильность и изменчивость семантических и синтаксических связей русского глагола БЕГАТЬ в языковом сознании носителей языка разного временного периода // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 102–117. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-102-117

UDC 811.161.1'373.2

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-102-117

Research article

**STABILITY AND VARIABILITY OF SEMANTIC AND SYNTACTIC
CONNECTIONS OF THE VERB BEGAT' IN THE LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS
OF DIFFERENT TIME PERIODS**

Anna S. Sheremetova

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

Abstract

The research was carried out in line with the main postulates of the associative grammar and is devoted to determining of stable and changeable semantic and syntactic connections of the verb BEGAT'. The subject is the features of the semantics and syntactic functioning of the verb BEGAT' recorded in all-Russian and regional associative dictionaries of different time periods. The purpose is to identify the dynamics of changes and stability in the actual connections of the verb BEGAT' in the linguistic consciousness of native speakers of Russian of the same age. The analysis of the associative fields of the verb BEGAT' in dictionaries showed the following. The stimulus consistently evokes associations of two types: collocations and collapsed constructions (syntactic primitives according to Yu.N. Karaulov). Associations without a grammatical connection with the stimulus are more relevant for students of the 1990s than for students of the 2010s, which indicates a closer grammatical and semantic connection of the stimulus with reactions in modern students. The varying syntactic constructions are few in number. Reactions in the form of word combinations show a typical speech action of the respondents, implementing an adjunct position. Modern native speakers have a slight decrease in the percentage of the adjuncts. Reactions of the respondents expressing an argument position in the semantics of the verb maintain their stability in time, convey typical meanings. In the collapsed construction, we identified dominant semantic categories and plot associations that were not formed by linguistic means. On the basis of the semantic analysis there were identified semantic categories of reactions, indicating the dominance of certain meanings in the minds of native speakers of the 1990s and 2010s.

The structural analysis revealed typical syntactic constructions, stability and/or variation of syntactic relations of the verb-stimulus.

Keywords: associative grammar, associative field, semantics, syntactic construction, grammatical structures, verb BEGAT'

© Sheremetova A.S., 2024

Bionotes:

Anna S. Sheremetova – postgraduate student of the Department of Russian Language, Literature and Documentary Communications of OmSU

Contact information:

55-A, pr. Mira, Omsk, Russia, 644077

e-mail: anya-sheremetova@mail.ru

For citation:

Sheremetova A.S. Stability and variability of semantic and syntactic connections of the verb BEGAT' in the linguistic consciousness of native Russian speakers of different time periods // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 102–117. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-102-117 (In Russian)

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ»

Шапошникова Ирина Владимировна

Институт филологии СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье дается обзор материалов пленарного заседания Круглого стола «Русская языковая личность в межнациональном общении», которое состоялось 25–26 октября 2024 года в Новосибирске. Круглый стол был организован сектором русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН совместно с ГИ НГУ и НОЦ им. А.А. Леонтьева и посвящен 300-летию РАН. На пленарном заседании обсуждался ряд фундаментальных и прикладных вопросов, связанных с основными задачами изучения русской языковой личности в современных условиях жизни российского государства-цивилизации; потенциал и содержание отечественной академической науки, разработавшей методологический инструментарий диагностики языковой деятельности и межнациональных отношений в стране; развитие актуальных отечественных научных школ и новые достижения междисциплинарной лингвистики. На русском материале обсуждались ключевые для отечественной науки вопросы, такие как: феномен этноса и межэтническое взаимодействие в контексте дискуссий о стратегии государственной национальной политики; различные методы и подходы к изучению образа мира носителей русского языка; этнокультурные, демографические и иные параметры языковых ситуаций в регионах РФ, включая Азиатско-Тихоокеанский регион, а также проблемы функционирования языковой личности в разных условиях. Рассматривались вопросы междисциплинарного сотрудничества при экспериментальной психолингвистической диагностике особенностей национального чувства российской молодежи и ее комплементарности в межнациональных отношениях; проблемы регуляции речевой деятельности, идентификации этнического профиля и профессиональной специфики языковой личности, ее онтогенеза и диагностики возрастной специфики социо-коммуникативных установок. Для сопоставления авторами пленарных докладов привлекался якутский, английский, персидский, монгольский, китайский и другой лингвокультурный иллюстративный материал.

Ключевые слова: русская языковая личность, межнациональное общение, 300-летие РАН, изучение российской цивилизации, отечественные академические научные школы междисциплинарной лингвистики, традиции и инновации

25–26 октября 2024 года в Новосибирском государственном университете в рамках Плана мероприятий, посвященных 300-летию Российской академии наук, прошел круглый стол «**Русская языковая личность в межнациональном общении**», организованный Институтом филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета

при участии Научно-образовательного центра межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева. В работе круглого стола приняли участие ученые из нескольких академических институтов (ИЯз РАН, ИФЛ СО РАН, ИФПР СО РАН, ИГиИПМНС СО РАН), ряда ведущих вузов городов РФ (Донецк, Москва, Владивосток, Воронеж, Новосибирск, Тюмень, Казань, Тверь, Якутск, Уфа, Пермь, Омск, Челябинск и др.).

С приветственным словом участникам круглого стола выступили: заместитель директора Гуманитарного института (ГИ) НГУ, д-р ист. наук, проф. Андрей Сергеевич Зуев; директор Института филологии (ИФЛ) СО РАН, член-корреспондент РАН Игорь Витальевич Силантьев, председатель Круглого стола, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН, д-р филол. наук, проф. Шапошникова Ирина Владимировна.

В своем приветственном слове участникам мероприятия **Андрей Сергеевич Зуев** отметил актуальность тематики Круглого стола для русистики в настоящее время, когда возрастает роль русского языка в условиях активизации разносторонних межэтнических контактов, уделяется особое внимание его сохранению и развитию в новых условиях. **Игорь Витальевич Силантьев** напомнил об истории проекта Круглого стола сначала в рамках большой ежегодной научной конференции ИФЛ СО РАН «Языки народов Сибири и сопредельных регионов», потом в рамках Плана мероприятий по проведению в Содружестве Независимых Государств Года русского языка как языка межнационального общения, а в 2024 году Круглый стол выделился в самостоятельное мероприятие с развернутой программой, посвященной 300-летию РАН. Все концепты, которые наполняют формулировку названия Круглого стола, приобрели новое звучание в последнее время. Категория языковой личности показала свой потенциал в связи с проблематикой здорового начала в языке применительно к культуре и межнациональной коммуникации. Отсюда и конкретное название «Русская языковая личность», не отвеченное от основополагающих моментов в природе языка. Вместе с тем, Круглый стол не ограничивается данным фокусом, на нем заявлены доклады, посвященные общим и частным вопросам психолингвистики, что отраднo, так как это одно из актуальных направлений лингвистической науки.

Ирина Владимировна Шапошникова подчеркнула, что посвящая Круглый стол 300-летию РАН, организаторы решили отметить это крупное событие обсуждением некоторых основных отраслей отечественной науки, в особенности междисциплинарной лингвистики, которые имеют довольно давнюю научную традицию в нашем отечестве, хотя и находились долгое время в тени господствующего структурного подхода, но сохранили и существенно повысили свою востребованность и актуальность в настоящее время как науки о человеке и человекообразовании и/или оформились как самостоятельные направления в РАН и получили дальнейшее развитие в вузах, сохраняя актуальность в настоящее время в силу своей практической значимости, востребованности и высокого объяснительного потенциала.

Круглый стол посвящен вопросам изучения многонациональной российской цивилизации, находящимся в ведении отраслей лингвистики на пересечении интересов разных наук о человеке и обществе, а это в первую очередь вопросы межнационального общения с учетом фундаментальных разработок наук о человеке. На фоне геополитических процессов, связанных с расчеловечиванием как совокупностью технологий манипуляции сознанием людей, технологий подчинения и подавления целых народов, разрушения культурных основ регуляции их жизни

и межнациональных отношений в особенности, разгосударствления, отказа целым народам в праве на существование через отрицание всякой коллективной идентичности, отечественная междисциплинарная лингвистика располагает инструментариумом, который может быть применен к научно и нравственно оправданному изучению нашего многонационального государства-цивилизации. Российская цивилизация показала способность противостоять расчеловечиванию самой природой своей историко-этнокультурной традиции, получавшей разное воплощение в национальном чувстве и способах взаимодействия с внешним миром ее носителей в разные века творческой активности нашего народа на арене истории. Это качество нашей народной жизни.

В обыденной жизни образ языка у современного человека формируются преимущественно на основе оперирования текстами, а в текстах – словами. Поскольку слова как-то связаны между собой, все это складывается в обыденное представление о языке. Структурная лингвистическая модель системы языка строилась на этом субстрате и хорошо работает с ним. Такая модель привычна, но недостаточна для того, чтобы мы могли решать прикладные задачи (работа с патологиями речи, ранениями, эффективными методами обучения языковой деятельности и многое другое). Чтобы междисциплинарно работать с языком человека, его надо увидеть и описать его системность в человеке. Как работает язык в человеке? По законам психической деятельности человека. Таким образом, речь идет об ином материальном субстрате по сравнению с овнешненной в виде текста и отчужденной от носителя языка субстанции (линейной структуры текста). В настоящее время это описывается с помощью терминов *языковая личность* и *языковое сознание*. Концепция языковой личности наиболее последовательно разрабатывалась в Институте русского языка РАН в работах Ю.Н. Караулова и под его руководством, он был занят машинным фондом русского языка и не мог не стремиться к пониманию работы языка в человеке, без этого формализовать язык для компьютера просто не представлялось возможным. В РУДН и других вузах, которые обучали иностранцев русскому языку и специалистов для активной коммуникации в межнациональном формате, также оказалась востребованной его модель русской языковой личности. Под его руководством и проводился в конце 80-х – начале 90-х годов XX века эксперимент по экспликации русской языковой личности в масштабах РФ. Результаты этого масштабного эксперимента воплотились в русском ассоциативном словаре эпохи перестройки. В региональных и общероссийских исследованиях концепция языковой личности получает развитие на новом материале и в новых условиях функционирования русского языка и этнополитической социализации его носителей. Сегодня мы можем говорить уже и о больших, репрезентативных для страны ассоциативно-вербальных базах данных, и об этнокультурно специфичных материалах, полученных в локальных форматах. И те и другие имеют особую прикладную значимость для изучения функциональной целостности русской языковой личности в разных условиях жизни в пределах нашего большого государства-цивилизации.

Отечественные науки о феномене этноса и дискуссии о стратегии государственной национальной политики

Д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права (ИФПР) СО РАН **Юрий Владимирович Попков** (Новосибирск) представил доклад «Традиции отечественного

народоведения в современных испытаниях. Опыт Новосибирской научной этносоциальной школы». Автор отметил, что личность – социальная характеристика человека, для анализа которой важными являются ресурсы социологии как науки об обществе, где социальность рассматривается через взаимодействие (примечательно, что именно так задана тема Круглого стола). В этом смысле полезен обмен информацией и дискуссия о методологических основаниях исследований в рамках этносоциологии, предметом анализа которой являются этносоциальные процессы как рефлексия и продукт межэтнических (межнациональных) взаимодействий. Этническая культура, как и язык, формируется в процессе взаимодействия. Современное состояние этнической культуры разных народов принимает форму этнокультурного неотрадиционализма (который формируется также через взаимодействия). В научной практике последних десятилетий сложилась ситуация, которую можно описать как антропологический переворот. Вслед за развалом СССР западные стандарты стали внедряться, часто насильственно, не только в политическую и экономическую, но также научную жизнь при изучении этнического феномена. Суть изменений – отрицание отечественных научных традиций в этой области и навязывание западных, в том числе в концептуальном и терминологическом аппарате, при том, что развитие России во многом уникально. Данное обстоятельство зафиксировано в ее определении как государства-цивилизации. Общая тенденция отражена в движении названий доминирующих здесь дисциплин: от этнографии к этнологии в западном смысле, затем к социокультурной антропологии и, наконец, просто к антропологии. Произошла замена этнографии и даже этнологии на антропологию, что отразилось в исчезновении этнографии из образовательных стандартов. Отечественная этнография изначально утверждалась как народоведение, наука об этносах; западная антропология – наука об универсальном человеке; но надо иметь в виду, что множество людей не есть человек. Отсюда и доминирующая парадигма – либерально-конструктивистско-инструменталистская установка (которая базируется на методологическом номинализме и индивидуализме), проникшая в доктринальные документы (*Стратегию государственной национальной политики*), продвижение идеи «Реквиема по этносу» и по теории этноса (В.А. Тишков); навязывание этничности (существующей якобы без этноса), которая трактуется как основной предмет этнологических исследований, понимаемых в широком смысле. Этничность сводится к персональной идентичности, ее носителем выступает отдельно взятый (универсальный) человек. Многих поразили вирус конструктивизма и этничности-идентичности. Антропология с этничностью часто оказываются беспочвенными в противовес этнографии, народоведению и этносоциологии как почвенным наукам о народах [Попков 2023в; 2024]. Абсолютизация этничности в качестве предмета этнологических исследований во многом уходит корнями в отрицание советского, отечественной традиции, оперировавшей понятиями этнос – нация – интернационализация (интернационализм). В 1990 г. Институт этнографии АН СССР был переименован в Институт этнологии и антропологии РАН. Разведение национального и этнического приводит к деполитизации этничности. Русский становится почти бранным словом в 1990-е гг. Замена советского как «отсталого» на западное как «прогрессивное» привела к ситуации хаоса. Навязанный научный дискурс не соответствует реальности, языку повседневной, да и политической жизни. На практике этнос, народ, нация в этнокультурном смысле не ушли из повседневного и научного дискурса,

деполитизации этничности не получилось. Идея российской нации не овладела массами, хотя под влиянием настойчивого ее насаждения получила определенное распространение в социогуманитарных научных и политических кругах. Главная связанная с ее насаждением опасность состоит в том, что вне поля зрения ученых остаются большие пласты реальности, учет которых часто оказываются определяющим для адекватного осмысления происходящих процессов. В результате имеет место неполное, поверхностное, а иногда и иллюзорное представление о действительности, остается много «неопознанных» объектов. Не отвергая значимости выделенных познавательных инструментов для осмысления отдельных сторон жизни, автор настаивает на необходимости сохранения и развития, а в отдельных случаях и возрождения позитивных отечественных традиций в исследовании этнического феномена. Для этого есть определенные основания. Обобщая исследовательские установки и практические подходы к научному изучению этнического феномена, можно сделать вывод о том, что окончательного отказа от отечественных традиций все-таки не произошло, победоносного антропологического переворота в российском научном дискурсе не случилось. В качестве базовой методологической основы исследований представителей новосибирской научной этносоциологической школы (ННЭШ) выступают: парадигма социального взаимодействия (в отличие от известной парадигмы социального действия, а также социального конструктивизма) в его диалектической интерпретации и системно-деятельностном измерении – в единстве синхронных и диахронных (пространственно-временных) связей взаимодействующих сторон рассматриваются этносоциальные субъекты – этнически маркированные социальные образования как носители активности – народы, этнические группы, диаспоры... (подробнее о ННЭШ см.: [Попков, Костюк, Персидская 2020; 2022; Попков 2022; 2023a]). Объект этносоциологии – социальные проявления этнического феномена; предмет этносоциологии – этносоциальные процессы как устойчиво-динамическая система рефлексивного взаимодействия этносоциальных субъектов и развитие данных субъектов в этом взаимодействии, в единстве устойчивости и изменчивости, диалектике объективного и субъективного, материального и духовного, реального и виртуального, с учетом идентификационных стратегий взаимодействующих субъектов, сетевых структур. В рефлексивном взаимодействии этносоциальных субъектов меняется и обогащается их этнокультурный потенциал [Попков 2023a]. Тема этничности и идентичности не исключается из предметного поля этносоциологии, но она является здесь производной (не определяющей), вписана в широкий контекст детерминаций и опосредований. Этносоциальные процессы пронизывают все сферы общества (*от этноэкологических до этноправовых*). В качестве объекта конкретных этносоциальных исследований автором рассматривается межэтническое сообщество, характеризующее взаимообусловленное развитие конкретных этносоциальных субъектов внутри этих сообществ на локальном уровне. Таким образом, этносоциология – наука о народах. В то же время она имеет свой особый взгляд на них, а именно: рассматривает народы сквозь призму социальности, как этого требует социологический подход, то есть под углом зрения *взаимодействия* народов (этносоциальных субъектов). Такое представление о предметной определенности этносоциологии позволяет специфицировать этносоциологию по отношению к антропологии. Важно и другое: объектом национальной политики следует признать не только межнациональные (межэтнические) отношения в их внешнем проявлении,

но и этносоциальные процессы в их комплексном понимании. Именно они определяют характер этих отношений и многие другие процессы и проблемы. Городам, особенно крупным, должно быть уделено приоритетное внимание в рамках государственной национальной политики, поскольку именно города сегодня задают доминирующие тенденции этносоциальной динамики общества и одновременно концентрируют в себе наиболее острые проблемы в сфере межнациональных отношений и национальной политики [Социокультурный мониторинг...2018]. В ННЭШ разработаны теоретико-методологические и методические основы социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества, осуществлена их апробация на примере города Новосибирска. На основе обобщения результатов массовых и экспертных опросов диагностируются состояние и динамика городской этносоциальной ситуации и актуальные проблемы этнонациональной политики на муниципальном уровне. 10 июня 2020 г. постановлением мэра утверждена Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года (*руководитель авторского коллектива и один из главных разработчиков – Ю.В. Попков*). Здесь подчеркивается, что проблемы мигрантов должны решаться в системном единстве с решением проблем местного населения. Учитываются: неоднородность мигрантов, «старые» и «новые» мигранты, адаптация к среде и адаптация к сообществу, проблемы второго поколения мигрантов – проблема этнокультурной идентичности. Местное население (в том числе этническое большинство) испытывает потребность в адаптации к новой этносоциальной ситуации; особая проблема – школы с многонациональным составом учеников. Должны предусматриваться: пространственное развитие (неоднородность городского этнокультурного пространства), подходы к учету идентичности (не противопоставление и замещение, а взаимодополнение разных видов) и др. Формирование ННЭШ имело два основных источника (*с конца 1960-х гг.*): методические наработки Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и др.; фундаментальные идеи академика А.П. Окладникова о процессуальности, по уходу в глубокую древность (*временное измерение*), охвату широкой территории (*пространственное измерение*) с евразийским акцентом, единстве этногенеза и культурогенеза. Этносоциологами описаны парадоксы и кризис глобализации, которая повсеместно демонстрирует эффекты стандартизации и унификации. На этом фоне все больший интерес вызывает то, что непохоже на все другое, что является уникальным, причем, речь идет не только и не столько о музейных экспонатах, которые являются наглядными, но застывшими свидетелями прежних эпох, сколько о тех элементах традиционной культуры, которые удачно вписываются в современность, живут в ней. *Этнический ренессанс* – один из продуктов рефлексии глобализации, мощный стимул и ресурс возрождения традиций. Народ (этнос) как общность людей изначально формируется на определенной территории, имеет вполне материальную почву, месторазвитие, он укоренен в ландшафте через этническую культуру, порождаемую и утверждаемую в трудовой (хозяйственной) деятельности по освоению данного ландшафта. В свою очередь, общность в процессе хозяйственной деятельности преобразует ландшафт. И это устойчивое взаимодействие этноса и ландшафта составляет этнокультуру. Разнообразие ландшафтов – разнообразие этнокультур. В современных условиях живая этническая культура существует, как правило, не в аутентичных формах, а в виде неотрадиции, неотрадиционализма, т.е. как единство общественной жизни (продукта актуальных социальных взаимодействий)

и культурной специфики в ее обусловленности ландшафтными особенностями месторазвития, характерного для разных этносов – больших (в т.ч. русских) и малых. Этнокультурный неотрадиционализм представляет собой духовно-практическое явление, реальное качественное состояние традиционной этнической культуры в современных условиях, продукт взаимодействия и взаимопроникновения (рефлексии) этносоциальных субъектов, внутренних и внешних условий развития этнокультур в синхронно-диахронном (пространственно-временном) измерении. Их носителями рассматриваются этнические сообщества как единые, но одновременно гетерогенные образования со своеобразной сетевой структурой организации. Основа – в прошлом, новации – во взаимодействии. Рефлексивная концепция этнокультурного неотрадиционализма снимает главные ограничения конструктивистской интерпретации этнокультурного неотрадиционализма, проявляющиеся в сведении проблемного поля соответствующих исследований преимущественно к вопросам идентичности, особенно когда она трактуется как исключительно субъективное явление. В действительности идентичность как свойственная субъекту характеристика является единством объективного и субъективного (подробно об этом: [Попков 2023б]). Эффект этнокультурного неотрадиционализма, взятого в широком социокультурном пространстве – этнокультурное разнообразие. Основные источники его формирования: природно-географическое разнообразие, определяющее генезис разных этнических общностей (этносов) и этнических культур; миграционные процессы, ведущие к расширению полиэтничности на региональном и локальном уровнях, усилению культурной сложности, этнокультурного разнообразия. Этнокультурный неотрадиционализм нельзя сводить к упрощающему и обедняющему культурное наследие явлению. Он способствует формированию живой традиции в культурно-историческом разнообразии, позволяет выразить ее существенную специфику в различных вариациях, актуальных для современности. Актуализация этнокультурного неотрадиционализма и проблемы идентичности интерпретируются этносоциологами как глобальное проявление неоднозначных последствий современных социокультурных трансформаций. Феномен этнокультурного неотрадиционализма обосновывается в качестве ресурса формирования этнической и общенациональной идентичностей, анализируются возникающие при этом проблемы и противоречия, выявляется важная роль политики этнокультурного неотрадиционализма и политики идентичности в реализации стратегических ориентиров государственной национальной политики. Автор доклада показал многочисленные наглядные проявления неотрадиционализма в разных частях Евразии с помощью собранных им в экспедициях фотодокументов.

Теория речевой деятельности и «пятое квазиизмерение»

Доклад д-ра филол. наук, проф. кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; рук. Научно-образовательного центра межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева; соруководителя ведущей научной школы «Русская языковая личность» **Натальи Владимировны Уфимцевой** (Москва) был посвящен теме: «Пятое квазиизмерение А.Н. Леонтьева и его изучение в теории речевой деятельности: итоги и перспективы». Н.В. Уфимцева показала, что основные достижения психолингвистики в фундаментальном плане были получены в АН СССР и позднее в ИЯз РАН, когда там существовал отдел психолингвистики под руководством А.А. Леонтьева. Этот

отдел не только занимался теоретическими разработками, но и выполнял серьезные организаторские функции, что позволило получить полезные практические результаты за счет активности большого сообщества единомышленников на местах в разных регионах страны. Многолетняя работа по развитию психолингвистического сообщества, накоплению и осмыслению результатов его активности достаточно полно отражена в коллективной монографии [Российская психолингвистика... 2021]. Огромный вклад в реализацию проекта этой книги внес ныне покойный И.А. Стернин. Одно из центральных понятий, которым оперируют психолингвисты, – *языковое сознание*. Оно возникло под влиянием книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. В дискуссиях того времени философ А.Н. Портнов квалифицировал *языковое сознание* как гносеологический конструкт, связанный именно с культурой, поскольку в нем фиксируется сетка значений понятий, составляющих определенную конструкцию действительности. А.Н. Леонтьев в этой связи говорил о том, что человек живет даже не в четырех, а в пяти измерениях. Пятое квазиизмерение представляет собой смысловое поле, систему значений, в которой человеку открывается объективный мир. Начало исследованию языкового сознания было положено в 1976 году, а уже в 1977 году появился первый ассоциативный словарь [САНРЯ]. В наших современных исследованиях мы обращаемся к живому сознанию носителей языка и рассматриваем его как системный образ мира, доступ к которому получаем через массовый свободный ассоциативный эксперимент. В определенном плане термин *языковое сознание* синонимичен образу мира, а выявившиеся в ходе массовых ассоциативных экспериментов в разных республиках и регионах нашей страны смысловые доминанты позволяют ставить вопрос об универсалиях в функционировании языкового сознания и в построении его моделей. Все это позволяет развивать новые направления изучения этносов и языков через призму языкового сознания: ассоциативная типология, ассоциативная аксиология и ассоциативная вариантология [Шапошникова 2020]. Так, к числу выявившихся естественным образом универсалий можно отнести сетевую структуру (ассоциативно-вербальной сети), в которой отражена коллективная русская языковая личность, наличие в ней ядра и периферии, а также ассоциативных полей, в которых представляются значения слов в форме семантического гештальта. Все это позволяет анализировать как фрагменты образа мира, так и общее смысловое поле культуры. Собранный за последние 40 лет материал позволяет говорить об универсальных (конкретизация, противопоставление, дополнение) и частных когнитивных стратегиях ассоциирования, которые проявляются у носителей языка независимо от времени, места экспериментального сбора материала и от культуры. Особый третий тип универсалий касается системы ценностей культуры и ее отражения в ядре языкового сознания. Изучение этих процессов в рамках диссертационной работы О.В. Балясниковой позволяет ставить вопрос об основаниях для разработки ассоциативной конфликтологии. И здесь мы уже переходим в область *ассоциативной аксиологии*, заделом для которой можно рассматривать типологию конфликтногенных зон языкового сознания носителей языка/культуры, а материалом для анализа становится *квазиэквивалентная лексика и культурологические* либо собственно *языковые лакуны*. В межязыковой лакунарности изначально заложена потенциальная конфликтность непонимания (неполного понимания). Данный тип конфликтов апеллирует к «широкому контексту» взаимодействия коммуникантов, поскольку связан с константами этнического сознания и различается от культуры

к культуре. Такого рода константы по нашим данным лежат: в сфере родственных отношений; ценностных ориентаций носителей языка / культуры; в конфессиональной сфере; в сфере этнокультурных традиций и шире – деятельности, особенности которой мыслятся неодинаково в зависимости и от культуры, и от региона проживания; наконец, в сфере представлений народа об этнических соседях и самом себе. В докладе также была рассмотрена структура сознания по А.Н. Леонтьеву и В.П. Зинченко, обобщены дискуссии прошлого, где речь шла о духовном слое, который формируется в социальном взаимодействии и также становится доступен для изучения в ассоциативно-вербальной сети. Таким образом, изучение языкового сознания дает ключ к пониманию того, как именно живет культура в сознании коллективной языковой личности, как меняется под влиянием социальных факторов система смыслов, которыми живет молодой человек. В дискуссии по докладу Н.В. Уфимцевой были подняты вопросы конфликтов непонимания, а также взаимовлияния культур и отражения этого взаимовлияния в образе мира языковой личности на примере татарских, якутских и коми материалов.

Опыт изучения национального чувства русских (психолингвистические данные в сопоставлении с этносоциологическими)

В докладе д-ра филол. наук, проф., главного научного сотрудника сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН **Ирины Владимировны Шапошниковой** (Новосибирск) «Национальное чувство русских в функциональных пробах с ассоциативно-вербальной сети (в сопоставлении с этносоциологическими данными)» были представлены результаты изучения этнополитической социализации и формирования национального чувства молодых россиян в актуальной диахронии на ассоциативно-вербальной модели русской языковой личности. Функциональные пробы снимались с АВС, представленных в больших региональных и общерусских базах, созданных психолингвистами за последние 40 лет [РАС; ЕВРАС; СИБАС 1; СИБАС 2]. Исследование проводилось в сопоставлении с двумя видами этносоциологических данных. Первый – источники, в которых отражены результаты синхронных социологических опросов, а также труды, представленные в качестве разработок стратегии государственной национальной политики [РИ 2022; Тишков 2024; Савинов, Симагина, Скорых 2023] и др. Второй – исследования сценария межнационального взаимодействия у русских на больших историко-культурных материалах, а также межэтнических браков и национальной политики советского периода [Лурье 2018; 2019; 2020 и др.]. Основная задача заключалась в диагностике степени сохранности в образе мира молодых россиян смысловых узлов, державших каркас цивилизационной идентичности у их предков – советских людей, выявление возможных новых смысловых доминант применительно к рассматриваемому материалу. Для функциональных проб с психологических значений были взяты такие слова-стимулы, которые выявились на разных этапах экспериментов на всем массиве ассоциатов нескольких больших баз данных [РАС; ЕВРАС; СИБАС1; СИБАС2]. Это *народ, народный, национальный, национализм, нацизм, нацист, фашизм, русский, советский, российский, нация, национальный, национальность, народный, народная, раса, расизм, толерантность, толерантный, этнический, русская, советская и др.* Прямые словари послужили источниками для экспликации психологических значений перечисленных единиц, обратные – показали их словоизменительные парадигмы. В докладе были подробно показаны предложенные автором методы и приемы работы с функциональными

пробами на разных этапах анализа материала. Показаны приемы векторного анализа и интерпретации акцентуаций языковой личности, которые дают основания заключить, что в наивном сознании носителя языка выделенные этнологами в процессе анализа разные виды идентичности функционируют как единое смысловое поле, поскольку при сопоставлении смысловых структур разных вербальных идентификаторов (*русский, советский, российский, национальный, народный, народная, этнический* и пр.) в АП этих единиц находим множественные смысловые пересечения, что проявляется как в сходстве конкретных ассоциатов, так и в соотносительности структур соответствующих образов, даже в сходстве векторов смысловых акцентуаций. В актуальной диахронии выявляется хроноглосса в сторону позитивного принятия своего и иных этносов как объективной реальности. Отчетливо определяется доминанта *русский* в качестве суперэтнического самоназвания. Ассоциативно-вербальные пробы с разных участков актуального смыслового поля *национального* свидетельствуют о том, что *русская* идентичность культурно и лингвистически не жестко связывается с региональными реалиями жизни, она *не этноцентрична*. Такая динамическая функциональная система дает полезный результат для построения межнациональных отношений в российской (русской) суперэтнической системе (государстве-цивилизации). «Взаимосодействие» смысловых акцентов в рамках всей парадигмы *национального* с учетом вклада ассоциативной грамматики позволяет строить предположения о сохранности специфики мотивационно-смысловой основы национального чувства русских и дает возможность оценки общих параметров комплементарности русских в межнациональных отношениях. Подробную информацию о каждом этапе и фрагменте исследования можно найти в опубликованных материалах автора [Шапошникова 2023а; б; 2024а; б] и др.

Этнопсихолингвистическое наследие Ю.А. Сорокина: прошлое и будущее

Доклад канд. филол. наук, профессора, директора Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова **Ирины Юрьевны Марковиной** (Москва) «Этнопсихолингвистика через призму научных взглядов Ю.А. Сорокина» был посвящен научному наследию Ю.А. Сорокина (1936–2009), который оставил труды по целому ряду междисциплинарных направлений, таких как: психолингвистика текста, перевод как психолингвистический феномен, библиопсихология, психопозитика, этнопсихолингвистика, включая этническую конфликтологию. Этнопсихолингвистику он рассматривал как науку о процессах общения в их национально-культурном аспекте, стыковую, «креолизованную» дисциплину, изучающую вербальные и невербальные словари и грамматики этнического поведения, контрастивно сопоставляющую «тексты», обслуживающие тот или иной этнос. Поскольку культура в его представлении есть адаптивно-адаптирующий механизм, взаимодействующий, в свою очередь, с языковыми/речевыми и этническими (психо-био-социальными) механизмами, этнопсихолингвистика базируется на триаде ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЭТНОС, изучая поверхностные и глубинные структуры (архетипы), управляющие ментальным и нементальным поведением представителей тех или иных лингвокультурных общностей и формирующие у этих представителей определенную «картину мира». Был разработан понятийно-терминологический аппарат, в котором выделялась лакунология – направление этнопсихолингвистических исследований

в московской психолингвистической школе. Были заложены теоретические основания психолингвистической/этно-психолингвистической теории межкультурного общения на основе лакунологии как теории понимания «чужой» культуры. В соавторстве с И.Ю. Марковиной была разработана развернутая классификационная сетка лакун, предложена концепция их элиминирования как процесс согласования и совмещения, вступивших в конфликт «своих» и «чужих» когнитивных, эмотивных и аксиологических установок (по Ю.А. Сорокину), адаптации «чужих» образов сознания с помощью образов «своего» сознания. Показаны пути заполнения лакун и их компенсации. Ученые обосновали эвристическую ценность теории лакунарности, ведь именно межкультурное общение является условием для выявления участков неконгруэнтности образов мира коммуникантов. А лакуны являются инструментом изучения степени и характера *несовпадения* образов сознания участников (межкультурного) общения; степени и характера *непонимания* фрагментов неавтохтонного вербального и невербального опыта; тактик *совмещения образов* «своего» и «чужого» сознания при выборе стратегий достижения *понимания* «чужой» культуры. Этнопсихолингвистическая теория лакун, как одно из исследовательских направлений московской школы психолингвистики, получила развитие как в России, так и зарубежом (в Германии, Швейцарии, Венгрии, США, Финляндии, Китае, Вьетнаме). Важно, что столь значимая теоретическая база для изучения межкультурной коммуникации, включая развернутую терминологическую номенклатуру, была создана и успешно работала задолго до внедрения в научно-образовательную практику зарубежных стандартов [Национально-культурная специфика 1977; Сорокин, Марковина, Крюков и др. 1988; Сорокин 1994; Этнопсихолингвистические аспекты... 1996; Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989; Марковина, Сорокин 2008, 2010; Марковина 2011]. Было подчеркнуто, что этнопсихолингвистические взгляды Ю.А. Сорокина не утрачивают актуальности, развиваются его учениками и новым поколением отечественных исследователей. Так, в 2023 г. завершился масштабный международный грантовый проект «Взаимные представления русских и вьетнамцев в языке и культуре», основанный на работах Ю.А. Сорокина, посвященных процессам этнической идентификации и самоидентификации (авторы: И.Ю. Марковина и А.А. Матюшин).

Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Доклад д-ра филол. наук, доцента, профессора кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института-Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета **Виктории Львовны Завьяловой** (Владивосток) «Русская языковая личность в межкультурной коммуникации на языке-посреднике в Азиатско-Тихоокеанском регионе» показал актуальность сформулированной в его названии проблемы, поскольку ее разработка осуществляется для решения ряда прикладных задач в АТР. Потребность в систематическом описании дальневосточного региолекта русского языка сложилась в практике осуществления межэтнического взаимодействия в регионе, где конкурируют два языка-посредника межкультурного общения: русский и английский. Подготовка квалифицированных переводчиков и специалистов-международников для общения с носителями китайского, корейского, японского и др. языков также должна учитывать специфику языковой ситуации на российском Дальнем Востоке и в целом в АТР. В докладе были рассмотрены теоретические предпосылки осмысления динамических

изменений русской языковой личности в межкультурной коммуникации в этом регионе. Эти предпосылки восходят к работе Восточного Института (где ставилась задача изучения живой речи дальневосточников), 125-летие со дня основания которого недавно отмечалось в регионе. Они также связаны с многолетней (с 90-х годов XX века) работой Дальневосточной школы лингвоконтактологии в Дальневосточном федеральном университете, большой вклад в ее работу внесли Л.П. Бондаренко, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, которая возглавляет ее в настоящее время. Поскольку социокультурные и политические факторы будут еще способствовать сохранению за английским языком статуса одного из языков-посредников в АТР, ставится задача создания условий для использования этого языка в качестве инструмента противодействия деструктивному информационному влиянию в культурно-языковой сфере АТР. Языковая ситуация в АТР должна учитываться при разработке и реализации языковой и образовательной политики, в разработке лингводидактических стратегий использования языка-посредника для создания канала влияния в продвижении традиционных для России духовно-нравственных и культурных ценностей. В докладе были показаны факторы, которые влияют на генезис языковой личности на Дальнем Востоке и в этой связи рассмотрены проблемы и наметившиеся пути их решения при подготовке переводчиков, формировании языковой личности переводчика как культурного медиатора. Разработаны соответствующие программы подготовки переводчиков и принципы составления учебников.

Русские полиглоты в исторической динамике

Д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник и заведующий сектором германских языков Института языкознания РАН **Дина Борисовна Никуличева** (Москва) в докладе «Собирательный портрет русских полиглотов в исторической динамике» поставила цель проследить количественную, качественную, социальную, образовательную и пр. динамику многоязычия и полиглотики на протяжении последних трех столетий, сопоставив отношение к многоязычию в России в XIX, XX и XXI вв. и ответив на вопрос, что менялось из поколения к поколению и что остается неизменным и универсальным. Д.Б. Никуличева отметила, что из-за своего евразийского положения Россия всегда давала питательную среду для развития полиглотики. Автором были предложены критерии определения понятий *полиглот* и *мультилингв*, подробно показана динамика российской традиции полиглотики. В разделе «Полиглотия в России XIX – начала XX вв.» были рассмотрены такие вопросы, как: особенности языкового образования в Российской империи, социальные особенности российского многоязычия в XIX в., социальный стандарт многоязычия того времени и особенности выхода за его рамки. Был дан анализ многоязычию высших классов и многоязычию среднего класса, описано профессиональное многоязычие в XIX в. и даны примеры судеб носителей полиглотики (это дипломаты Александр Грибоедов и Федор Тютчев; лингвисты Александр Востоков, Фаддей Воланский, Иван Бодуэн де Куртенэ; востоковеды как яркие представители российских полиглотов: Илья Березин, Алексей Позднеев, Василий Бартольд). Многоязычие было характерно и для писателей Александра Пушкина и Льва Толстого. В разделе «Полиглотия в России XX-го века» автором рассмотрены такие вопросы, как: особенности языкового образования в Советском Союзе, социальные особенности многоязычия в советский период, показаны примеры лингвистов-полиглотов XX века, таких как:

Николай Марр, Дмитрий Поливанов, Иосиф Орбели, Сергей Старостин, Дмитрий Спивак. Представляя результаты психолингвистического моделирования российских полиглотов, Д.Б. Никуличева выделила перцептивные типы полиглотов и описала нескольких представителей этих типов: Сергея Халипова, Ирину Шубину, Вилли Мельникова. В разделе «Полиглотия в России первой четверти XXI-го века» были рассмотрены типы полиглотов-лингводидактов, применяющих собственные стратегии к обучению языкам и полиглотов-исследователей на примерах Дмитрия Петрова, Алана Бингулова, Яна Алешкевич-Суслова. Была отмечена и другая тенденция – стремление возродить традиции многоязычного аристократического образования с возвращением в том числе и к древним языкам. Автор приходит к заключению о том, что в XXI веке мы можем констатировать рост интереса к лингводидактическому применению опыта полиглотов, в том числе самими полиглотами. Можно наблюдать, что старинная русская аристократическая традиция раннего многоязычного образования работает и сегодня, а благодаря расширению межязыкового Интернет-общения она может получить новые, ранее невиданные перспективы.

Этнический профиль языковой личности

Д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка Донецкого государственного университета **Вячеслав Исаевич Теркулов** (Донецк) представил доклад на тему: «Этнические идентичности языковой личности».

Цель доклада – определение типов этнических идентичностей и их связи с языковой личностью. Автор разграничивает три разновидности идентичности: 1) лингвоэтническую, предполагающую установление этнического статуса человека по его родному языку, который определяется как функционально первый: я русский, потому что думаю на русском языке; 2) социоэтническую, представляющую этническое самоопределение личности: я русский, потому что считаю себя русским независимо от того, на каком языке я говорю и в какой стране живу; 3) политэтническую, констатирующую гражданскую этничность: я русский, потому что являюсь гражданином Российской Федерации. Данные идентичности не конкурируют, а формируют единый *этнический профиль индивида*, который может быть сбалансированным, например, для человека с функционально первым русским языком, который считает себя русским и является гражданином России, и несбалансированным, когда, например, человек с функционально первым русским языком считает себя татариним и является гражданином Белоруссии. Предполагается существование большого количества промежуточных разновидностей этнического профиля.

Основой ментальности личности является ее лингвоэтническая идентичность, в которой она выступает в первую очередь как языковая личность. Ментальность представляется здесь объективной и определяется как единство лексикона, тезауруса и прагматикона, формирующих языковую и когнитивную картины мира, коррекция которых происходит при возникновении нерелевантности компонентов этнического профиля. Социоэтническая идентичность предполагает определение родного языка как языка нации, к которой индивид себя относит, а политэтническая определяет особый статус для него государственного языка той страны, гражданином которой он является. Последние две ситуации репрезентируют не влияние языка, а мнение о языке и поведенческие модели восприятия функционально первого и коррелирующих с ним языков.

Текст и его смысл: Отечественная школа психолингвистики текста

Д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий **Наталья Петровна Пешкова** (Уфа), д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета **Наталья Михайловна Нестерова** (Пермь), д-р филол. наук, главный научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН **Наталья Владимировна Васильева** (Москва) представили доклады под общим тематическим блоком «Феномен текста в учении Н.И. Жинкина и А.И. Новикова: основные понятия и термины» (в докладах соавторов была представлена отечественная школа психолингвистики текста). Одним из основателей отечественной психолингвистики по праву считают Николая Ивановича Жинкина (1893–1979). Инновационные работы ученого в области исследования речевой деятельности, семиотических аспектов общения, механизмов внутренней речи и речевых расстройств получили признание в отечественной науке и широкую международную известность. Они стали основанием для решения практических задач развития речи на родном и иностранном языке и не потеряли своей актуальности, отчасти сохраняя инновационность и на сегодняшний день. Основные положения теоретического наследия ученого нашли отражение в его монографиях и других опубликованных работах [Жинкин 1958; 1982; 1998; 1964]. Устанавливая границы понятий, Н.И. Жинкин давал такие определения тексту: «Текст – это единица речи, так как в нем представлена вся стихия языка. Он объединяет все элементы, компоненты языка, все его составляющие в определенную систему»; «Текст как речевая единица является средством общения, познания»; «Развитие речи учащихся идет путем вычленения элементов из целого, а не путем составления целого из элементов» [Жинкин 1998: 274]. Исходя из этого строилась теория порождения текста (произвольного и непроизвольного управления речевым процессом), выделялись грамматический и смысловой уровни (этапы). Замысел лежит в основе смыслового этапа порождения речевого произведения, на его основе текст может быть развернут на грамматическом уровне порождения на любом языке. Описан ряд мыслительных операций, связанных с механизмом отбора, в том числе удерживания, упреждения. Рассматривается система ограничений (иерархия подтем сообщения) и пр. аспекты текстопорождения. Строится теория понимания текста как процесс свертывания информации, когда между коммуникантами производится перевод с естественного языка, являющегося общим для всех его носителей, на внутренний, субъективный язык с тем, чтобы затем снова перейти к относительно общему, объективному. Вводится понятие «смысловые вехи». Активизируя знания, представленные в тексте, они ведут к осмыслению последовательности слов этого текста. «Смысловые вехи» – это точки, в которых происходит пересечение общего, объективного и индивидуального, субъективного. Дальнейшая интеграция приводит к образованию целостного образа содержания, в основе которого лежит «предметно-схемный код» (УПК). Проводится анализ структуры содержания текста. В основе методики анализа текста, предложенной Н.И. Жинкиным, лежит представление о главном предмете высказывания или описания, под которым понимается реальный предмет действительности, данный в восприятии. Подчеркивается принципиальное

отличие непосредственного восприятия этого предмета и его описания в тексте. Оно заключается в том, что в восприятии разнообразные признаки, особенности и качества предмета даны слитно, а не раздельно. При описании предмета эти признаки выделяются, а затем объединяются по-другому в словах и предложениях. Н.И. Жинкин не предлагал конкретного способа отображения структуры содержания текста, это сделал А.И. Новиков, предложив денотативный анализ и денотатный граф как метод выявления соответствующих субъектов, их предикатов и иерархии их отношений. Анатолий Иванович Новиков (1938 – 2003) был учеником Н.И. Жинкина. С 1977 по 2003 год он работал в Институте языкознания АН СССР (РАН). Докторская диссертация А.И. Новикова была посвящена теме «Структура содержания текста и возможности ее формализации». В его научном наследии можно выделить два направления (этапа): разработка проблемы формализации семантики текста и проблемы определения смысла. Итогом работы ученого стали психолингвистическая теория текста и «теория смысла» [Новиков 2007]. Основные результаты исследования можно сформулировать следующим образом: 1) предложена и экспериментально отработана методика исследования процесса понимания, известная сегодня как метод «встречного текста»; 2) сформулированы определения *содержания* и *смысла* текста как результатов понимания, в основе формирования которых лежат различные речемыслительные механизмы; различными являются и те ментальные образования, которые формируются в сознании воспринимающего текст. В связи с этим А.И. Новиков дает следующие определения содержания и смысла: *содержание* – это *проекция текста на сознание*, *смысл* – это *проекция сознания на текст*. Интегративным признаком смысла может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности в том понимании, которое включал в него А.А. Ухтомский. Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается всеми как таковой. Один из основных тезисов теории текста: смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысляющей текст. Принадлежностью текста является структура содержания, которая и может быть объектом формализации. В настоящее время научная школа А.И. Новикова представлена Пермским направлением, где приоритет отдается разработке компьютерных методов анализа текста на естественном языке [Российская психолингвистика...2021], а также исследованию процесса понимания иноязычного текста в процессе перевода (метод «встречного текста»). Второе направление – Уфимское, приоритетом для которого является разработка интегративной модели понимания текстов различных типов [Российская психолингвистика...2021].

Вопросы регуляции речевого поведения

В докладе д-ра филол. наук, канд. психол. наук, доцента, профессора дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета **Сергея Владимировича Мыскина** (Москва) «Проблема языковой личности в междисциплинарных исследованиях» был отмечен комплексный характер феномена языковой личности, познаваемый междисциплинарно в рамках нескольких наук, обозначены актуальные направления исследования языковой личности, показана значимость теории языковой личности в концепции Ю.Н. Караулова, вклад ряда других

ученых-лингвистов. Автор делает акцент на психологической составляющей в аспекте интериоризации и изучения речи как универсального средства регуляции поведения. В докладе были затронуты вопросы дискурса психологического насилия и в целом деструктивной речевой коммуникации. Автор раскрывает содержание понятия *языковой безопасности* с психологической точки зрения, дает классификацию признаков *патогенности речевого сообщения*, видов и форм деструктивных и симулятивных текстов. Раскрывается понятие *патологии языковой личности*. Результаты прикладных исследований по этому направлению публикуются на сайте электронного научного журнала «Организационная психолингвистика» www.psycholinguistic.ru.

Онтогенез и возрастная специфика языковой личности

Алексей Дмитриевич Кошелев (Москва), канд. физ-мат. наук, доц., директор Издательского дома «Языки славянских культур» (Москва) в своем докладе «О взаимосвязанном развитии видов детского мышления (обыденного, технического и абстрактного) и лексического значения (в работах Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и других представителей отечественной школы развития мышления)» отметил, что отечественная школа развития мышления (Л.С. Выготский [Выготский 1996], А.Р. Лурия [Лурия 1974], П. Тульвисте [Тульвисте 1988], В.Н. Романов [Романов 2014] и др.) внесла неопределимый вклад в копилку общемировых исследований мышления человека. Основные положения этой школы заключаются в следующем: вербальное мышление социально развитого человека не однородно и не универсально. Оно распадается на несколько самостоятельных видов, которые обусловлены типами человеческой деятельности (практической, теоретической, художественной и др.) и задачами, характерными для данного типа деятельности. Обыденное или практическое мышление присуще всем людям, независимо от их возраста и образованности. Что же касается теоретического или абстрактного мышления, то оно не появляется у человека спонтанно, само собой. Оно является социально обусловленным и формируется у человека по мере получения им образования. Например, у школьника оно возникает после 11-12 лет. С этого времени он обретает способность к умозаключениям, которые опираются не на его конкретные, житейские знания, а на произвольные (априорные) допущения. Так, согласно экспериментам Лурии, неграмотные узбекские крестьяне легко решали простые счетные задачи типа «определить время пути до известного им города, скажем до Ферганы, по известному расстоянию и скорости движения». Однако они не могли решать эти же задачи, если исходные данные противоречили их знаниям (например, когда заданное в задаче расстояние до Ферганы резко расходилось с реальным расстоянием, известным крестьянам). Они отказывались решать такие задачи, говоря, что исходные данные не верны. В то же время, их односельчане, поучившиеся в школе (по программе ликбеза) хотя бы 2-3 года легко решали подобные задачи. В докладе были развиты и конкретизированы некоторые из этих положений. В частности, показано, что существует еще один, технический вид мышления, лежащий по времени возникновения между обыденным и абстрактным видами. Он возникает у ребенка в период от 4-5 до 10-11 лет и связан с решением задач элементарного конструирования (сборки целого из частей и под.). Кроме того, поскольку в разных видах вербального мышления используются в большинстве своем одни и те же слова естественного языка, было показано (вслед за Выготским и др.), что эти слова употребляются в разных значениях, точнее, в разных вариантах основного значения,

соответствующих типам обсуждаемых задач (подробнее о гетерогенности мышления см. [Кошелев 2022]).

Д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского **Лариса Олеговна Бутакова** (Омск) представила доклад на тему «Русская региональная языковая личность сквозь призму аксиологических оппозиций». В нем на материале результатов ассоциативных экспериментов, проведенных в г. Омске в 2023–2024 гг., показаны аксиологические компоненты сознания языковой личности незрелого носителя русского языка как смысловые поля, организованные бинарными оппозициями ‘друг / враг’, ‘добро / зло’, ‘правда / ложь’. Речевая деятельность жителей региона на основе указанного материала представлена в парадигме теории опознавания языкового знака А.А. Залевской (применено понятие «опор» или стратегий семантизации) и понятия «речевого действия», введенного А.Н. Леонтьевым и развитого в российской психолингвистической школе (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова, Н.И. Степыкин). Было установлено, что оппозитивные языковые знаки вызывают стратегии семантизации, сходные частично, что проявляется в несимметричности выбора опор опознавания знака на фоне наличия сходных стратегий, обусловленных частью речи и характером значения стимула. Для всех рассматриваемых пар актуальны стратегии выбора единиц парадигматической области (оппозитов / симиляров), персональной субъективизации, профессиональной или социальной субъективизации, предметизации, атрибутирования, оценки, индивидуально-ассоциативного соотношения. Стабильные зоны каждой аксиологической области связаны с устойчивостью отношений по симилятивным и оппозитивным (особенно это актуально для стимулов ‘добро’ / ‘зло’, ‘правда’ / ‘ложь’), признаковым и предикативным линиям. Динамика смысловых областей обеспечивается появлением графических знаков, слов других языков, идеологически окрашенных реакций, не выходящих за границы единичных употреблений. Различия оппозитивных аксиологических смысловых областей состоят в преобладании значимости области персональной субъективизации для стимула ‘враг’ и предметности для стимула ‘друг’, области действий, ситуаций у стимулов ‘добро / зло’, отсутствии области персональной субъективизации у стимула ‘правда’, важности области предметизации для стимулов ‘правда’ / ‘ложь’.

В докладе д-ра филол. наук, проф. кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского **Елены Николаевны Гуц** (Омск) «Представление подростков о человеке: опыт диахронического исследования» использовались материалы исследования ассоциативных полей, полученных автором из двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2002 и в 2022 гг. Эксперименты были проведены по единой методике и на одном и том же стимульном списке. Объем выборки составил 500 человек. Базы практики: одни и те же школы и колледжи (в 2004 году – СПТУ) г. Омска. Цель исследования – установить сходство и различие в ассоциировании у подростков двух поколений. Для решения частной задачи – выявить особенности представления подростков о человеке в гендерном и возрастном измерениях – были взяты четыре одноименных ассоциативных поля: «Человек», «Мужчина», «Женщина», «Ребенок». В ходе анализа ассоциативных полей определялось соотношение ядра и периферии в каждом поле,

выявлялись одинаковые реакции в одноименных полях, на основе этих подсчетов делался вывод о стабильности ядерных элементов и подвижности ближней и дальней периферии. Исследуя состав ассоциативных полей, их лексико-семантическое наполнение, автор обращает внимание и на изменение характера ассоциирования, соотношение разных типов реагирования: парадигматического (собственно-семантического), синтагматического (развертывания до словосочетания), собственно ассоциативного. Антропоцентрический подход к исследуемому языковому материалу определил возможность применения модели языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым. Вербально-семантический и когнитивный уровни модели языковой личности представлены семантическими гештальтами исследуемых ассоциативных полей. Сравнительный анализ семантических гештальтов позволил определить ядерные элементы в исследуемом фрагменте языковой картины мира подростка, анализ оценочных реакций в ассоциативных полях – сделать вывод об изменениях на мотивационном (прагматическом) уровне усредненной (обобщенной) языковой личности подростка. Комплексный анализ одноименных ассоциативных полей, смоделированных на материале экспериментов, разделенных двадцатью годами, сделал возможным представить динамическую модель языковой личности подростка.

Стереотипизация представлений о профессиональной языковой личности

Доклад д-ра филол. наук, профессора кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета **Елены Владимировны Харченко** (Челябинск) был посвящен теме «Языковая личность профессионала: психолингвистический подход». Поскольку языковая личность находится в социуме и подвергается оценке со стороны окружающих, ее проявления могут находиться под влиянием ситуации, контекста, стереотипные представления о профессиональной языковой личности могут фиксироваться в языковом сознании носителей культуры. В докладе излагались результаты исследования «Образ женщины-ученого глазами жителей Южного Урала» с учетом следующих уровней восприятия и оценивания человека: миссия, параметры Я-идентификации, убеждения, ценности, основные характеристики, характер, поведение, в том числе речевое, внешний вид, окружение. Исследование проводилось с целью выявить актуальные признаки образа женщины-ученого в языковом сознании жителей Южного Урала. Основной метод исследования – авторский вариант направленного ассоциативного эксперимента, реализованный в виде опроса в сети интернет (с помощью гугл-таблиц). В исследовании приняли участие **1518** человек (преподаватели, сотрудники и обучающиеся вузов и колледжей). Автор дала подробный анализ результатов по всем рассмотренным параметрам и пришла к выводу о том, что у респондентов сложился неоднозначный образ женщины-ученого, который иногда следует, а иногда противоречит сложившимся стереотипам.

Социокультурные ресурсы в межнациональном общении

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Центра психолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН **Нина Иннокентьевна Иванова** (Якутск) представила доклад: «Языковые практики и языковые идеологии современных носителей русского языка (на материале г. Якутска)». Мониторинг языковых практик и языковых идеологий этнических сообществ актуален для обоснования интеракции

в полиэтнических обществах, в том числе в контексте лингвистической прогностики, при этом интегрированный этносоциопсихолингвистический подход способствует комплексному исследованию существующих убеждений, мотивов в языковых практиках. Предлагаемый автором подход посредством кросс-культурного анализа расширяет потенциал исследования билингвального коммуникативного пространства – сопоставление эмпирического материала, полученного у этнических русских и саха, – позволяет синтезировать взаимно обусловленные, достаточно чувствительные количественные и качественные индикаторы. Отбор наиболее релевантных переменных, отражающих ценности в сфере языковой идентичности, функционирования языков, национально-языковых отношений из всего массива авторской базы социолингвистических данных 2007–2024 гг., вводит в научный оборот динамику языковых практик и языковых идеологий, детерминированную этнодемографическими, лингводемографическими, политическими и проч. факторами. Языковые идеологии представлены автором с позиций, заданных в работах российских и зарубежных исследователей Э.В. Хилхановой, Spolsky, Daily-O’Cain 2013, Schiffman.

Исследование позволило установить наличие достаточно выразительных социокультурных ресурсов для взаимного уважительного отношения к языку другого этноса, обусловленных потребностью их носителей. Языковое сосуществование саха и русских подразумевает использование позитивных, положительно направленных моделей, способствующих социальному контакту. В целом, выбранные автором параметры для характеристики языковых идеологий репрезентируют объект исследования. Перспективу исследования автор связывает с формированием целостного понятия «языковые идеологии», для чего необходимо установить более глубокие ментальные качества объекта исследования.

Культура письма как фактор национальной идентичности

Д-р филол. наук, г.н.с. сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН, проф. кафедры общего и русского языкознания ГИ НГУ **Игорь Ефимович Ким** (Новосибирск) в докладе на тему «Кириллическое письмо как фактор национальной идентичности: эволюция формы и состава знаков» показал результаты изучения роли письма в формировании и отражении идентичности представителя этноса – носителя языка. При этом И.Е. Ким выявил следующие параметры письма в атрибутике культуры: письмо как символ культуры и этнической самобытности; письмо как средство отражения национального эстетического идеала; функция письма в качестве заместителя автора текста в неконтактной речевой коммуникации и средства отражения индивидуальных и социальных характеристик автора. И.Е. Ким показал одну из важных особенностей письменной коммуникации, в которой, как правило, отсутствует прямой речевой контакт, а значит, ситуативные и константные характеристики автора высказывания оцениваются по типическим и индивидуальным характеристикам письменного текста как заместителя автора, в той или иной мере отождествляемого с ним.

И.Е. Ким показал, что используемая система письма формирует у адресата восприятие прежде всего обобщенных социальных характеристик автора, а не его индивидуальных свойств, которые лучше проявляются при контактной коммуникации посредством речи. Роль системы письма в формировании образа автора текста рассматривалась в контексте двух векторов цивилизационной идентичности русского народа. Первый вектор автор соотнес с началом и развитием кириллического

письма до XVII–XVIII вв., с ориентацией на Византию и южнославянские народы, а второй – с н. XVIII в., с ориентацией на Западную Европу. Были показаны варианты реализации письма в разные периоды истории языка, включая создание «гражданского шрифта». В итоге автор предложил «условную хронологию русского письма», которая составлена не просто с учетом датировки появления той или иной разновидности письма, а соположена определенным значимым социально-политическим событиями или процессам в жизни народа, эстетическому идеалу, реализуемому в исполнении текста и этнополитическому вектору международных политических, экономических и культурных контактов.

Методы изучения образа мира сквозь призму паремиологии

Д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета **Марина Витальевна Влавацкая** (Новосибирск) посвятила свой доклад «Комбинаторная паремиология как раздел изучения новых паремий в структуре комбинаторной науки о языке» комбинаторной лингвистике, которая занимается исследованием сочетаемостных свойств единиц языка и их комбинаторным потенциалом [Влавацкая 2016]. Языковая комбинаторика отличается сложностью и многогранностью, и в зависимости от поставленных целей изучается в рамках как теоретического, так и прикладного языкознания. К теоретическому направлению относится, например, теория коллокаций, описывающая разные типы (этнокультурные, окказиональные, экспрессивные, колоративные, терминологические и др.), свойства и функции этих единиц. К прикладной области относится комбинаторная лингводидактика, лексикография, транслатология, девиатология и др. Особое внимание в докладе уделяется комбинаторной паремиологии, исследующей структурные типы преобразования традиционных паремий (поговорок, афоризмов и т.п.) в новые паремии (антипоговорки) и выявляющей когнитивные предпосылки таких трансформаций в качестве результата отрицания сложившихся в национальной картине мира стереотипов. В докладе рассматривается образование новых паремий с гендерным (феминным) маркером в русской антипоговорочной картине мира. Метод комбинаторно-динамического анализа позволяет выявить структурные механизмы их образования, определить семантические признаки модифицированных единиц, распределить их по семантическим группам и на этой основе создать функционально-семантическую модель, состоящую из двух семантических секторов:

- 1) женщина как отдельный гендер и
- 2) отношения между мужчинами и женщинами, которые включают супружеские отношения, отношения вне брака и оба этих типа отношений с учетом меркантильных интересов женщины.

Данная модель отражает динамику семантики, обусловленную экстралингвистическими причинами и эволюцией когнитивного сознания представителей русской лингвокультуры. Исследование показывает, что структурная трансформация традиционной паремии происходит в основном по принципу языковой комбинаторики, ведет к ее семантической модификации и приобретению новой функции в процессе речевой коммуникации.

Доклад д-ра филол. наук, профессора кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета **Елены Юрьевны Мягковой**

(Тверь) «Образ мира через его отражение в языковых средствах (на материале русских и персидских пословиц) был представлен в русле начатой Н.В. Уфимцевой дискуссии о так называемом «пятом квазиизмерении». Е.Ю. Мягкова подняла вопрос о мотивации исследователя при изучении *образа мира* на фоне разнообразия подходов у существующих исследовательских парадигм. Кроме того, автор отметила трудности, связанные со смежностью понятия *образ мира* с другими понятиями: *языковое сознание*, *картина мира* и пр. В этой связи Е.Ю. Мягкова сопоставила пять разных определений понятия *образ мира*, с особым акцентом на квазиизмерении выхода через сенсорные модальности к амодальности мира, невидимых, сверхчувственных качествах в значениях, соотнесении индивидуально-личностного с инвариантными смыслами как социальными образованиями. При таком анализе необходимо учесть специфику конкретно-предметных значений культуры, а также фактора онтогенеза, когда развитие познавательных способностей идет параллельно развитию эмоционально-аффективной сферы ребенка, что в конечном итоге дает сложные психологические новообразования. *Образ мира* – парадоксальное и динамическое образование, в нем могут по-разному сочетаться рациональные и эмоциональные характеристики личности. Можно ли в таком случае выявить *инвариант образа мира*? Материал пословиц оказывается особенно благодатным для такого анализа. Известно, что средства вербализации эмоций проявляют себя разнообразно на всех уровнях языка. В лексической и структурной организации пословиц и поговорок, как показало сравнительное исследование этого материала в персидском (персидский материал рассмотрен Симой Эбади [Эбади, Мягкова 2024]) и русском языках, можно найти в свернутом виде особенности жизни социума и языка. В частности, отношения людей друг к другу, религиозные верования, нравственные нормы и мн. др. В персидской культуре особое место занимают пословицы, пришедшие из персидской поэзии. Сравнение русского и персидского материала проводилось по трем основным параметрам:

- 1) сходство или различие компонентов в составе пословиц;
- 2) сходство или различие образов;
- 3) сходство или различие значений [Нассири 2012].

Так, например, пословица «В гостях хорошо, а дома лучше» имеет полный эквивалент по всем трем параметрам, а «как огурчик», намекая на крепкое здоровье и хорошее самочувствие в русской культуре, в персидской прочитывается по-другому, поскольку называет лентяя, бездельника [там же]. Наблюдается существенное совпадение главных тем, охваченных пословицами в обоих языках (родина, дом, вера, Бог, и мн. др.), сходство в нравственных оценках (народной мудрости). Однако материал также показывает, что для получения более надежных результатов необходимо использовать дополнительные экспериментальные методики экспликации культурно-специфичной составляющей, особенно в плане эмоционально-чувственных особенностей.

© Шапошникова И.В., 2024

Литература

Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.

Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. (Серия «Монографии НГТУ»).

- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
- ЕВРАС – Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. 688 с.
- Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1958.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
- Жинкин Н.И.* Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998.
- Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. №6. С. 26–38.
- Иванов А.В., Попков Ю.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю., Бондаренко С.И., Артамонова Т.А., Каланчина И.Н., Журавлева С.М., Апеньшиева Л.Г.* Цивилизационная миссия Сибири: от техногеннопотребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Кошелев А.Д.* О раздельном (гетерогенность) существовании трех видов вербального мышления: практического, технического и теоретического // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. ч. 3. С. 378–391. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-378-391
- Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 172 с.
- Лурье С.В.* Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122-148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077
- Лурье С.В.* Отношение к межэтническим бракам как симптом формирования российской идентичности // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 68–80. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.20j9-ge83
- Лурье С.В.* «Многоязычие»: особенность формирования этнической идентичности «Тягубя» – потомков от межэтнических браков российских корейцев // Петербургская социология сегодня. 2020. Выпуск 13/14. С. 61–85. DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.40cc-vy24
- Лурье С.В.* Национальная политика России: анамнез, диагноз, курс лечения... <http://www.svlourie.ru/>
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. М., 2008; 2010.
- Марковина И.Ю.* Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения. Этнопсихолингвистические основы лакунологии. 2011.
- Нассири М.* Фразеологизмы в персидском и русском языках: сопоставительный аспект разных видов // Наука и школа, 2012. № 1. С. 61–63.
- Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977.
- Никуличева Д.Б.* Говорим, читаем, пишем: лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учеб.-метод. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013.
- Никуличева Д.Б.* Как найти свой путь к иностранным языкам: лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учеб.-метод. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007

Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Институционализация Новосибирской научной этносоциологич. школы: идеи, подходы, формы деятельности // *Respublica Literaria*. 2020. Т.1. №. 1. С. 103–117. DOI 10.47850/RL.2020.1.1.103-117.

Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск, 2022.

Попков Ю.В. Новосибирская научная этносоциологическая школа: формирование, концептуальные основания, практические приложения, взаимодействие с основоположниками этносоциологии // *Этносоциология: поиски и свершения* / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина). М.: ИЭА РАН, 2022.

Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в концептосфере новосибирской научной этносоциологической школы // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2023а. Т. 30. №2. С. 14–23. DOI: 10.15372/HSS20230202.

Попков Ю.В. Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // *Этнография*. 2023б. № 3 (21). С. 203–223. DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223.

Попков Ю.В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // *Новые исследования Тувы*. 2023в. № 1. С. 137–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>

Попков Ю.В. Антропологический переворот и вызовы для этносоциологии // *Социологические исследования*. 2024. №9. С. 43–55. DOI 10.31857/S0132162524090047.

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.

РИ – Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: Монография / Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022

Романов В.Н. Культурно-историческая антропология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 362 с.

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. Ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания – ММА, 2021. 626 с.

Савинов Л., Симагина О., Скорых Н. Стратегия государственной национальной политики: результаты и перспективы концептуализации // *Вестник Российской нации*. №5 (92). 2023. С.9–20.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под.ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во Московского университета, 1977.

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2024 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru>.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Этнопсихолингвистика. М., 1988.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. М., 1994.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018.

Тишков В.А. Научные основы и мировой контекст российской модели национального строительства // Вестник Российской нации. 2024. №1 (94). С. 9–22.

Тувльviste П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин: Валгус, 1988. 342 с.

Харченко Е.В. Корпоративная культура профессионалов: попытка описания // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. С. 205–212.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020 (Studia philologica).

Шапошникова И.В. Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем // Сибирский филологический журнал. 2023а. № 2. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/83/23

Шапошникова И.В. Системность и целостность языка в контексте интегрированного знания о человеке // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023б. С. 10–33, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33

Шапошникова И.В. К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека // Вопросы психолингвистики №3(61). 2024а. С. 86–110, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-86-110

Шапошникова И.В. Парадигма «национального» у русской языковой личности (по материалам ассоциативно-вербальной сети) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024б. Т. 22, № 2. С. 64–79. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-64-79

Эбади С., Мягкова Е.Ю. Отражение образа мира в языке (на материале персидских пословиц) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 1 (80), 2024. С. 288–295.

Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996.

Сведения об авторе:

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения российской академии наук (ИФЛ СО РАН)

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Для цитирования:

Шапошникова И.В. Круглый стол «Русская языковая личность в межнациональном общении» // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 118–143. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-118-143

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-62-4-118-143

Review article

**ROUND TABLE DISCUSSION “THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY
IN INTERNATIONAL COMMUNICATION”**

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology SB RAS

Novosibirsk, Russia

Abstract

In this article the author reviews the basic materials of the plenary session within the conceptual framework of the Annual Round table discussion “The Russian language personality in international communication”, which took place in Novosibirsk on the 25th–26th of October 2024. The Round table discussion was organized and held by the Department of the Russian language in Siberia (The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) in collaboration with the Institute of Humanities (Novosibirsk State University) and Leontyev scientific and educational center (Moscow). The Round table was dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. The plenary discussion was concerned with a number of fundamental and practical issues connected with the main goals of contemporary research on the RLP’s functioning under modern conditions of life in the Russian state-civilization. The other issues in the focus of the plenary session concerned the potential and subject matter of the domestic academic science with its diagnostic methodological toolkit which is applicable to speech activities, communicative behavior, and international relations in this country; the development of current scientific schools of thought and new interdisciplinary achievements of linguistics and its sister-sciences. In particular, on the Russian experimental and empirical data the following key problems were under consideration: the subject matter of ethnography, ethnology, and anthropology, some key aspects of research on the phenomenon of ethnos and interethnic communication in the light of recent discussions about the strategy of the state national policy; different methods and approaches to the study of Russian image of the world; ethnocultural, demographic, and other dimensions of the regional linguistic situations in Russia (especially in the Asian-Pacific region), the specific associated problems of formation and functioning of the RLP under new unstable geopolitical conditions; the issue of interdisciplinary collaboration in the sphere of experimental psycholinguistic study of national feelings of Russian young people, their complementarity in international relationships; regulation of speech behavior; ethnic profiles and professionally specific features of the RLP; ontogenesis and diagnostics of age-specific socio-communicative attitudes of the RLP. Yakut, Persian, Mongolian, Chinese, English, and other linguo-cultural illustrative materials were used by the speakers who presented the results of their comparative studies.

Keywords: Russian language personality, international communication, 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, study of the Russian civilization, academic scientific schools of interdisciplinary linguistics, traditions and new achievements

© Shaposhnikova I.V., 2024

Bionotes:

Irina V. Shaposhnikova – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the Russian language in Siberia, Institute of Philology (Siberian Branch) of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

8, Nikolayev st., Novosibirsk, Russia, 630090

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

For citation:

Shaposhnikova I.V. Round table discussion “The Russian language personality in international communication” // Journal of Psycholinguistics. 4(62), 2024. P. 118–143. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-118-143 (In Russian)

АКСИОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Милованова Мария Станиславовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Аннотация

Обзорная статья написана по результатам III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности», состоявшейся в Москве в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина 14–15 ноября 2024 года.

Ключевые слова: аксиология, семантика, прагматика, идентичность

В Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина прошла традиционная Международная научная конференция «**Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности**». Два дня, 14 и 15 ноября 2024 года, были посвящены обсуждению вопросов современной лингвоаксиологии.

Настоящая конференция (и третья по счету) – новый этап научно-исследовательского проекта в области изучения *языка ценностей*, реализуемого коллективом Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.

Первая конференция, посвященная проблемам лингвоаксиологии и состоявшаяся в 2020 году и привлекая внимание научной общественности, способствовала лучшему пониманию направлений исследования, среди которых важнейшим стало *дискурсивно-прагматическое*: новый тип дискурса – *дисплейный текст* – формирует новый тип коммуникации и новые ценностно ориентированные смыслы. Вопросы их взаимодействия с традиционными ценностями и отражение этих связей в современном языке и коммуникации составили проблематику второй конференции, проходившей в 2022 году. Материалы и основные результаты исследований нашли отражение в коллективной научной монографии «Общая и русская лингвоаксиология» (М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, 2022) и в сборниках конференций (2020, 2023).

Специфика конференций, проводимых Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, заключается в многоаспектном изучении проблемы ценностей, отраженных в языке: языковая аксиология рассматривается как общелингвистическая проблема, то есть на уровне изучения фактов языка / речи / текста-дискурса; на уровне семантики и прагматики; в аспекте синхронии / диахронии / микродиахронии.

Все три конференции были объединены целью – интеграция усилий лингвистического сообщества по комплексному изучению современной российской аксиосферы и, в частности, возможных трансформационных процессов в аксиологическом сознании носителей русского языка, отражением которых являются различные языковые / дискурсивные инновации.

Вместе с тем каждая новая конференция фокусирует внимание на определенном ракурсе – рассмотрение проблемы языковой аксиологии *текущего момента*.

Одной из задач конференции стала мысль о русском языке – хранителе традиционных ценностей, и актуализация в сознании современников представления о них. Идея конференции задана эпитафией: «Именно русский язык несет в себе культурный код и духовность нашего государства». Слова академика В.Г. Костомарова, основателя и первого ректора Института им. А.С. Пушкина определяют вектор исследований – доклады участников детализируют эту важную мысль о *ценности русского языка* как носителе ценностных ориентиров в жизни России и мировой цивилизации.

Статус конференции определяется не только количеством поданных заявок (более 130), но интересом и составом участников – ведущих лингвистов из российских университетов от Калининграда до Владивостока. Среди участников конференции – такие ведущие исследователи в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, как С.Г. Воркачев (Краснодар), В.В. Воробьев (Москва), В.И. Карасик (Москва), Т.Б. Радбиль (Нижний Новгород), Г.Г. Слышкин (Москва), Т.В. Маркелова (Москва), В.А. Марьянчик (Архангельск), М.В. Пименова (Владимир), В.И. Теркулов (Донецк) и др.

Проблематика конференции привлекла внимание коллег из Беларуси, Молдовы, Казахстана, Кыргызстана, Китайской Народной Республики. В конференции приняли участие исследователи из 20 городов России – представители 30 российских вузов, в том числе 38 профессоров, известные ученые и молодые исследователи – аспиранты, магистранты, студенты.

Первый день работы конференции начался с выступления проректора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Дины Анатольевны Горбатовой – прозвучали приветственные слова в адрес участников конференции и сердечные поздравления в адрес Бориса Ивановича Фоминых, первого декана филологического факультета в связи с днем его рождения и присвоением ему звания «Заслуженный профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина».

В пленарных докладах первого дня конференции нашли отражение вопросы теории и методологии современного исследования в области лингвистической аксиологии.

Открывавший пленарное заседание доклад д.ф.н., проф. М.В. Пименовой «Выражение оценки в диахронии и концептуальные формы русской ментальности» был посвящен способам выражения оценки в древнерусском тексте, то есть возвращал слушателей к истокам формирования современных оценочных смыслов, являющихся частью русской ментальности. В докладе д.ф.н., проф. А.В. Циммерлинга в традициях и терминах научной школы теоретической лингвистики был описан процесс грамматикализации существительного «правда» и формирования уступительной семантики у слова «правда», близкого союзу «хотя» (доклад «От божьей правды к уступке»). Д.ф.н., проф. В.И. Теркулов в докладе «Языковая, социокультурная и политическая идентификации личности как конструкты ее этнического профиля» предлагает способ этнической идентификации личности, при котором три параметра учитываются одновременно. Доклад д.ф.н., проф. Т.В. Маркеловой был посвящен семиотическому аспекту изучения русской оценочной концептосферы – в результате исследования были выделены и систематизированы лексические знаки-функции, знаки коннотации, знаки-прагмемы (доклад «Триада аксиологических знаков –

функция, прагмема, коннотация – как семиосфера оценочной лексики»). Д.ф.н., проф. С.Г. Воркачев при исследовании контекстов речевого употребления лексемы «символ», выявил, что в случае выражения абстракций речь идет об отношениях характеристики, а в случае геометрических образов семиотическая связь скорее условна, чем мотивирована и значение символа определяется культурой и временем (доклад «Символизация абстракций и геометрия символа в языковом воплощении»). Д.ф.н., проф. Киргизско-Российского Славянского университета З.К. Дербишева (Киргизская Республика) в докладе «Аксиологический аспект грамматики русского языка» представила факты русской грамматики на фоне киргизского языка – сопоставительный материал актуализирует оценочные смыслы или их отсутствие. Д.ф.н., профессор Пекинского университета Чжоу Хайянь (Китайская Народная Республика) посвятила доклад детальному анализу грамматических свойств слова *давай* с позиций теории синхронной переходности, одним из грамматических воплощений которого является междометие (доклад «Русские междометия в аспекте теории переходности»). В докладе д.ф.н., проф. Е.С. Шереметьевой «Аксиологический потенциал текстовых скреп» были представлены результаты исследования текстовой скрепы «одно дело – другое дело», служащей средством связи одновременно и в предложении, и в тексте. В докладе д.ф.н., проф. Т.Б. Радбиля описана процедура фронтального корпусно-дискурсивного анализа, результаты которого позволяют объективировать данные об имплицитной оценке в значениях лексических единиц (на примере прилагательного «знаковый»). Д.ф.н., проф. К.В. Киуру в докладе «Художественное пространство сериала как репрезентант смещенных ценностей героя» (в соавторстве с магистрантом Челябинского государственного университета С.В. Линьковым) представил результаты анализа кинодискурса – на материале сериала «Рипли» были выявлены такие смещенные, то есть сознательно замененные героем, ценности, как желание обладать и необходимость мимикрировать ради этого обладания.

В заключение пленарного заседания д.ф.н., проф. Г.Г. Слышкин, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Президентской академии, и к.ф.н. И.В. Смирнова, эксперт научно-исследовательской лаборатории, посвятили слушателей в содержание проекта «Антимошенник» – разработанный в результате выявления и анализа ключевых слов и фраз алгоритм распознавания мошеннических намерений (доклад «Социально ответственная лингвистика: презентация лингвопросветительского проекта Президентской академии «Антимошенник»).

В рамках конференции было проведено пять секций («Аксиологические характеристики современных типов дискурсов», «Аксиологические параметры актуальной русской языковой картины мира», «Аксиологические аспекты семантики: слово и концепт», «Аксиологический потенциал языковых категорий и единиц: диахрония, синхрония, микродиахрония», «Ценности и ценность художественного текста: лингвистический аспект»), мастер-класс д.ф.н., проф. В.И. Карасика и круглый стол «Русское слово – русский знак – русский текст: прогнозы и перспективы» (ведущий – д.ф.н., проф. Г.Г. Слышкин). По замыслу организаторов конференции, круглый стол не только подводит итоги конференции, но и определяет направление исследований, проблематика которых составит основу будущей конференции. Материалы конференции нашли отражение в сборнике «Аксиология и когнитивная лингвистика» (М., 2024).

Форум, собирающийся раз в два года – *биеннале*, по остроумному замечанию одного из участников конференции, способствует оформлению современной научной парадигмы – *лингвоаксиологии* как перспективного направления в развитии когнитивной лингвистики.

Научные издания, подготовленные Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Вопросы современной лингвоаксиологии»:

- Аксиология и когнитивная лингвистика. Материалы III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» 14–15 ноября 2024 года [Электронный ресурс] / М.С. Милованова (отв. ред.); В.И. Карасик, Т.Б. Радбиль, Г.Г. Слышкин и др. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 458 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.mail.ru/public/LoqR/ftYuX2BXz> (дата обращения: 26.12.2024)
- Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых и др.; Институт языкознания РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с. ISBN 978-5-98269-258-0
- Современная лингвоаксиология: Россия – Кыргызстан в научном диалоге: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.). М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 2023. 346 с. ISBN 978-5-98269-323-5
- Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 280 с. ISBN 978-5-98269-236-8
- Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. [Электронное издание] / ред. кол.: М.С. Милованова (отв. редактор). – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 236 с. ISBN 978-5-98269-306-8

Сведения об авторе:

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Контактная информация:

117445, Москва, ул. Академика Волгина, 6.

ORCID 0000-0002-0204-028X

e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Для цитирования:

Милованова М.С. Аксиология и когнитивная лингвистика // Вопросы психолингвистики №4(62) 2024, С. 144–147. doi: 10.30982/2077-5911-2024-62-4-144-147

РЕЦЕНЗИИ

**Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения
Нины Давидовны Арутюновой / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: «Канцлер»,
2024. 510 с.**

Сборник научных статей «Язык и мир» издан в серии «Логический анализ языка» в 2024 году и посвящён памяти Нины Давидовны Арутюновой — блестящего лингвиста-теоретика, специалиста в самых разных областях — русского, романского, английского и общего языкознания, а также теории и философии языка, выдающегося организатора науки, учёного с мировым именем. В сборник вошли статьи, написанные по материалам избранных докладов памятной конференции «Язык и мир», которая состоялась 11—13 мая 2023 года в Институте языкознания РАН и была организована к столетию со дня рождения Н.Д. Арутюновой.

Проблематика сборника отвечает научным интересам Н.Д. Арутюновой. В книге рассматриваются вопросы так или иначе затронутые в известной работе Нины Давидовны — «Язык и мир человека» (М., 1998), которая и сегодня служит ориентиром для многих лингвистов. В рецензируемом сборнике две тематические доминанты: «язык» и «мир», в частности: понятие «мир» и его отражение в языке; концепт МИР в разных национальных языках: лексическая семантика, грамматика, словообразование, сочетаемость, вопросы перевода; мир личности и его концептуализация в современном гуманитарном познании; метафоры мира в лексике и фразеологии; явления мира

и их отражение в мифологии и фольклоре; образы и координаты мира в художественной литературе и искусстве; семантика и прагматика мира в социальном контексте; мир человека и окружающий мир в лингвистическом представлении.

Сборник предваряет слово от редактора, М.Л. Ковшовой, а также портрет-воспоминание о Нине Давидовне, написанный В.А. Плунгяном и Е.В. Рахилиной. Затем следует статья Н.Д. Арутюновой «Отзвуки былых эпох в современном русском языке», впервые опубликованная в 2005 году. Статья Нины Давидовны задаёт тон всей книге, как это было в регулярно издаваемых при её жизни сборниках серии «Логический анализ языка».

Сборник состоит из шести разделов, каждый из которых посвящён одному из важных вопросов науки о языке. Открывает сборник раздел под названием «Язык. Мир. Личность», который объединяет статьи, отражающие в основном вопросы, связанные с изучением культурно-языковой личности, её когнитивных, эмоций и форм их проявления. Во втором разделе — «Грамматика. Семантика. Прагматика» — основное внимание уделено способам концептуализации мира, отражённым в семантике, грамматике, прагматике разных языков. В третьем разделе — «Языковая концептуализация мира и вопросы переводимости» — на материале разных языков, стилей и жанров исследуются вопросы перевода и переводимости. В четвёртом разделе — «Семантика и идиоматика мира» — концепт мира исследуется в историко-этимологическом, понятийно-логическом и аксиологическом аспектах. В статьях пятого раздела — «Образы и смыслы в мире человека и социума» — взаимодействие языка, человека и мира осмысливается в связи с широким кругом семиотических проблем.

Особое место в разделе занимает статья С.А. Крылова — «Об основных тематических разделах научного наследия Н.Д. Арутюновой» — в которой освещаются принципы описания научного наследия Н.Д. Арутюновой. На основании анализа работ и их тематической и хронологической упорядоченности составлены тематические разделы с подразделами; дан комментарий к каждому разделу; сделаны необходимые рекомендации для дальнейшей публикации трудов Нины Давидовны Арутюновой.

Заканчивает сборник фотоархив, в котором представлены некоторые яркие моменты из жизни Н.Д. Арутюновой, её близких и коллег.

Книга предназначена для лингвистов, филологов, философов, логиков, культурологов и широкого круга читателей, интересующихся тем, как различные модели мира, которые представлены в языках и культурах, находят выражение в тексте и дискурсе.

Орлова О.С.,
кандидат филологических наук,
Институт Языкознания РАН

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Филологический факультет
Воронежский государственный университет
Институт славянских языков
Харбинского педагогического университета (КНР)
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
Сеченовского университета
Донецкий государственный университет
Научно-образовательный центр межкультурных исследований
им. А.А. Леонтьева

5–7 июня 2025 г.

в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева
и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова
проводят

**XXI Международный Симпозиум
по психолингвистике и теории коммуникации**

**«ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ –
НОВАЯ ПАРАДИГМА В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ»**

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

- История становления теории речевой деятельности как научной школы.
- Деятельностная парадигма в науке о языке.
- Языковое сознание и образ мира.
- Слово в речевой деятельности.
- Производство и восприятие речи.
- Речевое общение в моно- и межкультурной среде.
- Психолингвистика речевого воздействия
- Психолингвистические проблемы перевода и обучения языку.
- Личность как историко-этническая категория.
- Онтогенез языковой способности
- Чтение как понимание.
- Этнопсихолингвистика.

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ СИМПОЗИУМА

г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1 (Главный корпус Воронежского государственного университета), площадь Ленина, д. 10 (корпус №2)

УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ В СИМПОЗИУМЕ

До **15 марта 2025 г.** в Оргкомитет необходимо предоставить:

1. заявку на участие в симпозиуме (см. форму участника);

2. материалы для публикации (тезисы) объемом до 6000 знаков в формате Word по

адресу:

simpozium.psycholing@yandex.ru

До 1 марта 2025 г. принимаются заявки на проведение в рамках симпозиума Круглых столов и Мастер-классов. Вместе с заявкой необходимо прислать список участников и данные организатора.

Контакты воронежских организаторов:

Рудакова Александра Владимировна – д.ф.н., заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина

Телефон: +7(905)0515198, e-mail: a-gudakova@list.ru

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы), **указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».**

Сборник тезисов будет выпущен к началу работы Симпозиума. Электронный вариант сборника и сертификаты участников будут разосланы не позднее 15 июня. Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

Оргвзнос за участие в конференции для **очных** докладчиков составляет **1500 руб.**, для онлайн докладчиков **1000 руб.** В письме о принятии заявки и тезисов к публикации будут сообщены реквизиты для оплаты оргвзноса.

Требования к оформлению тезисов

- объем — 2 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1,25, межстрочный интервал — 1,5;
- на первой строке — название тезисов (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на четвертой строке — название организации, которую представляет автор (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на пятой строке — адрес электронной почты (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на шестой строке — текст тезисов;
- иллюстративный материал выделяется курсивом без кавычек, анализируемые единицы в тексте — полужирным шрифтом;
- значение языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется ‘английскими’ кавычками: joviality ‘веселье’;
- оригинальные варианты терминов на иностранных языках указываются в скобках: специфика функций (role specificity), немецкий литературный язык (Hochdeutsch);
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов, 1989, с. 215], [Иванов, 1989, с. 215; Петров, 2009, с. 105], [Там же. С. 215];
- просьба различать тире (—) и дефис (-).

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент дает обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекгией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекгией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2024
© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2024
© Авторы, 2024

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2024
© Lomonosov State University, 2024
© Moscow International Academy, 2024
© Authors, 2024

Подписано в печать 28.12.2024. Формат 70x100/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru